

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1889.

№ 14.

ЮЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго Университета *В. Надлера* 81—106

Христіанскія древности въ гимнахъ поэта Пруденція (окончаніе). *Н. Протопопова* 107—127

Зависимость нравственности отъ религіи (продолженіе). *А. Б.* 128—146

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (продолженіе). *И. Корсунскаго* 37—50

«Теодицея» Лейбница. Разсужденіе о благодѣи Божіей, свободѣ человѣческой и началѣ зла (окончаніе первой части). *Н. Истомина* 51—78

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Свѣдѣніе о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленнаго Харьковскимъ епархіальнымъ X съѣздомъ за 1-ю половину 1889 года.—Разрядной списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища, составленный училищнымъ правленіемъ послѣ годичныхъ испытаній, бывшихъ въ маѣ и іюлѣ мѣсяцахъ за 188⁹/₈ годъ.—Вѣдомость о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода на 1-е іюля 1889 года.—Отъ правленія Купянскаго духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Некрологъ.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер. д. № 16.

1889.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Таковъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №
Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московскоѣ ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлыя 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Юля 31 дня 1889 года.

Временно и. д. цензора, Протоіерей *П. Солнцевъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Французская лесть выражалась во всѣхъ возможныхъ формахъ; она способна была вскружить голову самому спокойному и твердому человѣку, она могла заставить покраснѣть любого свѣтскаго человѣка. Когда императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ посѣтили торжественное засѣданіе французскаго института, то президентъ Лакретьель привѣтствовалъ государей панегирикомъ, въ которомъ онъ прославлялъ великія дѣянія Петра Великаго и Фридриха II, но при этомъ превозносилъ еще болѣе ихъ августѣйшихъ преемниковъ. Александръ отвѣчалъ немногими, искренними словами. Онъ видимо тяготился официальной обстановкою собранія и по окончаніи засѣданія поспѣшилъ отвести душу въ интимной бесѣдѣ съ выдающимися членами ученой корпораціи ¹⁾.

Въ другихъ учрежденіяхъ лесть выражалась въ иной, болѣе

*) См. жур. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 12.

¹⁾ Choiseul-Gouffier, стр. 197, «Sa majestè s'en tretint avec plusieurs membres de l'Intitut, M. Suard, M. Villemain, qui n'appartenait pas encore à ce corps illustre, mais qui déjà faisait admirer son jeune et beau talent».

осязательной формѣ. На монетномъ парижскомъ дворѣ выбита была въ присутствіи Александра въ честь его медаль. На лицевой сторонѣ медали красовался вензель императора, а вокругъ ея виднѣлась надпись: «возстановителю мира въ Европѣ». На обратной сторонѣ медали изображено было оружіе Франціи, съ надписью вокругъ: «въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1814 г., Франція возвратилась въ великій союзъ европейскихъ державъ» ¹⁾.

Художники города Парижа не отставали отъ ученыхъ въ изъявленіяхъ глубокаго уваженія и удивленія къ возстановителю европейскаго мира. Они соперничали другъ съ другомъ въ воспроизведеніи чертъ лица того, кого вся Франція именовала тогда своимъ добрымъ гениемъ. Особевное вниманіе обратилъ на себя, превосходно сдѣланный, бюстъ императора съ слѣдующею латинскою надписью: *Alexandro Russiae omnium imperatori memores Galliarum populi*. На подножьи бюста начертаны были кромѣ того слѣдующіе стихи:

*Jura pater populo, diademata regibus ultor
Europeae pacem, templis sua numina reddit»* ²⁾.

Напыщенная и подчасъ назойливая лесть, облака еиміама, которыми окружали Александра французы, не могли нарушить нравственнаго равновѣсія свѣтлой души государя, равновѣсія, покоившагося на незыблемомъ основаніи христіанской вѣры и любви. Александръ не искалъ, подобно другимъ великимъ міра сего, удовлетворенія своему тщеславію, онъ не принималъ, какъ должную дань, льстивыхъ и восторженныхъ заявленій, а напротивъ, по возможности, уклонялся отъ нихъ. Его сердце, преисполненное любви и состраданія къ несчастному человѣчеству, влекло его прежде и болѣе всего къ дѣламъ благотворительности. Онъ посѣщалъ больницы, сиротскія училища, филантропическія учрежденія всякаго рода; словомъ и дѣломъ ободрялъ онъ повсюду труждающихся и страдающихъ и оставлялъ по себѣ въ сердцахъ всѣхъ неиз-

¹⁾ Choiseul-Gouffier, стр. 199.

²⁾ Choiseul-Gouffier, стр. 200—201.

гладимое впечатлѣніе. Несчастіе и падшее величіе возбуждали его живѣйшее сочувствіе. Онъ посѣтилъ въ Мальмезонѣ императрицу Жозефину въ сопровожденіи короля прусскаго и обошелся съ нею, какъ съ настоящею императрицею. Оба монарха обѣдали въ Мальмезонѣ за параднымъ столомъ; ихъ деликатное, истинно рыцарское обращеніе тронули до глубины души женщину, принесенную бездушнымъ Наполеономъ въ жертву своему тщеславію и чисто плебейскому высокомерію. Жозефина не долго пережила этотъ послѣдній свѣтлый моментъ своей жизни. Вскорѣ послѣ визита монарховъ она скончалась отъ простудной болѣзни, оставивъ по себѣ самое теплое воспоминаніе во всѣхъ лицахъ, знавшихъ ее близко ¹⁾).

Великодушный по отношенію къ своимъ недавнимъ врагамъ, Александръ не забывалъ на высотѣ достигнутой имъ славы тѣхъ лицъ, которымъ онъ былъ обязанъ своими успѣхами, которыя принимали болѣе или менѣе выдающееся участіе въ его воспитаніи, въ его правительственной и военной дѣятельности. Раздавая щедрія награды своимъ сподвижникамъ въ минувшую войну, Александръ вспомнилъ и такихъ людей, которые оказали ему несомнѣнныя заслуги въ прежнее время, хотя и не состояли теперь уже у дѣлъ, проводя свою жизнь вдали отъ совершающихся великихъ событій. Еще во Франкфуртѣ тотчасъ послѣ изгнанія Наполеона изъ Германіи, Александръ вспомнилъ съ признательностью о забытомъ и осмѣянномъ всѣми Пфулѣ.

«Достигнувъ отъ береговъ Москвы, береговъ Рейна, я думаю исполнить мой долгъ», писалъ государь Пфулю, «обращаясь къ вамъ, генераль, съ нижеслѣдующими строками: Если я пріобрѣлъ кое-какія свѣдѣнія въ военномъ ремеслѣ, то я обязанъ этимъ вамъ одному. Но я обязанъ вамъ еще большимъ: вы составили тотъ планъ, который, при содѣйствіи Провидѣнія, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ спасеніе Россіи, а затѣмъ и Европы. Примите же, генераль, выраженіе признательности, подобающей вамъ на столь справедливомъ осно-

1) Жозефина скончалась 30 мая, н. с.

ваніи. Я прилагаю при семь знаки ордена Св. Владиміра первой степени и прошу васъ возложить ихъ на себя»¹⁾.

Почитая ф. Пфуля, какъ своего учителя въ военномъ искусствѣ, Александръ относился еще съ большимъ уваженіемъ къ воспитателю своего дѣтства Лагарпу. Мы уже видѣли съ какимъ безграничнымъ довѣріемъ относился государь къ Лагарпу въ швейцарскомъ вопросѣ и какую важную задачу готовъ онъ былъ возложить на него при устройствѣ внутреннихъ дѣлъ Франціи. Обстоятельства сложились, однако, такимъ образомъ, что участіе Лагарпа въ устройеніи Франціи не понадобилось. Все было устроено и обдѣлано не благороднымъ идеаломъ, а ловкимъ интриганомъ, дипломатомъ Талейраномъ. Александръ, по прибытіи въ Парижъ, убѣдился самъ, что тутъ нѣтъ мѣста чистымъ рукамъ и возвышенному паренію и, скрѣпя сердце, предоставилъ Францію тѣмъ лицамъ, которыя одни только и могли управлять ею. Понятно, однако-же, что его отношенія къ другу и воспитателю нисколько не измѣнились вслѣдствіе этого новаго разочарованія, что онъ любилъ и уважалъ Лагарпа попрежнему и спѣшилъ засвидѣтельствовать передъ всѣмъ свѣтомъ свои чувства къ нему. 10 апрѣля въ тотъ самый день, когда Александръ, окруженный всѣмъ своимъ воинствомъ, совершалъ благодарственное молебствіе на площади Согласія, онъ даровалъ Лагарпу орденъ св. Андрея Первозванпаго и лично посѣтилъ его жену, находившуюся въ то время въ Парижѣ. Государь взобрался на четвертый этажъ, въ скромный уголокъ, занимаемый г-жею Лагарпъ. Побѣдитель Наполеона, вершитель судебъ Франціи и Европы, предсталъ передъ женою своего бывшаго учителя, какъ добрый, старый знакомый, какъ благодарный памятный ученикъ. М-ше Лагарпъ, не ожидавшая такой высокой чести, оторопѣла при видѣ входящаго государя. Не смотря на всѣ его приглашенія сѣсть, она почтительно стояла передъ нимъ. «Вы очень перемѣнились», сказалъ ей государь, «Ваше Величество, я, какъ и всѣ, терпѣла горе». «Вы меня не поняли», возразилъ государь. «Бывало вы сидѣли подлѣ

¹⁾ См. Перцъ, Steins Leben. Т. III, стр. 711.

воспитанника вашего супруга и дружески разговаривали съ нимъ, а теперь стоите передъ нимъ¹⁾.

Всесторонность и крайняя подвижность Александра изумляли французовъ не менѣе его великодушія и щедрости. Государь провелъ въ столицѣ Франціи около двухъ мѣсяцевъ, и все это время онъ былъ занятъ самыми различными и важными дѣлами. Не давая себѣ ни минуты отдыха, онъ находилъ время для всего. Посторопному наблюдателю могло показаться, что Александръ былъ поглощенъ всецѣло дѣлами благотворительности; другіе могли подумать, что государь занятъ и увлеченъ исключительно осмотромъ достопримѣчательностей Парижа, посѣщеніемъ театровъ, салоновъ, военными смотрами и парадами, визитами и приѣмами. Въ дѣйствительности, Александръ находилъ время для всего этого, но его вниманіе и заботы поглощены были иными, первостепенными, по своей важности, дѣлами. Въ кабинетѣ русскаго государя сосредоточивались тогда политическія дѣла всей Европы, цѣлаго міра, здѣсь, при его непосредственномъ участіи, при его преобладающемъ вліяніи и руководствѣ, рѣшались судьбы Франціи и полагались основы будущаго устройства освобожденной Европы.

Мы видѣли съ какимъ глубокимъ недоувѣріемъ относился государь къ Бурбонамъ, и какъ неохотно далъ онъ, наконецъ, свое согласіе на ихъ возстановленіе на престолѣ Франціи. Теперь вопросъ этотъ рѣшенъ былъ безповоротно, но Александръ твердо былъ намѣренъ обставить Бурбонскую реставрацію такими условіями, при которыхъ она должна была повлечь за собою какъ можно менѣе опасностей для спокойствія Франціи и мира Европы. Проникнутый либеральными идеями вѣка, Александръ былъ глубоко убѣжденъ, что Бурбоны успѣютъ утвердиться на престолѣ Франціи лишь въ томъ случаѣ, если они обставятъ свой тронъ широкими конституціонными учрежденіями, если за потерянную славу и могущество они вознаградятъ Францію политическою и об-

¹⁾ См. Богдановичъ, Т. IV, стр. 522—30. см. также J. Golovin, Histoire d'Alexandre I, Leipzig, 1859, стр. 161.

щественною свободою. Въ этомъ вопросѣ государь всецѣло стоялъ на точкѣ зрѣнія Талейрана и другихъ наиболѣе дальновидныхъ французскихъ политиковъ; онъ одобрялъ конституцію, составленную французскимъ сенатомъ и съ своей стороны готовъ былъ настаивать самымъ энергическимъ образомъ, чтобы Людовикъ XVIII формально утвердилъ ее еще до вступленія своего въ Парижъ.

Императоръ Александръ старался, съ своей стороны, облегчить, по мѣрѣ возможности, положеніе, возвращающейся на престолъ своихъ предковъ, древней династіи. Великодушіе русскаго государя, руководившаго всѣми рѣшеніями коалиціи, выразилось самымъ нагляднымъ образомъ въ условіяхъ перемирія, заключеннаго и подписаннаго 23 апрѣля между Франціею, съ одной стороны, Россіею, Австріею, Пруссіею и Англіею съ другой. По этимъ условіямъ, Франція вводилась въ свои старыя границы 1792 года, при чемъ, однакоже, ей было обѣщано нѣкоторое расширеніе территоріи на счетъ сосѣдей. Союзныя войска должны были очистить французскую территорію, по мѣрѣ того, какъ будутъ сданы французами крѣпости, занимаемыя ими въ Италіи, Германіи, Польшѣ и другихъ европейскихъ странахъ. Французскимъ гарнизонамъ разрѣшалось выйти изъ крѣпостей съ оружіемъ и обозами, взявъ съ собою по одному орудію на каждую тысячу чело-вѣкъ. Все остальное имущество, какъ то: артиллерія, военные и провіантскіе запасы, архивы, планы, карты, должно было быть сдано въ цѣлости союзникамъ. Наконецъ, обѣ стороны должны были освободить взятыхъ ими плѣнныхъ, а французское правительство обязалось сверхъ того возвратить въ Гамбургскій банкъ всѣ суммы, похищенные изъ него маршаломъ Даву.

Условія этой конвенціи были во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно выгодны для побѣжденной Франціи. Они не только гарантировали великой націи ея старыя предѣлы, но сулили ей значительную прирѣзку земли и возвращали ей изъ плѣна 300,000 ея сыновъ. Тѣмъ не менѣе французы, избалованные великодушіемъ своихъ побѣдителей, остались, какъ и слѣдовало ожидать, недовольны условіями конвенціи. Нашлись

люди, которые восклицали, что Франція, побѣжденная 30 марта, была обезоружена и опозорена 23 апрѣля, что она принуждена была отдать своимъ врагамъ все то, что пріобрѣтено было ею въ теченіи двадцатилѣтней войны путемъ столькихъ трудовъ, жертвъ и славныхъ побѣдъ. Составлена была даже подробная опись всего утраченнаго Франціею, изъ которой оказалось, что она уступила союзникамъ 53 крѣпости, 12,600 орудій, въ томъ числѣ 11,300 бронзовыхъ, множество арсеналовъ, наполненныхъ оружіемъ, порохомъ и другими военными запасами, нѣсколько литейныхъ заводовъ съ громаднымъ матерьяломъ, множество гаваней, военныхъ кораблей, предметовъ и припасовъ всякаго рода ¹⁾. Господа, составлявшіе всѣ эти описи, упустили, впрочемъ, изъ виду одно маловажное, по ихъ мнѣнію, обстоятельство. Все перечисленное ими имущество не принадлежало первоначально Франціи; всѣ эти крѣпости, пушки, корабли и т. д. были присвоены французами въ качествѣ военной добычи, теперь эта добыча возвращалась прежнимъ законнымъ владѣльцамъ. Что могло быть, повидимому, проще и естественнѣе такого факта? Но французы привыкли мѣрять себя и другихъ двумя совершенно различными масштабами. Примѣняя въ теченіи 20 лѣтъ ко всѣмъ европейскимъ націямъ право сильнаго и притомъ въ самой безпощадной формѣ, они начали кричать и жаловаться, какъ только черезчуръ великодушные побѣдители отважились взять у нихъ обратно часть ихъ военной добычи.

Вскорѣ ожидали прибытія новаго короля Франціи. Людовикъ XVIII провелъ большую часть своей жизни въ изгнаніи. Онъ пользовался одно время гостепримствомъ императора Александра и проживалъ, окруженный царскою пышностью, въ громадномъ дворцѣ, сооруженномъ въ Митавѣ известнымъ временщикомъ и герцогомъ курляндскимъ, Биромъ. Тильзитскій миръ и его роковыя послѣдствія принудили Людовика оставить Курляндію и искать убѣжища въ Англіи. Здѣсь ему удалось снискать расположеніе торіевъ, пра-

1) См. Vaulabelle II, стр. 40, Тьеръ, Т. XVIII, стр. 72.

вившихъ тогда Великобританіею, и съ того времени онъ началъ возлагать всѣ свои надежды на симпатіи и поддержку вѣковыхъ враговъ своей родины. Людовику XVIII исполнилось 60 лѣтъ, когда неожиданный поворотъ судебъ призвалъ его на тронъ Франціи. Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ человѣкъ не дюжинный и въ высшей степени типичный. Старая до-революціонная Франція отразилась въ немъ со всѣми своими свѣтлыми и темными сторонами. Онъ былъ одаренъ тонкимъ провицательнымъ умомъ и получилъ воспитаніе въ духѣ своего времени. Онъ выросъ среди бездушной и развратной атмосферы стараго французскаго двора, онъ развился подъ вліяніемъ философовъ, энциклопедистовъ и вольнодумцевъ старой Франціи. Подъ вліяніемъ такихъ наставниковъ, Людовикъ еще въ ранней молодости отдѣлался отъ всѣхъ воззрѣній, предрасудковъ и суевѣрій старины, а вмѣстѣ съ ними и отъ всѣхъ идеальныхъ міровоззрѣній, отъ всякой религіи и отъ всякой глубокой философіи. Безбожникъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, ученикъ и почитатель Вольтера, онъ глумился въ интимномъ кружкѣ своихъ приближенныхъ надъ христіанствомъ и религіею вообще, презиралъ и не любилъ католическое духовенство, хотя и боялся въ глубинѣ души ловкихъ и неразборчивыхъ на средства патеровъ. Отрицая всякую религію и мораль, Людовикъ, подобно Вольтеру, считалъ, однакоже, церковь необходимымъ учрежденіемъ, уже потому что лишь она одна могла сдерживать, хотя нѣсколько, грубые инстинкты массы. Въ силу такого убѣжденія Людовикъ являлся во всѣхъ официальныхъ случаяхъ вѣрующимъ католикомъ, носилъ маску лицемѣрія, хотя и былъ далекъ отъ ханжества. У Людовика, какъ и у всякаго человѣка, была, впрочемъ, своя собственная религія. Онъ слѣпо вѣрилъ въ свое легитимное, божественное право. Говоря о Божественномъ провидѣніи, возвратившемъ его на престолъ предковъ, онъ подразумѣвалъ подъ нимъ не что иное, какъ только это право. Помимо этого пункта, Людовикъ былъ человѣкъ чисто свѣтскій, хорошо понимавшій людей, умѣвшій держать себя въ обществѣ, тонкій, вѣжливый, но въ то же время простой и общительный. Его внѣшность не могла произвести

особенно благопріятнаго впечатлѣнія. Правда, его фізіономія не лишена была своего рода красоты, или лучше сказать, величаваго достоинства. Проницательный умъ свѣтился въ его выразительныхъ глазахъ, тонкая ироническая улыбка облагораживала его уста, его осанка была полна достоинства и сознанія своего величія. Вообще, Людовикъ производилъ не дурное впечатлѣніе до тѣхъ поръ, пока онъ сидѣлъ неподвижно въ своемъ креслѣ, но впечатлѣніе это терялось, когда королю приходилось встать съ мѣста и сдѣлать хотя нѣсколько шаговъ. Его тучная и дряхлая фигура, едва державшаяся на ногахъ, искалѣченныхъ подагрою, неизмѣнно одѣтыхъ въ бархатные сапоги, его мѣшковатый и старомодный костюмъ, могли вызвать лишь смѣхъ, или въ самомъ лучшемъ случаѣ, сожалѣніе. Само собою понятно, что Людовикъ передвигался съ мѣста на мѣсто лишь съ величайшимъ трудомъ, что онъ вовсе не могъ ѣздить верхомъ и представлялъ въ этомъ отношеніи полную противоположность своему брату графу Д'Артуа ²⁾.

Отправляясь обратно во Францію послѣ столькихъ лѣтъ изгнанія, король пожелалъ заявить торжественно кому именно обязанъ онъ былъ своимъ возстановленіемъ на престолѣ предковъ. Изъ Гартвеля, своей постоянной резиденціи, Людовикъ посѣшилъ въ Лондонъ, жители котораго встрѣтили его съ шумнымъ восторгомъ. Принцъ-регентъ выѣхалъ на встрѣчу королю, сопровождаемый своими министрами и многочисленною свитою. Онъ поздравилъ Людовика «съ событіемъ, счастливымъ не только для Франціи, но и для Англіи, Европы и всего свѣта, съ событіемъ, доставившимъ англичанамъ семейную радость». Король отвѣчалъ изъявленіями своей глубокой и искренней признательности. «Я знаю», сказалъ

¹⁾ Характеръ Людовика XVIII рисуется въ безчисленныхъ свидѣтельствахъ современниковъ болѣе или менѣе одинаковыми чертами, при чемъ, однакоже, каждый авторъ выдвигаетъ на первый планъ именно тѣ свойства Людовика, которыя соотвѣтствуютъ наиболѣе его личнымъ симпатіямъ или антипатіямъ. Стоитъ, напримеръ, сравнить восторженные отзывы Шатобриана съ сарказмами Беранже, чтобы понять на сколько расходились современники въ своихъ воззрѣніяхъ на личность Людовика, не отступая при этомъ совершенно отъ истины.

онъ между прочимъ, «что королевскій домъ нашъ обязанъ своимъ возстановленіемъ на престолѣ прелковъ послѣ Всевышняго Промысла, болѣе всего мудрымъ совѣтамъ Вашего Королевскаго Высочества, вашимъ благороднымъ усиліямъ и непоколебимому постоянству англійской націи» ¹⁾. Людовикъ, провознося эти слова, съ намѣреніемъ умолчалъ объ остальныхъ членахъ европейской коалиціи, умолчалъ и объ императорѣ Александрѣ, главнымъ, если не единственномъ виновникѣ низложенія Наполеона. На это у короля эмигранта была, впрочемъ, своя основательная причина. Онъ зналъ, что всѣ союзные государи и въ особенности императоръ Александръ, относились съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ правамъ и притязаніямъ Бурбоновъ, и что одни только англійскіе торіи, съ своимъ принцемъ-регентомъ во главѣ, отстаивали отъ начала до конца легитимныя права его дома.

23-го апрѣля Людовикъ, сопровождаемый принцемъ-регентомъ и знатнѣйшими представителями британской аристократіи, прибылъ въ Дувръ. Повсюду его встрѣчали какъ побѣдителя, какъ перваго, испытаннѣйшаго друга англійской націи. 24-го апрѣля король взшелъ на англійскій корабль и въ сопровожденіи цѣлаго флота двинулся къ берегамъ Франціи. Братъ принца-регента, герцогъ Кларенскій, провожалъ его до самаго Кале. Когда флотъ приблизился къ Кале, то весь берегъ моря усѣянъ былъ безчисленными толпами народа, сбѣжавшагося изъ окрестностей. Людовикъ распрощался съ герцогомъ Кларенскимъ и вступилъ на французскую землю при громѣ артиллеріи, при радостныхъ восклицаніяхъ народа. На берегу его встрѣчали маршалъ Монсей и генералъ Мезонъ. Они привѣтствовали его отъ имени временнаго правительства и всей французской націи. Сопровождаемый на пути народными оваціями, Людовикъ прибылъ 29-го апрѣля въ Компьенъ ²⁾, гдѣ приготовлена была ему торжественная встрѣча. Всѣ представители новой Франціи, всѣ люди, возвышен-

¹⁾ Thibaudeau, Histoire du consulat et de l'Empire, T. X, стр. 82.

²⁾ О встрѣчѣ Людовика въ Компьенн см. восторженное описаніе Шатобріана въ его *Melanges Politiques*, стр. 42—45.

ные Наполеономъ изъ ничтожества, слѣшили на встрѣчу восходящему свѣтилу. Забыты были стыдъ и приличіе. Наполеоновскіе маршалы съ маршаломъ Бертье во главѣ раболѣпно преклонились передъ дряхлымъ Бурбонскимъ величествомъ. Бертье, этотъ первый любимецъ падшаго императора, не устыдился обратиться къ королю съ рѣчью, въ которой привѣтствовалъ Людовика, какъ отца и благодѣтеля и утверждалъ, что вся Франція, изнывавшая въ теченіи цѣлой четверти вѣка подъ гнетомъ невыносимыхъ бѣдствій, съ восторгомъ встрѣчаетъ свѣтлый день возвращенія законнаго монарха ¹⁾. Остальные маршалы, въ особенности Ней и Мармонъ, соперничали съ Бертье въ отреченіи отъ прежняго кумира и въ поклоненіи новому владыкѣ. Людовикъ былъ на столько уменъ, что тотчасъ-же понялъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Онъ обошелся съ маршалами, какъ обращается съ своей дворней важный, но добродушный владѣлецъ. Его отвѣтъ преисполненъ былъ, по словамъ очевидца, граціи и благосклонности. Онъ былъ ласковъ съ маршалами и наговорилъ каждому изъ нихъ нѣсколько любезностей. Лефевру онъ выразилъ сожалѣніе по поводу мучившей его подагры. Замѣтивъ, что Мармонъ носитъ руку въ повязкѣ, Людовикъ выразилъ надежду, что маршалъ не замедлитъ оправиться вполне, дабы служить ему ²⁾. Поговоривъ съ каждымъ изъ маршаловъ, Людовикъ счелъ, однакоже, необходимымъ напомнить имъ о своемъ божественномъ правѣ. Онъ вдругъ заговорилъ о своемъ великомъ предкѣ, Генрихѣ IV, и указывая на небольшое цаплиное перо, бывшее на его шляпѣ, замѣтилъ; «Вотъ султанъ Генриха IV-го; онъ будетъ всегда на моей шляпѣ». При этихъ словахъ короля, маршалы съ недоумѣніемъ взглянули другъ на друга; они порѣшили, что перо, до тѣхъ поръ незамѣченное ими, принадлежитъ, вѣроятно, къ числу особенно священныхъ реликвій, хранимыхъ Бурбонами ³⁾.

Людовика ожидалъ въ Компьеннѣ сюрпризъ совершенно осо-

1) Memoires de duc de Rovigo, т. VII, стр. 267.

2) Chateaubriand Melanges politiques, 44.

3) Marmont, Memoires, т. VII, стр. 18.

беннаго рода. Въ числѣ лицъ, привѣтствовавшихъ его, король встрѣтилъ съ удивленіемъ и кронпринца шведскаго, Бернадотта. Коварный гасконецъ закончилъ въ это время свою постыдную роль двойного измѣнника и съ позоромъ удалялся изъ Франціи, занять престолъ которой онъ имѣлъ дерзость мечтать. Императору Александру представлены были въ послѣднее время несомнѣнные доказательства измѣнническихъ сношеній Бернадотта съ Наполеономъ ¹⁾. Съ негодованіемъ узналъ государь, что человекъ, котораго ставилъ онъ одно время такъ высоко, въ тайнѣ предлагалъ Наполеону обезоружить пруссаковъ и русскихъ и перейти съ своими шведами на сторону непріятеля. Рассказывали, что Александръ самъ показалъ измѣннику уличавшія его бумаги, и замѣтилъ при этомъ, что не желая забывать услуги, оказанной имъ въ 1812 г., онъ готовъ изгладить изъ своей памяти совершенные имъ проступки, но что онъ проситъ его въ тоже время сократить по возможности свое пребываніе въ Парижѣ и оставить безъ замедленія Францію ²⁾. Бернадоттъ повиновался, по уѣзжая изъ Франціи, онъ счелъ почему то необходимымъ повидаться съ своимъ счастливымъ соперникомъ и поѣхалъ въ Компъеннъ на встрѣчу Людовику XVIII. Король принялъ его ласково и разговорился съ нимъ о трудностяхъ предстоящей ему задачи, о затруднительныхъ обстоятельствахъ, ожидающихъ его въ Парижѣ, о легкомысліи и непостоянствѣ французовъ. Бернадоттъ съ своею обычною развязностью тотчасъ-же предложилъ королю средство, при помощи котораго онъ легко могъ выйти, по его мнѣнію, изъ всѣхъ затрудненій. «Чтобы управлять французами», сказалъ онъ, пародируя Наполеона, «надо имѣть стальную руку, только надѣвъ на нее предварительно бархатную перчатку» ³⁾.

Людовикъ не нуждался, однакоже, ни въ этихъ, ни въ другихъ какихъ-либо совѣтахъ. Онъ самъ опредѣлилъ себѣ за-

¹⁾ Утверждаютъ, что эти доказательства были представлены Александру самимъ Наполеономъ. См. Мармонъ Мемуары, т. 7, стр. 27.

²⁾ Мармонъ, Мемуары, т. 7, стр. 28.

³⁾ Мармонъ, Мемуары, т. 7, стр. 26.

ранѣе линію, по которой онъ намѣренъ былъ идти, и ни какія силы міра не въ состояніи были заставить его уклониться отъ нея. Въ противоположность эмигрантамъ, тѣснившимся къ нему со всѣхъ сторонъ и настойчиво требовавшихъ восстановленія старыхъ порядковъ, Людовикъ XVIII былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости уступокъ духу времени. Онъ одобрялъ въ душѣ основныя черты конституціи, составленной сенатомъ, онъ готовъ былъ гарантировать Франціи всѣ учрежденія и вольности, добытыя революціею; но онъ считалъ въ то же время несовмѣстнымъ съ своимъ божественнымъ правомъ вступать въ какую бы то ни было сдѣлку съ сенатомъ, принять чьи бы то ни было условія. Онъ порѣшилъ отвергнуть конституцію, составленную сенаторами, и даровать Франціи такую хартію, которая гарантировала бы французамъ всѣ желанныя права и вольности, но являлась бы въ то же время совершенно свободнымъ и самостоятельнымъ проявленіемъ его самодержавной, легитимной власти.

Талейранъ, поспѣшившій вмѣстѣ съ членами временнаго правительства въ Компьенъ, попытался убѣдить короля стать на иную точку зрѣнія, но всѣ его доводы разбились предъ непреклоннымъ рѣшеніемъ Людовика ¹⁾. Раздоры, господствовавшіе въ средѣ французскихъ политиковъ, способствовали, какъ нельзя болѣе, намѣреніямъ короля. Законодательный корпусъ, отодвинутый на второй планъ сенатомъ, устраненный отъ всякаго участія въ составленной конституціи, не желалъ довольствоваться второстепенною ролью и рѣшился искать сближенія съ королемъ. Въ то время, какъ сенатъ не рѣшился отправиться въ Компьенъ и ожидалъ въ Парижѣ утвержденія своей конституціи, законодательный корпусъ поспѣшилъ *in corpore* на встрѣчу королю и поднесъ ему вѣрнопоподданнической адресъ, въ которомъ не упоминалъ ни еди-

¹⁾ Бенъо рассказываетъ, что Людовикъ съ разу подмилъ Талейрану чистаго вина, обратившись къ нему съ словами: «князь Беневентскій, я въ восторгѣ, что вижу васъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, многое переизмѣнилось. Вы видите, мы обаялись болѣе ловкими, нежели вы. Если бы вы оказались таковыми, то вы сказали бы теперь мнѣ: сядемъ-те ка и поболтаемъ; а вмѣсто того, я говорю вамъ, «садитесь-ка и поболтаемъ». Бенъо, Мемуары, Т. II, стр. 147.

нымъ словомъ о конституціи. Людовикъ отлично воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Онъ ласково и величественно принялъ членовъ законодательнаго корпуса, назвалъ ихъ въ своемъ отвѣтѣ на адресъ представителями народа и не сказалъ ни слова о сенатѣ. Галейранъ и всѣ французскіе либералы были крайне смущены такимъ оборотомъ дѣла. Имъ оставалась теперь одна надежда на заступничество императора Александра. Они были твердо увѣрены, что Людовикъ не рѣшится противорѣчить совѣтамъ, исходящимъ отъ главы вооруженной Европы, отъ главнаго виновника и паденія Наполеона и возстановленія Бурбоновъ.

Александръ съ своей стороны готовъ былъ охотно протянуть руку помощи лицамъ, которыхъ онъ не безъ основанія считалъ выразителями общественнаго мнѣнія французскаго народа. Государь полагалъ вмѣстѣ съ этими лицами, что Франція вполне созрѣла для свободныхъ и парламентарныхъ учрежденій, что она не можетъ ни въ какомъ отношеніи возвратиться къ старымъ до-революціоннымъ порядкамъ, что только одна широкая политическая, общественная, религіозная и умственная свобода можетъ успокоить французскую націю и заставить ее забыть потерянную военную славу и утраченное владычество надъ Европою. Исходя изъ такихъ убѣжденій, и не имѣя никакого понятія о непобѣдимомъ упрямствѣ Людовика XVIII, Александръ взялъ на себя неблагодарный трудъ явиться ходатаемъ передъ надменнымъ Бурбономъ за права и вольности французской націи.

Узнавъ о прибытіи Людовика въ Кале, императоръ отправилъ къ нему на встрѣчу съ собственноручнымъ письмомъ графа Поццо-ди-Борго. «Ваше величество», писалъ, между прочимъ, государь, «покорить сердца своихъ подданныхъ, сочувствуя либеральнымъ идеямъ, клонящимся къ упроченію органическихъ учрежденій Франціи» ¹⁾. Эта первая попытка не имѣла, однакоже, ни малѣйшаго успѣха. Король принялъ очень холодно посланца русскаго императора и не далъ никакого

¹⁾ «Votre Majesté subguera tous les coeurs, si elle manifeste des idées liberales tendantes à maintenir et à raffermir les institutions organiques de la France».

отвѣта на письмо. Александръ, придававшій этому дѣлу большое значеніе и пренебрегавшій правилами этикета, рѣшился пустить въ ходъ всю силу личнаго своего вліянія. Онъ самъ поѣхалъ въ Компьеннъ и лично посѣтилъ короля ¹⁾. Людовикъ, не ожидавшій такой высокой чести, былъ видимо взволнованъ и тронуть, но остался тѣмъ не менѣе вѣренъ себѣ и своему божественному праву; онъ встрѣтилъ Александра съ распростертыми объятіями, онъ благодарилъ главу коалиціи за помощь, оказанную ему, законному королю Франціи, но онъ повторилъ въ то же время—неоднократно и съ особеннымъ удареніемъ, что причиною великихъ событій, совершившихся въ послѣднее время, была рука Всевышняго промысла, а равно могущество великаго и незыблемаго начала законности, представителемъ котораго является онъ самъ.

Не безъ изумленія слушалъ императоръ громкія фразы, исходящія изъ устъ короля. Хорошо знакомый съ настоящимъ образомъ мыслей Людовика, онъ возмущался въ глубинѣ души дерзостью вольтеріанца, осмѣливагося говорить о Всевышнемъ промышлѣ. Замѣчаніе короля о помощи, подданной ему Александромъ и его союзниками, могло вызвать только улыбку на устахъ героя, вынесшаго на своихъ плечахъ страшную борьбу съ Наполеономъ, борьбу, въ теченіи которой не было и помину о жалкихъ Бурбонахъ и объ ихъ легитимномъ правѣ. Но каковы бы ни были чувства, вызванныя въ душѣ императора странною рѣчью короля, Александръ съумѣлъ овладѣть собою. Онъ ничего не возразилъ Людовику и тотчасъ-же свелъ разговоръ на вопросъ, исключительно его занимавшій. Обрисовавъ королю положеніе дѣлъ во Франціи и настроеніе общественнаго мнѣнія, государь замѣтилъ, что Людовику слѣдуетъ сдѣлать уступки духу времени и что онъ, съ своей стороны, совѣтуетъ ему принять конституцію, составленную сенатомъ. Людовикъ выслушалъ замѣчанія государя разсѣянно, какъ бы не хотя, онъ видимо уклонялся

¹⁾ Объ этомъ свиданіи см. Тьеръ, Т. XVIII, стр. 98—103; Choiseul-Goffier, стр. 202. Александръ прибылъ въ Компьеннъ, безъ всякой свиты, лишь въ сопровожденіи своего адъютанта, Чернышева.

отъ всякаго положительнаго отвѣта и сказалъ, наконецъ, что онъ намѣренъ дать народу основныя права отъ своего имени.

Александръ вышелъ отъ короля съ самымъ тяжелымъ впечатлѣніемъ. Этотъ упрямый и хитрый старикъ, очевидно, былъ всецѣло поглощенъ двумя предметами: охраненіемъ своего права и соблюденіемъ своего личнаго достоинства. Возвратившись, по милости императора Александра, на престолъ своихъ предковъ, Людовикъ XVIII тотчасъ же постарался доказать союзнымъ государямъ, что ему, преемнику великаго короля, а не кому либо другому, подобаетъ первое мѣсто въ ряду коронованныхъ особъ Европы. На каждомъ шагу заботился онъ о сохраненіи своего первенства и тщательно соблюдалъ правила этикета, оскорбляя при этомъ на каждомъ шагу лицъ, которымъ онъ обязанъ былъ всѣмъ. Уже на первомъ свиданіи въ Компьеннѣ король усѣлся самъ на кресло, а августѣйшему гостю своему предложилъ стулъ. Александръ замѣтилъ, что это было сдѣлано съ умысломъ, но какъ человѣкъ, стоявшій выше подобныхъ пошлыхъ мелочей, ничѣмъ не выразилъ своего неудовольствія. Только вечеромъ того же дня императоръ разсказалъ о случившемся князю Волконскому и замѣтилъ, смѣясь: «Весьма естественно, что король, больной и дряхлый, сидѣлъ въ креслѣ, но я, въ такомъ случаѣ, приказалъ бы подать для гостя другое» ¹⁾).

Нахальство и смѣшная притязательность Людовика возросли еще болѣе послѣ вѣзда въ Парижъ. Казалось, что онъ приглашалъ къ себѣ своихъ гостей и союзниковъ, лишь для того, чтобы осыпать ихъ мелочными оскорбленіями и играть передъ ними роль перваго монарха Европы. Онъ давалъ видъ, какъ будто онъ однимъ своимъ прибытіемъ въ Парижъ возстановилъ монархію Людовика XIV. Подражая этому великому деспоту старыхъ временъ, онъ возобновилъ всѣ его притязанія на преимущество и первенство и доходилъ при этомъ до смѣшныхъ и невѣжливыхъ выходокъ. Вскорѣ послѣ своего прибытія въ Парижъ, король пригласилъ къ себѣ на обѣдъ императора Александра и короля Фридриха-Вильгельма. Обѣдъ

¹⁾ Богдановичъ, Т. IV, стр. 535.

былъ сервированъ и обставленъ во вкусѣ до-революціонной эпохи. Когда гости двинулись въ обѣденную залу, то Людовикъ, не желая уронить своего первенства, спѣша и задыхаясь, обогналъ ихъ и первый усѣлся за столъ ¹⁾. Офиціанты, воспитанные на новыхъ нравахъ, никакъ не могли угодить требованіямъ короля, и то и дѣло нарушали установленный имъ этикетъ. Одинъ изъ нихъ осмѣлился подать одно изъ блюдъ первому императору Александру; Людовикъ тотчасъ-же замѣтилъ это уклоненіе отъ этикета и остановилъ слугу. Махая повелительно рукою и грозно возвышая голосъ, онъ крикнулъ офиціанту черезъ столъ: «à moi, s'il vous plait» ²⁾.

Завзятые роялисты, люди, подобные знаменитому ритору, Шатобріану, восхищались подобными выходками Людовика; имъ казалось, что именно этими способами онъ сдумѣлъ возстановить и поддержать старый блескъ французской короны. «Неизвѣстный, забытый, дряхлый старикъ», восклицаетъ Шатобріанъ, «человѣкъ, не ознаменовавшій себя никакими дѣлами и славою, только что возвратившійся изъ далекаго и долгаго изгнанія, занялъ безъ всякихъ околичностей, какъ и подобаешь это потомуку Людовика святого, первое мѣсто въ Европѣ». Къ счастью для Людовика и его панегиристовъ, императоръ Александръ стоялъ высоко надъ всѣми предрасудками и мелочами этикета. Онъ не жилъ, подобно Бурбонамъ идеями и нравами прошлаго столѣтія и всѣ выходки Бурбонскаго величества, обязаннаго ему всѣмъ, могли вызвать, съ его стороны, лишь одинъ презрительный смѣхъ. Возвращаясь съ обѣда, императоръ, смѣясь, сказалъ своимъ окружающимъ: «Ну, мы сѣверные варвары, у себя дома гораздо учтивѣе» ³⁾.

Александръ имѣлъ, впрочемъ, болѣе серьезныя побужденія быть недовольнымъ на Людовика XVIII. Не смотря на обѣщаніе, данное имъ въ Компьенѣ, упрямый старикъ не думалъ о дарованіи основныхъ правъ французскому народу. Онъ

1) Choiseul-Gouffier, стр. 203.

2) Bernhardt, T. IV, 2-я половина стр. 387.

3) Choiseul-Gouffier, стр. 203.

находилъ время для всего, только не для составленія, требуемой отъ него, деклараціи. Прибывъ 2-го мая въ Сентъ-Уэнъ, король принималъ въ торжественной аудіенціи членовъ сената законодательнаго корпуса и высшихъ государственныхъ учрежденій, объявилъ, что онъ не принимаетъ предложенной ему конституціи, но не упомянулъ ни единымъ словомъ объ основныхъ правахъ. Тогда императоръ Александръ потерялъ, наконецъ, терпѣніе и приказалъ прямо объявить Людовику, что онъ не вѣдетъ въ Парижъ до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ принятаго на себя обязательства ¹⁾. Доведенный до крайности, Людовикъ поручилъ составить декларацію о правахъ любимцу своему Блака. Время терять было нечего, такъ какъ король во что бы то ни стало желалъ вѣхъ въ Парижъ на слѣдующій же день. Блака принялся за работу, пригласивъ къ себѣ на помощь извѣстнаго роялиста Витролля. Уже къ вечеру декларація была готова, но такъ какъ Людовикъ улегся спать, то не желая нарушать его покоя, Блака приказалъ напечатать и разсѣять во множествѣ экземпляровъ этотъ важный документъ, не показывая его даже королю. Ловкій эмигрантъ, безъ сомнѣнія, держался вполне основательнаго мнѣнія, что не слѣдуетъ придавать никакого значенія никакимъ письменнымъ обязательствамъ, хотя бы они исходили даже отъ королевскаго имени ²⁾.

Декларація составлена была, впрочемъ, въ довольно либеральномъ духѣ и удовлетворяла всѣмъ существеннымъ требованіямъ образованной части французскаго общества. Она устанавливала прежде всего парламентарный образъ правленія и учреждала двѣ палаты, между которыми дѣлилась законодательная власть. Палатамъ предоставлены были самыя широкія полномочія, и прежде всего назначеніе налоговъ. Общественная и личная свобода были гарантированы вполне. Печать должна была пользоваться также полною свободою, подъ условіемъ не нарушенія общественнаго спокойствія. Всѣмъ религіознымъ исповѣданіямъ обѣщана была полная терпи-

¹⁾ Богдановичъ, Т. IV, стр. 536.

²⁾ Витроль, Мемуары, Т. II, стр. 171

мость. Права собственности объявлены были неприкосновенными и священными, и продажа національныхъ имѣній признана совершившимся, безповоротнымъ фактомъ. Далѣе, декларация устанавливала отвѣтственность министровъ: нижняя палата получила право обвинять ихъ, а верхняя судить. Суды были провозглашены свободными, а судьи несмѣняемыми. Король объявилъ, что онъ признаетъ государственный долгъ и подтверждаетъ всѣ военныя пенсіи, награды и чины, а равно старое и новое дворянство. Декларация оканчивалась такими словами: «Орденъ Почетнаго Легіона, форма раздачи котораго будетъ нами установлена, продолжаетъ существовать. Каждому французу будетъ открытъ свободный доступъ ко всѣмъ должностямъ въ государственной службѣ и въ арміи. Никто не будетъ подвергнутъ преслѣдованію за высказываемыя имъ мнѣнія или за голосованіе» ¹⁾.

Декларация вызвала живѣйшій восторгъ среди парижской публики. Никто, впрочемъ, не зналъ тайной исторіи этого документа. Никому не приходило въ голову, что Франція получила такія полныя гарантіи своей свободы, единственно благодаря великодушному и неустанному ходатайству императора Александра. Лишь очень немногіе, посвященные въ тайную исторію послѣднихъ событій, могли оцѣнить, по достоинству, дѣйствительное значеніе благодѣяній, дарованныхъ Франціи Людовикомъ XVIII. Толпа была, разумѣется, въ восторгѣ. Короля встрѣчали съ неописаннымъ энтузіазмомъ. «Не возможно описать радость, наполнявшую всѣ сердца», говоритъ очевидецъ, «она была столь же велика, какъ и восторгъ 12 апрѣля при вѣздѣ Д'Артуа, но она была болѣе спокойна. Тогда умы волновались ожиданіемъ и надеждою, теперь они были преисполнены чувствомъ удовлетворенія» ²⁾.

Людовикъ XVIII вѣхалъ въ Парижъ 3 мая. Прекрасная погода, громадныя ликующія массы народа, военный блескъ, все напоминало незабвенный день 30 марта. Король вѣхалъ въ коляскѣ, запряженной цугомъ въ восемь лошадей, рядомъ

¹⁾ Vaulabelle, Т. II, стр. 57—58.

²⁾ Мармонъ, Мемуары, Т. 7, стр. 38.

съ нимъ сидѣла герцогиня Ангулемская; противъ нихъ принцъ Конде и сынъ его герцогъ Бурбонъ. По бокамъ экипажа ѣхали верхами: графъ Д'Артуа и герцогъ Беррійскій, за коляскою слѣдовалъ блестящій кортежъ Наполеоновскихъ маршаловъ: а за ними шли отряды изъ національной гвардіи и гвардейской пѣхоты ¹⁾. Появленіе королевскаго кортежа приводило повсюду народъ въ восторгъ. Всѣ восхищались величественною осанкою Людовика XVIII; всѣ приходили въ умиленіе при видѣ страдальческаго лица герцогини Ангулемской и ея красныхъ отъ вѣчныхъ слезъ глазъ ²⁾.

Задача императора Александра была, повидимому, закончена, но онъ не могъ покинуть Парижа, до тѣхъ поръ, пока не были рѣшены два вопроса первостепенной важности. Необходимо было заключить мирный договоръ съ новымъ французскимъ правительствомъ, и надлежало убѣдиться на дѣлѣ, какимъ образомъ намѣренъ осуществить Людовикъ обѣщанія, данныя имъ въ деклараціи отъ 3 мая. На первый взглядъ, казалось, что разрѣшеніе того и другого вопроса не можетъ представить ни какихъ затрудненій. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи, французское правительство было связано формальными и торжественными обязательствами, но Александръ, хорошо изучившій за это короткое время характеръ Бурбоновъ и ихъ совѣтниковъ, имѣлъ полное право опасаться новыхъ уловокъ и проволочекъ съ ихъ стороны.

1) Если вѣрить Шатобриану, то Наполеоновскіе гвардейцы тали отъ восторга при видѣ возвращающагося Бурбонскаго короля и принцъ Конде. (*G'ai vu, et tout le monde a vu, comme moi, ces braves soldats couverts de blessures, portant la décoration de la Legion d'Honneur, une large cocarde blanche dans leurs bonnets de peau d'ours, pleurer en rendant le salut des armes, aux deux Conde, etc.*) Chatabriand, *Melanges politiques*, стр. 42. Совершенно иначе держали себя старые гвардейцы, по рассказамъ другихъ очевидцевъ. Беранже, напр., говоритъ, что гвардейцы имѣли печальный, мрачный видъ, что они стыдились навязанныхъ имъ бѣлыхъ кокардъ. Народъ, завидѣвъ старыхъ героевъ, забылъ про короля и началъ кричать: да здравствуетъ императорская гвардія! Солдаты отвѣчали криками: да здравствуетъ національная гвардія! Беранже, *Ma biographie*, стр. 363.

2) Беранже говоритъ: «Весь народъ зналъ ея исторію; каждый оплакивалъ ея несчастіе и каждый желалъ ей болѣе счастливой будущности. Всѣ глаза искали ее, какъ ангела-утѣшителя среди столькихъ бѣдствій». *Ma biographie*, стр. 362.

Въ виду этихъ опасеній онъ рѣшился оставаться въ Парижѣ до того времени, когда будетъ подписанъ мирный трактатъ и обнародована обѣщанная конституція.

Опасенія государя не замедлили оправдаться: составленіе мирнаго договора возбудило совершенно неожиданныя разногласія и пререканія, не смотря на то, что всѣ его условія были уже установлены въ актѣ перемирія. Великодушіе русскаго государя по отношенію къ побѣжденной Франціи, поистинѣ, не знало границъ. Благодаря Александру, Франція, не знавшая по отношенію къ побѣжденнымъ ни пощады, ни снисхожденія, освобождена была отъ всякихъ контрибуцій и платежей, удержала за собою всѣ награбленныя Наполеономъ произведенія искусства ¹⁾, получила обратно большую часть своихъ колоній и должна была получить значительную прірѣзку къ своимъ старымъ предѣламъ 1792 г. Людовикъ XVIII и его правительство приняли всѣ эти благодѣянія, какъ нѣчто подобающее имъ по праву, и въ концѣ концовъ вовсе не думали довольствоваться имъ. Они твердо были намѣрены эксплуатировать до безконечности великодушіе русскаго императора и снабдили своихъ уполномоченныхъ въ высшей степени оригинальными инструкціями. Союзные министры остолбенѣли отъ изумленія, когда въ первомъ засѣданіи конференціи 9 мая Лафоре и Осмондъ потребовали исправленія французской граицы, понимая подъ этимъ исправленіемъ присоединеніе къ Франціи цѣлыхъ пограничныхъ округовъ Бельгіи и Германіи съ рядомъ сильныхъ крѣпостей, съ богатыми каменноугольными копями и съ милліоннымъ населеніемъ. Французы настаивали на этой, какъ утверждали они,

¹⁾ См. Тьеръ, Т. XVIII, стр. 159, гдѣ говорится, что государи оставили сокровища искусства въ Парижѣ, во-первыхъ, потому, что «ils se faisaient presque un devoir de respecter des collections où ils avaient été reçus avec beaucoup d'empressement, et où ils avaient témoigné une vive admiration, а во-вторыхъ, и потому, что большая часть этихъ сокровищъ взяты были изъ Италіи и Испаніи, т. е. такихъ странъ, интересами которыхъ союзные государи интересовались очень мало. Изъ писемъ В. ф. Гумбольдта мы узнаемъ, что Людовикъ XVIII обѣщался возвратить Пруссіи всѣ взятыя у нея произведенія искусства, но что дѣло такъ и ограничилось однимъ обѣщаніемъ. См. Ояень, Т. II, стр. 826.

незначительной прирѣзкѣ, ссылаясь на обѣщаніе, данное союзными государями — сдѣлать Францію болѣе великою и могущею, нежели какою была она при своихъ старыхъ короляхъ. Союзные министры объявили, что о подобныхъ уступкахъ не можетъ быть и рѣчи, что они не намѣрены входить въ обсужденіе заявленныхъ требованій, что имъ остается лишь выразить по этому поводу свое крайнее удивленіе. Талейранъ, руководившій всею этою интригою, не думалъ, однакоже, сдаваться. Въ теченіи нѣсколькихъ дней досаждалъ онъ своими визитами Нессельроде, Меттерниху и Кестльри, пытался повліять различными способами на императора Александра, но всѣ его усилія оказались на этотъ разъ тщетными. Мѣра великодушія русскаго государя была, наконецъ, исчерпана. Франція должна была удовлетвориться незначительными прирѣзками на четырехъ различныхъ, далеко отстоявшихся другъ отъ друга, пунктахъ своей границы. Она получила отъ Бельгіи Филепевиль и Мариенбургъ, отъ Германіи Саарлуи и Ландау, отъ Швейцаріи небольшую часть Женевской области и со стороны Италіи западную часть Савойи. Всѣ эти земли не входили въ составъ старой Франціи; населенныя нѣсколькими сотнями тысячъ жителей, онѣ составляли сами по себѣ прекрасное приобрѣтеніе, не говоря уже о томъ, что онѣ значительно улучшали границы королевства въ стратегическомъ отношеніи ¹⁾).

Великодушіе побѣдителей выразилось и во всѣхъ другихъ статьяхъ договора. Король прусскій требовалъ отъ Франціи возвращенія 169.000,000 франковъ, издержанныхъ частью на содержаніе французскихъ войскъ, частью, отнятыхъ въ видѣ принудительныхъ займовъ отъ городовъ и частныхъ лицъ; императоръ Александръ уговорилъ своего друга отказаться отъ этого требованія ²⁾). Великобританія согласилась отдать обрат-

¹⁾ Подробности см. у Тьера, Т. XVIII, стр. 137—149.

²⁾ По поводу этого требованія Пруссія Бурбоны подняли настоящую бурю. Людовикъ XVIII объявилъ, что онъ скорѣе употребитъ 300 милліоновъ франковъ на войну съ пруссаками, нежели заплатитъ имъ 100 мил. Герцогъ Беррійскій кричалъ, что надо броситься съ 300,000 солдатъ, которые должны возвратиться въ скоромъ времени изъ плѣна, на союзниковъ, которыхъ всего лишь 200,000 и вы-

но Франціи всѣ ея колоніи, факторіи и рыбныя ловли, за исключеніемъ: острововъ Табаго, Сень-Люси и Иль-де-Франса. Что значили въ сравненіи съ такими льготными условіями нѣкоторыя обязательства, принятыя на себя Франціею по другимъ статьямъ договора? Могло ли обременить французскую казну обѣщаніе уплатить около 25 милліоновъ франковъ, какъ нѣкоторымъ изъ союзныхъ державъ, такъ ихъ подданнымъ и уплатить при томъ на основаніи законныхъ документовъ? Заключало ли въ себѣ что либо постыдное или обременительное для Франціи условіе, постановленное по поводу Гамбургскаго банка, ограбленнаго Даву и его сообщниками? Могла ли претендовать Франція на то, что союзники заставили ее напередъ признать всѣ свои распоряженія относительно владѣній, уступленныхъ ею? Не заключалось ли новое доказательство великодушія побѣдителей въ томъ, что они согласились допустить Францію къ участию въ совѣщаніяхъ конгресса, долженствовавшаго возстановить порядокъ въ Европѣ, разрушенный бурями революціи и насиліями Наполеона? По-истинѣ, никогда, ни прежде, ни послѣ, въ теченіи всей всемірной исторіи, великодушіе побѣдителей не было такъ велико, какъ при заключеніи междунаrodnаго акта, извѣстнаго подъ именемъ перваго Парижскаго мира: Въ этомъ великодушіи выразилась не политическая мудрость императора Александра, не его тонкій расчетъ, а единственно та высокая и чистая идея, которой онъ служилъ въ это время, идея евангельской, всепрощающей любви.

Переговоры окончились 30 мая подписаніемъ трактата, но обнародованіе конституціи, возвѣщенной въ деклараціи 3-го мая, откладывалось подъ разными предлогами со дня на день. Александръ не считалъ себя въ правѣ покинуть столицу Франціи до тѣхъ поръ, пока Людовикъ XVIII не исполнитъ

бросить ихъ изъ Франціи. Всѣ министры вторили подобнымъ возгласамъ; со всѣхъ сторонъ сыпались проклятія на подлую конвенцію 23 апрѣля. Одинъ только Талейранъ оставался спокойнымъ и сдержаннымъ. «300,000 солдатъ съ которыми вы хотите броситься на союзниковъ, замѣтилъ онъ сухо, если и возвратятся, то единственно благодаря проклинаемой вами конвенціи». См. Тьеръ, Т. XVIII, стр. 156.

взятаго имъ на себя обязательства. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало обезпечить судьбу тѣхъ лицъ, которыя стали на сторону союзниковъ, разсчитывая, что они гарантируютъ французское общество отъ безумныхъ посягательствъ эмигрантовъ. Съ своей стороны, Людовикъ XVIII намѣренъ былъ, правда, исполнить данное имъ обѣщаніе, но онъ хотѣлъ сохранить при этомъ видъ, что онъ дѣйствуетъ вполне свободно, по собственной инициативѣ. Присутствіе союзныхъ государей и ихъ армій, видимо, стѣсняло его и онъ старался отложить обнародованіе конституціи до того времени, когда они оставятъ предѣлы Франціи. Александръ, незнакомый съ дѣйствительными намѣреніями короля и мало довѣрившій Бурбонамъ, не намѣренъ былъ, однакоже, уступать въ этомъ пунктѣ. Онъ объявилъ, что ни союзные государи, ни ихъ войска не оставятъ Франціи до тѣхъ поръ, пока правительство Людовика не исполнитъ своего обязательства. Король принужденъ былъ уступить. Онъ не только поторопиль составленіе конституціи, но и назначилъ 4-е іюня днемъ торжественнаго ея обнародованія. Но вскорѣ на стараго короля напалъ новый припадокъ упрямства. Онъ отсрочилъ обнародованіе конституціи до 8 числа, разсчитывая, что за эти дни союзные государи выйдутъ изъ Парижа. Александръ не намѣренъ былъ, однакоже, уступить этимъ новымъ щепетильнымъ притязаніямъ Бурбоновъ. Прусскій министръ ф. Бюловъ явился внезапно къ министру Беню и сообщилъ ему, что отъѣздъ государей назначенъ черезъ три дня. Беню, крайне смущенный, замѣтилъ, что конституція, до обнародованія которой государи намѣрены были оставаться въ Парижѣ, будетъ готова не ранѣе, какъ черезъ пять дней.

«Вы должны быть готовы завтра», возразилъ ему холодно Бюловъ.— «Конституція должна быть обнародована 4-го числа, какъ обѣщано это королемъ. 5-го мы уѣзжаемъ; распоряженія уже сдѣланы».

«Но вы начинаете говорить чисто Наполеоновскимъ языкомъ» — «вы должны», «распоряженія отданы».

«Это правда, но какъ вы полагаете, развѣ всѣ союзные государи вмѣстѣ не значуть болѣе одного Наполеона. Шутки

въ сторону, не забывайте сказаннаго вамъ мною» ¹⁾. И шутки были устранены. Конституція была обнародована 4-го іюня. Александръ могъ съ легкимъ сердцемъ выѣхать изъ Парижа. Вслѣдъ за императоромъ двинулись изъ предѣловъ Франціи и союзныя войска.

Близорукіе Бурбоны и ихъ совѣтники радовались отъѣзду русскаго государя, но населеніе Парижа провожало Александра съ чувствами живѣйшей признательности и глубокаго сожалѣнія. Не было ни одного парижанина, который не повторилъ бы въ этотъ моментъ слова, произнесеннаго къ чести Александра въ главномъ уголовномъ судѣ извѣстнымъ Белланомъ. «Герой, почти баснословный, отличный плѣнительнымъ обращеніемъ столько-же, сколько и доблестью рыцаря, тотъ, чье имя отъ глубокой древности увѣнчано другого рода славою, нынѣ украшается новою, единственною въ исторіи славою, показавъ Европѣ, что сила оружія, покровительствуя и милуя, можетъ исторгать слезы умиленія» ²⁾.

Наканунѣ отъѣзда государя, въ Парижскомъ Монитерѣ напечатана была слѣдующая статья: «Его Величество Императоръ Всероссійскій оставляетъ завтра нашу столицу. Сей государь, стяжавшій уваженіе всего свѣта, ознаменовалъ всѣ свои поступки, каждый шагъ свой среди насъ, неизгладимыми чертами благороднѣйшаго характера. Неусыпныя попеченія его о заключеніи мира не помѣшали ему заниматься другимъ для пользы его народа нужнымъ дѣломъ: не проходило ни одного дня, чтобы онъ не осмотрѣлъ съ величайшимъ вниманіемъ какое либо изъ общественныхъ заведеній, изъявляя свое благоволеніе и предполагая ввести въ своемъ государствѣ все, что находилъ наиболѣе полезнымъ. Наши ученые не разъ имѣли случай удивляться его свѣдѣніямъ; художники его превосходному вкусу; люди всѣхъ состояній могли его видѣть, говорить съ нимъ; никто не отходилъ отъ него,—не услышавъ изъ устъ его заслуженной похвалы, или благосклоннаго одобренія; многіе имѣли счастье получить лестные знаки Его

¹⁾ Беньо, Мемуары, т. II, стр. 246.

²⁾ Богдановичъ, т. IV, стр. 530

Высочайшаго благоволенія. Повсюду сопровождали его восторгъ и глубокое уваженіе здѣшной публики, принимаемая имъ съ признательностью, достойною откровенности и благородства нашихъ соотечественниковъ. Отъѣзжая отъ насъ, сей великій монархъ оставляетъ между нами, равно какъ и въ лѣтописяхъ міра, незабвенную память своихъ высокихъ качествъ и достославное имя¹⁾.

Покидая Парижъ и предѣлы Франціи, Александръ не считалъ своего дѣла законченнымъ. За низверженіемъ завоевателя и всеобщимъ умиротвореніемъ, должно было воспослѣдовать утвержденіе новаго порядка, порядка, основаннаго не на однихъ только началахъ человѣческой законности и цѣлесообразности, но и на началахъ заповѣди Христовой, возвѣщенной въ его Божественномъ Евангеліи. Александръ не скрывалъ отъ себя всѣхъ трудностей этой новой, предстоящей ему задачи. Опыты прошлаго достаточно убѣдили его съ какими темными силами придется ему вести борьбу, но онъ не сомнѣвался, что Божественный промыселъ, повергнувшій къ стопамъ его властелина полуміра, поможетъ ему возсоздать разрушенный порядокъ вселенной на основаніяхъ возвышенной христіанской любви и Евангельскаго братства.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ См. Богдановичъ, т. IV, стр. 541—542.

ХРИСТИАНСКІЯ ДРЕВНОСТИ

ВЪ ГИМНАХЪ ПОЭТА ПРУДЕНЦІЯ.

(Окончаніе *).

Кромѣ свѣдѣній о катакомбахъ, гимны Пруденція представляютъ намъ и другія интересныя для исторіи христіанскаго искусства данныя: въ нихъ мы находимъ еще описаніе двухъ древнихъ базиликъ и одной крещальни.

Въ XI гимнѣ Perist. Пруденцій описываетъ великолѣпную базилику, построенную надъ катакомбами, въ которыхъ былъ погребень св. Ипполитъ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ лежалъ прахъ мученика. Упомянувъ о множествѣ поклонниковъ, собирающихся на гробницѣ Ипполита, и о тѣсной кубикулѣ, въ которой покоятся останки мученика (189 и сл.), поэтъ указываетъ на стоящій вблизи обширный храмъ, удобный для такого многочисленнаго собранія пилигримовъ. «Но близко стоитъ другой храмъ¹⁾, который приличенъ для такого множества, знаменитый царскимъ убранствомъ, съ высокими стѣнами, могучій гордымъ величіемъ, богатый приношеніями. Двойной рядъ колоннъ поддерживаетъ штучный потолокъ кро-

*) См. журн. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 13.

¹⁾ templum (215 ст.), названіе церкви не встрѣчающееся у христіанскихъ писателей первыхъ трехъ вѣковъ. Одинъ разъ только (у св. Игнатія) церковь называется храмомъ и то съ прибавленіемъ *Божимъ*, для отличія отъ языческихъ капищъ, которыя тоже назывались храмами (templa). Вѣтринскій. Памятники древней христіанской Церкви. 1830 г. т. II, стр. 80.

вли, наложенный на позолоченныя балки; придѣланы стройные выступы съ менѣе обширными кровлями, которыя расширяютъ боковую линію. Среднее пространство храма открываетъ широкій путь къ высокой вершинѣ, поднимаясь до возвышающагося шпица. На противоположной сторонѣ возвышается ступенями трибуналъ, съ котораго предстоятель проповѣдуетъ Бога» (215—226). Въ этомъ описаніи прежде всего не совсѣмъ понятно слѣдующее мѣсто: «*среднее пространство храма открываетъ широкій путь къ высокой вершинѣ, поднимаясь до возвышающагося шпица*» (223—224). Вполнѣ ясное понятіе здѣсь даетъ краткое описаніе Павлиномъ Ноланскимъ Ватиканской базилики св. Петра. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Алеѳію ¹⁾ онъ пишетъ: «съ какою радостію прославлялъ ты со мною апостола, когда наполнилъ всю его базилику густыми толпами бѣдныхъ; открывается ли она на большое пространство въ срединѣ подъ высью своего купола, пыльная штучными потолками, блистая апостольскимъ трономъ, она поражаетъ глаза входящихъ и наполняетъ сердца радостію...» Итакъ, смыслъ указаннаго мѣста у Пруденція тотъ, что большое свободное пространство снизу до самой выси купола дѣлало всю средину храма совершенно открытою. Затѣмъ, что такое въ этомъ описаніи *трибуналъ*, который возвышался ступенями (*gradibus sublime tribunal*—225 ст) на противоположной (отъ входа) сторонѣ и съ котораго епископъ проповѣдовалъ Бога? Здѣсь нельзя разумѣть амвона: амвонъ не былъ обычнымъ мѣстомъ проповѣди епископа. Историкъ Сократъ замѣчаетъ о проповѣданіи Златоуста съ амвона, какъ о необыкновенномъ явленіи ²⁾. Мѣстомъ же епископской проповѣди, по свидѣтельству Златоуста, былъ алтарь, который обыкновенно возвышался на нѣсколько ступеней. Златоустъ описываетъ эту часть храма какъ мѣсто, на которое епископъ долженъ былъ восходить *для проповѣданія*, для молитвъ, для предстоянія св. Трапезѣ и для совершенія о спасеніи на-

¹⁾ Ер. 13 ad Alethium.

²⁾ Вѣтринскій, Пам. древн. хр. Церкви, т. II, стр. 135.

рода страшнаго таинства ¹⁾. Такимъ образомъ, слова Пруденція: *gradibus sublime tribunal* можно отнести ко всему алтарю, гдѣ обыкновенно стояла кафедра епископа, съ которой онъ поучалъ народъ ²⁾, и такъ какъ Пруденцій указываетъ здѣсь на одно только учительство (226 ст.), то на этомъ основаніи можно думать, что слова, о которыхъ идетъ рѣчь, здѣсь имѣютъ болѣе частное значеніе, указывая на означенную кафедру епископа. Это описаніе базилики у Пруденція приводитъ насъ къ опредѣленному мѣсту въ Римѣ, къ Веранскому полю на Тибуртинской дорогѣ, гдѣ стоитъ древняя церковь св. Лаврентія, надъ катакомбами, названными именемъ этого мученика. Что въ этихъ катакомбахъ былъ погребенъ св. Ипполитъ, показываетъ найденная здѣсь въ 1551 году его статуя. Изъ «*Lib. Pontific.*» видно, что на мѣстѣ теперешней церкви св. Лаврентія стояла построенная Константиномъ базилика, которая была посвящена св. Лаврентію. Это и есть та самая базилика, которую описываетъ Пруденцій. Базилика эта представляетъ первую основу церкви св. Лаврентія ³⁾.

Въ XII гимнѣ *Perist.* Пруденцій описываетъ великолѣпную базилику ап. Павла, построенную надъ его могилою. «На другой сторонѣ» (р. Тибра—см. 29, 31 и 46 ст.), говоритъ поэтъ: «Остійская дорога охраняетъ могилу Павла. Здѣсь рѣка омываетъ свой лѣвый берегъ. Роскошь этого мѣста царская. Добрый царь построилъ храмъ этотъ и весь его кругомъ украсилъ на многіе таланты. Онъ покрылъ балки листьями золота, чтобы внутри весь свѣтъ былъ золотистымъ, подобно блеску восходящаго солнца. Онъ укрѣпилъ золоченый штучный потолокъ на паросскихъ колоннахъ и распредѣлилъ ихъ въ че-

1) *Ibidem*, стр. 141.

2) Ап. Пост. II кн. 57 гл.

3) Пруденцій не говоритъ, чтобы эта базилика была посвящена Ипполиту Рѣдкій случай, что столь чтимый мученикъ, какъ Ипполитъ, не имѣлъ и не имѣлъ особаго посвященнаго ему храма, въ которомъ образомъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ погребенъ въ катакомбахъ св. Лаврентія. Поэтому почитаніе Ипполита соединилось съ чтеніемъ этого мученика. Есть предположеніе, что нижняя часть теперешней церкви св. Лаврентія образовалась отъ древней базилики. *Brokhaus*, ss. 142, 148, 226.

тыре ряда. Потомъ онъ украсилъ изогнутыя арки знамениты-ми разноцвѣтными стеклами—такъ дуга блистають весенни-ми цвѣтами» (45—54). Что было это за украшеніе разноцвѣт-ными стеклами, о которомъ упоминаетъ Пруденцій въ своемъ описаніи (53 ст.)? Нужно думать, что это была мозаика, со-стоявшая изъ соединенія множества разноцвѣтныхъ стеклян-ныхъ дощечекъ. Что въ то время храмы украшали мозаиче-ской работою, объ этомъ свидѣтельствуемъ Павлинъ Ноланскій, который въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ о построен-ной имъ базиликѣ св. Феликса: «испещренный мозаикою сводъ дѣлаетъ свѣтлою абсиду, по стѣнамъ и полу покрытую мраморомъ» ¹). Что стекла тоже служили украшеніемъ храмовъ, это видно изъ словъ Сенеки (Ер. 86): «vitro absconditur came-га» (сводъ закрывается стекломъ). И теперь еще можно встрѣ-тить древніе храмы, гдѣ своды и арки украшены мозаиче-скою работою ²). На основаніи лѣтописи Баронія можно за-ключить, что на могилѣ ап. Павла первоначально была по-строена базилика Константиномъ Великимъ, по разрушеніи которой воздвигнута была новая обширная базилика ³). По-строеніе этой новой великолѣпной базилики, которую и опи-сываетъ поэтъ, было начато Θεодосіемъ, а окончено Гонорі-емъ, о чемъ говоритъ слѣдующее древнее двустишіе:

Theodosius coepit, perfecit Honorius aulam
Doctoris mundi sacratam corpore Pauli ⁴).

Характерно, что при этомъ описаніи обѣихъ базиликъ, на-до замѣтить довольно подробномъ, Пруденцій ни разу не упоминаетъ о священныхъ изображеніяхъ. Онъ говоритъ о пышномъ украшеніи этихъ храмовъ металлами, мраморомъ и стекломъ, но совсѣмъ не указываетъ на картины ⁵). Отсю-

¹) Absidem solo et parietibus marmoratam camera musivo illusa clarificat (Ер. 12 ad Severum).

²) Migne, Patrologiae cursus completus. t. LX. Comm. in v. 53, XII Perist.

³) Ibidem, comment. in v. 47.

⁴) Θεодосій началъ, окончилъ Гонорій—чертогъ, освященный тѣломъ Павла, учителя вселенной. Silbert. Prudentius.—Fehergesänge, seilige Kämpfe und Siegeskronen. Wien. 1820. s. 289.

⁵) То же и при описаніи храма св. Евлазія въ Эмеритѣ—III Perist. 191—200.

да можно заключить, что во время поэта еще не было обыкновенія украшать церкви священными изображеніями. Эту догадку подтверждаетъ и Павлинъ Нолянскій, который называетъ украшеніе такого рода рѣдкимъ обычаемъ (gaго more—Natal. IX, p. 614).

Кромѣ базилики ап. Павла, Пруденцій въ XII гимнѣ *Regist.* описываетъ еще одну крещальню, существовавшую во время поэта. Сказавъ, что Тибръ раздѣляетъ священные останки апп. Петра и Павла, и указавши на правый берегъ рѣки, который заключаетъ подъ золотой кровлей Петра (ст. 29 сл.), поэтъ далѣе продолжаетъ: «Она (т. е. правая сторона Тибра) шелеститъ оливами и шумитъ потокомъ. Ибо ручей, истекая съ вершины скалы, вызываетъ вѣчно зеленую вѣтвь (оливы), обильную мастью ¹⁾. Теперь онъ скатывается по дорогому мрамору и орошаетъ оливу, пока не заволакуется въ зеленѣющемъ водовмѣстилищѣ (*columbo*—36 ст.). Это есть внутренняя часть надгробнаго храма (*tumuli*—37 ст.), гдѣ отъ звучныхъ водопадовъ бѣлоснѣжною бездною вертится озеро. Сверху разноцвѣтная живопись окрашиваетъ хрустальные волны. Сіяютъ мхи и зеленѣетъ золото. Лазуревая вода принимаетъ оттѣнокъ верхняго багрянца; можно подумать, что въ водахъ движется штучный потолокъ. Самъ пастыръ свѣжестью холоднаго источника питаетъ здѣсь овецъ, которыхъ видятъ жаждущими потока Христова». Это не совсемъ ясное поэтическое описаніе мы понимаемъ такъ: то мѣсто, гдѣ подъ золотою крышей ²⁾ покоятся останки ап. Петра, изобилуетъ оливами, которыя возбуждаютъ къ жизни текущій съ вершины скалы потокъ. Потокъ этотъ по дорогому мрамору скатывается въ находящееся во внутренней части зданія храма водное вмѣстительство, обросшее зеленымъ мхомъ. Это вмѣстительство имѣетъ видъ озера, которое отъ сильнаго паденія водъ потока вертится бѣлоснѣжною бездною. Мѣсто, гдѣ оно находится, украшено золотомъ и живописью. Золото при-

¹⁾ *Frondem perennem chrismatis feracem*—34 ст.

²⁾ Указаніе на великолѣпную базилику св. Петра, построенную Константиномъ Великимъ на могилѣ апостола.

даетъ сіяніе мхамъ и само зеленѣетъ отъ нихъ. Живопись потолка отражается въ водѣ и окрашиваетъ багрянцемъ волны, при чемъ кажется, что самый потолокъ движется въ волнахъ. Что же касается словъ: *«самъ пастырь съжестью холоднаго источника питаеъ...»* (43—44), то Bunsen видитъ здѣсь намекъ на одну мозаику, которая представляетъ Христа на скалѣ, откуда ключемъ бьетъ вода; между тѣмъ какъ вѣрующіе, изображенные подъ видомъ овецъ, съ жаждою спѣшатъ къ источнику ¹⁾.— Это описаніе у Пруденція ученые понимаютъ неодинаково. Бароній видитъ здѣсь описаніе крещальнаго источника—*fons baptismalis* папы Дамаса. Но Agevalus, соглашаясь, что здѣсь описывается источникъ Дамаса, утверждаетъ, что онъ не былъ *fons baptismalis*, а имѣлъ другое назначеніе. Находясь предъ дверями Ватиканской базилики, онъ служилъ для омовенія: христіане изъ него умывали уста и руки предъ входомъ въ самый храмъ—обычай, о которомъ говоритъ и Евсевій (Церк. Ист. кн. X, гл. 4) ²⁾. Свое мнѣніе Agevalus основываетъ частію на томъ, что папа Дамасъ не указываетъ на этотъ источникъ, какъ на *baptismalis*,—частію же на томъ, что указанное описаніе Пруденція кажется ему удивительно сходнымъ съ описаніемъ источника въ притворѣ Ватиканскаго храма у Павлина Ноланскаго ³⁾. Наше мнѣніе на сторонѣ Баронія. Въ стихахъ Дамаса есть указаніе на *благодатное дѣйствіе* воды этого источника: *invenit fontem, praebet qui dona salutis* ⁴⁾, сказано тамъ (сарт. 39). О назначеніи описываемаго источника для сообщенія благодати говоритъ и содержаніе представленной здѣсь, по словамъ Bunsen'а, мозаической картины ⁵⁾. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, вовсе нельзя сказать, чтобы описанія Пруденція и Павлина были

1) Beschreibung der Stadt Rom. Brockhaus, s. 264.

2) Migne, Patrologia. Comm. in v. 33, XII Perist.

3) Ep. 33 ad Alethium.

4) Опъ нашель источникъ, который првноситъ дары спасенія.

5) Если этой картины здѣсь и не было, то все равно—на благодатное дѣйствіе указываютъ слова Пруденція: *«самъ пастырь...»* (43 сл.). Слова эти, очевидно, имѣютъ тотъ смыслъ, что жаждущіе спасенія («потока Христова») получаютъ его здѣсь чрезъ пастыря, т. е. чрезъ епископа.

чень схожи между собою. Послѣдній, описывая Ватиканскую базилику, между прочимъ, говоритъ про нее: «она блистаетъ входомъ, крытымъ притворомъ, гдѣ островерхое зданіе украшаетъ твердою мѣдью чашу, извергающую воды, спасительныя для нашихъ рукъ и устъ; оно покрываетъ ее тѣнью, окружая съ таинственнымъ видомъ четырьмя колоннами бьющую воду. Входу въ церковь приличествуетъ такое украшеніе, чтобы то, что внутри приносится спасительнымъ таинствомъ, отпечатлѣвалось видимымъ образомъ предъ дверьми». Такимъ образомъ, у Павлина рѣчь идетъ просто объ извергающей воду чашѣ, которая стояла передъ дверьми Ватиканскаго храма; Пруденцій же говоритъ объ очень большомъ водовмѣстилищѣ, наполнявшемся паденіемъ водъ горнаго потока, при чемъ мѣсто этого воднаго резервуара указано во внутренней части храмоваго зданія. Всѣ эти соображенія позволяютъ видѣть въ этомъ описаніи у Пруденція указаніе на *fons baptismalis*.

II. Христіанскій обрядъ въ гимнахъ Пруденція.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами данныхъ, представляющихъ не малый интересъ въ области христіанскаго искусства, гимны нашего поэта являются источникомъ другихъ не менѣе интересныхъ свѣдѣній, касающихся исторіи христіанскаго обряда. Они знакомятъ насъ со многими священными обычаями и обрядами христіанъ древней Церкви.

Изъ V гимна Cath. и II Perist. мы узнаемъ объ употребленіи въ древней Церкви при богослуженіи свѣтильниковъ, служившихъ не только для прогнанія мрака, для освѣщенія темноты, но и для другихъ цѣлей.—Изображая ночное богослуженіе христіанъ въ праздникъ Пасхи (137 ст. и сл.), Пруденцій указываетъ на висящіе на потолокѣ свѣтильники (141 сл.). Описывая страданіе св. Лаврентія, поэтъ отъ лица языческаго префекта говоритъ о вставленныхъ въ золотые подсвѣчники восковыхъ свѣчахъ, которыя употреблялись при ночныхъ священнодѣйствіяхъ христіанъ (II Perist. 69 ст. сл.). Правда,

то и другое мѣсто изъ гимновъ Пруденція, повидимому, говорятъ только за обусловленное темнотою употребленіе свѣтильниковъ при богослуженіи, которые въ такомъ случаѣ назначаются исключительно только для освѣщенія мрака. Но есть соображенія, которыя позволяютъ на основаніи этихъ мѣстъ заключать еще и о другомъ назначеніи свѣтильниковъ въ древней Церкви. Указавши въ V Cath., при описаніи пасхальнаго богослуженія, на висящіе на потолокъ храма свѣтильники, Пруденцій восторгается производимымъ ими церковнымъ благолѣпіемъ: своимъ расположеніемъ и блескомъ они напоминаютъ поэту небо, покрытое блестящими созвѣздіями (145 ст. и сл.). Отсюда можно заключить, что употребленіе свѣтильниковъ въ древней Церкви, кромѣ освѣщенія мрака, имѣло и другую цѣль—это церковное благолѣпіе, украшеніе храмовъ христіанскихъ. Что свѣтильники въ храмахъ во время Пруденція были не только источниками свѣта, но и служили для другихъ цѣлей, объ этомъ говорятъ также болѣе ясныя опредѣленныя свидѣтельства другихъ христіанскихъ писателей того времени. Павлинъ Ноланскій свидѣтельствуешь о назначеніи свѣтильниковъ для украшенія церквей. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, посвященныхъ памяти мученика Феликса, онъ такъ говоритъ: «блестящіе алтари увѣнчиваются частыми свѣтильниками, входы благоухаютъ отъ покрытыхъ воскомъ бумажекъ и сіяютъ днемъ и ночью; такимъ образомъ и ночь и сіяніе дня издаютъ блескъ, и день свѣтлый самъ по себѣ небеснымъ свѣтомъ, отъ безчисленныхъ лампадъ получая двойной свѣтъ, сіяетъ еще болѣе»¹⁾. Кромѣ украшенія храмовъ свѣтильники въ древней Церкви, по свидѣтельству блаженнаго Іеронима, являлись выраженіемъ христіанской радости. Въ своемъ сочиненіи противъ Вигиланція блж. Іеронимъ говоритъ, что когда читается Евангеліе, то по всѣмъ церквамъ востока зажигаются свѣтильники, которые служатъ не для прогнанія мрака, такъ какъ въ это время солнце уже начинаетъ всходить, но для выраженія радости (*jam sole rutilante, non utique ad fugandas tenebras,*

1) De natal Felicis martyr. carm. 3 ст. 99 в сл.

sed ad signum laetitiae demonstrandum—cap. VII) ¹⁾. Наконецъ, свѣтильники, зажигаемые въ древнихъ христіанскихъ церквахъ, были иногда носителями таинственного смысла: они должны были обращать мысли вѣрующихъ къ невещественному свѣту, къ существамъ духовнымъ — Богу и ангеламъ. Григорій Назіанзенъ въ словѣ о Пасхѣ (42) такъ говоритъ о пасхальныхъ свѣтильникахъ: «хотя и вчера мы торжественно носили свѣчи и свѣтильники... изображающіе оный пренебесный свѣтъ какъ въ ангелахъ, составляющихъ первую сущность послѣ первой свѣтоносной Сущности (ибо отъ нея получаютъ свое сіяніе), такъ и въ Самой Троицѣ, сотворившей всякій свѣтъ, отдѣльный отъ нераздѣльнаго свѣта и досточтимый; но нынѣшнее ношеніе свѣтильниковъ преславнѣе и презряднѣе» ²⁾. Изъ приведенныхъ сейчасъ свидѣтельствъ Павлина Ноланскаго и блаж. Іеронима видно, что свѣтильники, имѣя въ древней Церкви, кромѣ освѣщенія темноты, и другія разныя назначенія, употреблялись потому какъ при ночномъ, такъ точно и при дневномъ богослуженіи. Этому нисколько не противорѣчитъ указаніе префекта во II Regist. у Пруденція на золотые подсвѣчники, употреблявшіеся, по его словамъ, при «ночныхъ священнодѣйствіяхъ» христіанъ (71 ст.). Приведенное указаніе на употребленіе свѣтильниковъ «при ночныхъ священнодѣйствіяхъ» вовсе не исключаетъ собою употребленіе ихъ и при дневномъ христіанскомъ богослуженіи. Не нужно забывать, что это слова язычника и гонителя христіанъ, а извѣстно, что во время гоненій послѣдователи Христовой религіи совершали свое богослуженіе большею частію ночью, и что язычники смотрѣли на христіанъ, какъ на служителей какихъ-то кровавыхъ мистерій (69 сл.), совершаемыхъ ими въ ночное время ³⁾.

Изъ VII и VIII гимновъ Cathemerinon мы получаемъ у нашего поэта нѣкоторыя свѣдѣнія о *постѣ* въ древней Церкви. Древніе христіане относились къ посту съ большимъ

¹⁾ Migne, Patrolog. t. LIX. Prolegom. cap. III.

²⁾ Вѣтранскій, V т. 96 стр.

³⁾ Сочин. христ. апологет.

уваженіемъ. Въ немъ они видѣли сильное средство для обузданія тѣлесныхъ влеченій, для подчиненія страстей тѣла требованіямъ духа. Воздержаніе имѣло цѣлію подавить плоть, чтобы тѣмъ удобнѣе духъ человѣка могъ возноситься къ Творцу (VII Cath. 16 сл., 196 сл.). Но кромѣ этого, такъ сказать, педагогическаго смысла, постъ въ древней Церкви имѣлъ еще и другое значеніе: въ немъ видѣли средство къ умилоствленію Бога, къ отвращенію праведнаго гнѣва Божія. На это свойство поста указываетъ Пруденцій, когда, убѣждая къ воздержанію, приводитъ историческій примѣръ Ниневія (VII, 81—175). Изъ гимновъ Пруденція видно, что постъ у древнихъ христіанъ состоялъ въ воздержаніи отъ пищи и питія до наступленія, по восточному счету, 9 часа дня, въ который умеръ Христосъ на крестѣ, по нашему—до третьяго часа по-полудни (VIII, 9 ст. и сл.). Мы видимъ, что мученикъ Фруктуозъ среди невыносимыхъ страданій отказывается отъ предлагаемаго ему питья, указывая на Христа, Который до самой крестной смерти переносилъ мучительную жажду (Марк. XV, 23). Замѣтивъ, что нѣкоторые изъ присутствующаго при пыткѣ народа хотятъ предложить мученику для подкрѣпленія сосудъ съ водою, Фруктуозъ такъ говоритъ: «мы постимся, я отказываюсь отъ питья: еще не настала девятый часъ дня. Я никогда не нарушу установленный законъ; сама смерть не разрѣшитъ моего священнаго обряда. Такъ Христосъ, жаждавшій въ крестный часъ, отказываясь отъ предложеннаго Ему сосуда и не желая отвѣдать питья, перенесъ жажду» (VI Perist. 54—60). До 9 часа воздержаніе продолжалось въ посты среды и пятка. Такъ, Епифаній говоритъ: «въ четвертый и шестой день недѣли постъ продолжается до часа девятаго»¹⁾. Относительно же поста Четырнадцатницы въ этомъ случаѣ, кажется, ничего опредѣленно неизвѣстно. Одни полагаютъ, что въ это время христіане ежедневно постились до самаго вечера (Bingham)²⁾, другіе (Arevalus)³⁾ думаютъ, что въ

¹⁾ Изложеніе вѣры. § 22.

²⁾ Вѣтринскій. Пам. древн. христ. Церкви, V т., стр. 103.

³⁾ Migne, Patrolog. t. LIX, VIII Cath. Comment.

этомъ отношеніи не было строгаго различія между постами среды и пятка и постомъ Четырдесятницы, т. е. во время послѣдняго воздержаніе продолжалось то же не далѣе 9 часа. Съ наступленіемъ 9 часа, который начиналъ собою четвертую часть дня (VIII Cath. 9--12) ¹⁾, древніе христіане прекращали постъ и вкушали пищу (VIII, 13 и сл.), которая преимущественно состояла изъ овощей и плодовъ (III Cath., 63 ст. и сл.). Употребленіе же мяса животныхъ было не въ обычаѣ даже и въ обыкновенное время. Пруденцій, отвергая вкушеніе мяса четвероногихъ, видитъ въ этомъ свойственную язычникамъ, но недостойную христіанъ кровожадность (III, 58). По свидѣтельству блаж. Августина, въ то время очень многіе христіане воздерживались отъ употребленія въ пищу мяса животныхъ, не считая его однако нечистымъ. «Многіе», говоритъ онъ: «не питаются мясомъ, но и не считаютъ его суевѣрно нечистымъ... Воздерживаются, которые могутъ, которые однако *безчисленны*...» ²⁾. Съ постомъ, по воззрѣнію древнихъ христіанъ, должна была соединяться основанная на братской любви благотворительность къ бѣднымъ, и тогда постъ получалъ особенную силу, побѣждающую грѣхъ. Пруденцій говоритъ, что «не такъ разлившееся пламя потушается отъ воды, не такъ снѣга таютъ отъ горячаго солнца, какъ уничтожается нечистая жатва постыдныхъ преступленій, сокрушенная воспитательнымъ постомъ, если присоединяется любвеобильная щедрость» (VII Cath. 206—210). День поста Пруденцій называетъ *festum*—праздникъ (VII, 4 ст.; VIII, 14 ст.) Дѣйствительно, дни поста въ древней Церкви были днями священнаго торжества, носили характеръ праздника. Это особенно должно сказать о постѣ св. Четырдесятницы, на который, можетъ быть, указываетъ Пруденцій въ 196 ст. VII Cath. ³⁾. Въ эти дни государственные законы прекраща-

1) Въ то время день отъ восхода до захода солнца раздѣлился, какъ и почъ, на четыре части. *Ibidem*.

2) *Ibid. Prolegomena, cap. XVI.*

3) Указавши на Христа, который постился 40 дней, какъ на примѣръ воздержанія (176—195), поэтъ говоритъ: «*Nos nos sequamur*» (ст. 196) «Будемъ подражать этому...».

ли всѣ слѣдствія, допросы и казни по уголовнымъ дѣламъ. Θεодосій Великій постановилъ на этотъ предметъ два закона. Въ одномъ изъ нихъ сказано: «Въ дни Четырдесятницы, началомъ церемоній предваряющіе время Пасхи, всѣ слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ воспрещать». Въ другомъ законѣ говорится: «Въ св. дни Четырдесятницы когда ожидается разрѣшеніе душамъ, не должно налагать тѣлесныхъ наказаній» ¹⁾. Для возбужденія въ христіанахъ большаго благочестія и чтобы болѣе расположить ихъ къ посѣщенію св. храмовъ, во время Четырдесятницы, какъ во дни праздниковъ, запрещались всѣ зрѣлища и общественныя игры. Іоаннъ Златоустъ ²⁾ и Григорій Назіанзинъ ³⁾ горячо возставали противъ всѣхъ забавъ и увеселеній въ св. дни Четырдесятницы. Посты въ среду и пятокъ тоже носили характеръ священнаго торжества. Въ эти дни христіане собирались къ богослуженію въ храмъ, гдѣ приобщались св. Таинъ, отчего и дни эти назывались днями и постами *стояній* (stationes) ⁴⁾. Что касается вопроса объ обязательности поста въ древней Церкви, то, на основаніи гимновъ Пруденція, нужно думать, что это было обязательное учрежденіе. За это говоритъ положенная норма поста, который, какъ мы видѣли, долженъ былъ продолжаться до 9-го часа дня. Правда, въ VIII гимнѣ Cath. поэтъ говоритъ, что «обширный и добровольный образъ воздержанія положенъ для всѣхъ», и что «побуждаетъ насъ не страхъ, но своя воля принуждаетъ всякаго пожелать (воздержанія)» (65—68). Но эти слова нисколько не противорѣчатъ обязательности поста. Въ связи съ предыдущими стихами (49—64), гдѣ проводится та мысль, что за всѣ дѣла милосердія Божія и самый строгій постъ былъ бы со стороны человѣка лишь самымъ слабымъ воздаяніемъ, но что Богъ, по слабости тѣла человѣческаго, не требуетъ такого поста, смиряя людей лишь «легкою уздою» (2 ст.), легкимъ воздержаніемъ, это мѣсто говоритъ ско-

1) Код. Θεодос. кн. 9, ст. 35. законы 4 и 5.

2) Бес. 6 и 7, на кн. Бытія.

3) Письмо 71.

4) Вѣтринскій, V т. стр. 13, 81, 83—86, 104. Migne, Patrol. Cath. VIII. Comment.

рѣе о добровольномъ продолженіи поста далѣе 9-го часа, чѣмъ о своевольномъ прекращеніи его ранѣе этого времени.

Однимъ изъ предметовъ крѣпкой вѣры древнихъ христіанъ было воскресеніе мертвыхъ. Древніе христіане были твердо увѣрены, что тѣла умершихъ, эти бездыханные останки, нѣкогда вновь оживутъ и снова возстанутъ для новой и вѣчной жизни. Для духовнаго взора христіанъ древней Церкви тѣла умершихъ не были такими ужасными трупами мертвецовъ, которые вѣчно покинула жизнь—нѣтъ, въ нихъ они видѣли только покоящіяся, спящія ¹⁾ въ надеждѣ пробужденія тѣла (X Cath. 53). Приведемъ здѣсь прекрасные стихи Пруденція, въ которыхъ выражается эта увѣренность во всеобщемъ воскресеніи:

«Вотъ видимъ усоншее тѣло (говорить поэтъ):
 Безъ мысли оно, безъ движенья;
 Но малое время—и снова
 Въ немъ прежнія чувства забьются.

Пройдутъ, какъ мгновенья, вѣка, и лютъ чудный
 Огонь оживитъ эти кости.
 Живая въ нихъ кровь потечетъ,
 Жилище душѣ вновь устроить.

Тѣла, неподвижныя трупы,
 Лежащія прахомъ въ могилахъ,
 Какъ птицы изнесутся на воздухъ,
 Ихъ души олятъ въ нихъ жить будутъ» ²⁾.

На этой надеждѣ всеобщаго воскресенія основаны всѣ священные обряды и обычаи, которыми древніе христіане сопровождали смерть и погребеніе умершихъ (X Cath. 45 ст. и сл.) и свѣдѣнія о которыхъ представляетъ въ своихъ гимнахъ Пруденцій. Смотря на хладное тѣло умершаго, какъ на хранилище духа, который нѣкогда долженъ снова оживить эти лишенные жизни останки, древніе христіане считали его драгоценною святыней и тщательно заботились о достойномъ его погребеніи. Пруденцій говоритъ, что кто погребаеть тѣла умершихъ, тотъ дѣлаеть святое дѣло, за которое получить

¹⁾ Поэтому и катакомбы, какъ мѣста погребенія умершихъ, назывались *someteria* (усыпальницы).

²⁾ X Cath. 33—44. Труд. К. Д. Акад. т. III, 1869 г. стр. 95—97.

награду отъ Бога (X Cath. 61—80). Въ V гимнѣ Perist. нашего поэта мы видимъ, что вѣрующіе при первой возможности стараются похоронить поруганные мучителемъ останки св. Винкентія (505 и сл.). Въ исторіи Церкви первыхъ вѣковъ не мало найдется примѣровъ этой иногда полной самоотверженія ревности о погребеніи усопшихъ ¹⁾. Самый способъ погребенія у христіанъ представлялъ прежде всего ту особенность, что тѣла у нихъ не сожигали, какъ это дѣлалось у язычниковъ, а зарывали въ землю, или полагали въ катакомбахъ. Погребенное тѣло умершаго должно нѣкогда снова ожить. Отсюда, естественно, возникаютъ заботы объ его сохраненіи. Изъ гимновъ Пруденція видно, что, по возрѣнію древнихъ христіанъ, при погребеніи останковъ усопшаго непременно должны быть собраны всѣ члены, составляющіе его тѣло ²⁾ и похоронены въ одномъ мѣстѣ (VI Perist. 130—141; XI, 147 ст. и сл.). Мотивъ, лежащій въ основѣ этой христіанской заботы о сохраненіи тѣлъ умершихъ, не былъ, конечно, понятенъ язычникамъ и потому они смѣялись надъ христіанскимъ способомъ погребенія. Въ апологіи Минуція Феликса («Октавій») одинъ язычникъ такъ говоритъ объ этомъ обычаѣ христіанъ: «они гнушаются кострами и осуждаютъ сожиганіе при погребеніи, какъ будто не всякое тѣло съ годами и вѣками превращается въ землю и безъ огня» (гл. XI). Такъ думали язычники, для которыхъ со смертію тѣла навсегда оканчивалась жизнь его; но не такъ смотрѣли на смерть христіане и потому тщательно и бережно сохраняли останки умершаго, хотя, сильные своею вѣрою въ воскресеніе тѣла, и не боялись сожженія его (гл. XXXVII) ³⁾. Погребенію усопшаго въ первые вѣка христіанства предшествовалъ цѣлый рядъ торжественныхъ приготовленій, въ которыхъ выразились все уваженіе древнихъ христіанъ къ тѣлу умершаго и вся ихъ нѣжная забота и попечительство о немъ.

1) Ц. Истор. Евсевія кн. 7 гл. 16, гл. 22; кн. 5 гл. 1. Тертулл. Апол. гл. 39.

2) Здѣсь нужно имѣть въ виду преимущественно тѣла мучениковъ.

3) Впрочемъ во времени Пруденція этотъ обычай и у Римлянъ вышелъ изъ употребленія.

Христіане омывали останки усопшаго: такъ, у Пруденція мы видимъ, что вѣрующіе омывають виномъ кости мученика Фруктуоза (VI Perist. 130 сл.). Далѣе, тѣло умершаго покрывали благовонными мастьями (X Cath. 51—52). Объ этомъ обычаѣ такъ говоритъ Тертуліанъ: «Мы совсѣмъ не покупаемъ ѳуміама. Ежели его ищутъ въ Аравіи, то пусть вѣдаютъ жители Савы (у Пруденція: *myrrha Sabaeo* 57 ст.), что ихъ товары больше и дороже расходятся на погребеніе христіанъ, нежели на куреніе богамъ»¹⁾. Наконецъ, останки умершаго древніе христіане обвивали бѣлыми пеленами: «есть обычай, говоритъ Пруденцій, обвертывать (члены *artus*—47 ст.) пеленами, блестящими свѣтлою бѣлизною» (49—50). Въ этихъ приготовленіяхъ къ погребенію христіане подражали примѣру Самого Христа, тѣло Котораго, по іудейскому обычаю, тоже было обвито пеленами и покрыто благовоніями (Іоанн. 19, 39—40)²⁾. Провожая усопшихъ въ загробный міръ, древніе христіане воспѣвали псалмы и другія духовныя пѣсни. Такъ, въ X гимнѣ Perist. (836 и сл.) у Пруденція мы видимъ, что мать одного дитяти-мученика въ то время, какъ голова малютки падаетъ подъ ударомъ меча, поетъ священные стихи изъ 116 псалма (15 и 16). Въ постановленіяхъ апостольскихъ говорится: «когда выносите почившихъ, то провожайте ихъ съ псалмопѣніемъ, если они вѣрующіе о Господѣ» (кн. VI, гл. 30). Торжественности такого погребенія лишались только тѣ, которые не были «вѣрующими о Господѣ»: самоубійцы, умершіе безъ крещенія и отлученные отъ Церкви³⁾. Въ этихъ пѣсняхъ выражалась христіанская радость о томъ, что Богъ призвалъ усопшихъ въ лучшій міръ и упокоилъ отъ трудовъ и печалей житейскихъ. Златоустъ такъ говоритъ о погребаль-

¹⁾ Апол. 42 гл. Бальзамированіе у христіанъ между прочимъ имѣло и практическую цѣль: оно должно было предохранять тѣла отъ гніенія, что особенно необходимо было въ катакомбахъ, куда христіане иногда собирались для богослуженія.

²⁾ Обычай умащать тѣла умершихъ былъ и у язычниковъ, которые, какъ и іудеи (Дѣян. 9, 37) кромѣ того омывали ихъ. Въ VI кн. Энеиды Виргилій, описывая языческое погребеніе, такъ говоритъ: «тѣло умершаго омывають и намазываютъ благовонными мастьями».

³⁾ Собр. кн. 7, гл. 46.

ныхъ пѣсняхъ христіанъ: «Скажи мнѣ, что значать эти пѣсни? Не славословимъ ли, не благодаримъ ли мы Бога за то, что Онъ увѣнчалъ, избавилъ отъ трудовъ, и изгнавъ страхъ, вчинилъ съ собою отшедшаго, не для того ли сіи пѣсни? Не для того ли и псалмопѣнія?» ¹⁾ Этой духовной радости твердо вѣровавшихъ въ будущую жизнь христіанъ были противны отчаянный плачь и неумѣренные сѣтованія при гробѣ. «Перестаньте, печальные стоны..!» восклицаетъ Пруденцій въ своемъ погребальномъ гимнѣ (X Cath. 117 и сл.). Златоустъ обличаетъ неумѣренный плачь по умершимъ и особенно языческой обычай навимать плакальщицъ. «Никто да не плачетъ, никто да не скорбитъ объ умершихъ», говоритъ онъ: «никто да не клеветаетъ на смерть Христа, коею поправа бысть смерть. Зачѣмъ ты напрасно плачешь, если вѣришь, что смерть обращена въ сонъ? Зачѣмъ себя бьешь и сѣтуешь?... Но ты какъ будто нарочно стараешься распространять этотъ грѣхъ и созываешь женщинъ, на плачь подстрекающихъ, дабы ихъ плачевнымъ пѣніемъ сильнѣе воспламенить твою скорбь» ²⁾. Но плачь умѣренный, какъ естественное выраженіе человѣческой скорби о потерѣ дорогого существа, дозволялся. Такъ, у Пруденція мы видимъ, что вѣрующіе съ плачемъ погребаютъ останки св. Впикентія (V Perist. 509 ст.), что печальная Африка оплакиваетъ смерть св. Кипріана (XIII, 95 сл.). «Отъемлю не печаль», говоритъ Златоустъ: «а силу печали: ибо скорбѣть естественно, но скорбѣть чрезъ мѣру свойственно безумному и женоподобному. Плачь и сѣтуй, но смотри, чтобы не дойти до негодованія и нетерпѣливаго взысканія надъ умершимъ. Плачь, но такъ, какъ плакалъ надъ Лазаремъ Господь твой, показавшій намъ правило, мѣру и границы печали» ³⁾. Гробницы умершихъ древніе христіане иногда посыпали цвѣтами (X Cath. 169 сл. III Perist. 201 сл.) и покрывали благовонными мастями (X Cath. 171—172; XI Perist. 194 ст.). Блаженный Геронимъ, похваляя друга своего Паммахія, говоритъ:

1) Бес. 4 на посл. къ Евр.

2) Бес. 32 на Мѣ.

3) Бес. 29 объ усопшихъ. Вѣтринскій, V т. стр. 193.

«иные мужья надъ могилами женъ сыплють: фіалки, розы, лиліи, пурпуровые цвѣты и симъ утѣшаютъ себя въ скорби сердца; напѣ Паммахій обливаетъ святой пепель и досточтимыя кости бальзамомъ милостыни» ¹⁾. Впрочемъ, нужно сказать, что украшеніе могилъ было гораздо болѣе въ обычаѣ у язычниковъ, чѣмъ у христіанъ. Христіанскія гробницы обыкновенно отличались своею простотою и безыскусственностію. На нихъ не всегда даже надписывались имена погребенныхъ. Пруденцій говоритъ, что онъ видѣлъ христіанскія гробницы, гдѣ надписи указывали только число погребенныхъ тамъ мучениковъ (XI Perist. 9 и сл.).

Мученическіе гимны Пруденція знакомятъ насъ со многими священными обычаями, въ которыхъ выразилось у древнихъ христіанъ почитаніе мучениковъ.—Эти герои вѣры, эти страдалцы за Христа, еще при жизни своей возбуждали со стороны христіанъ безграничное къ себѣ благоговѣніе. Мы видимъ у Пруденція, что вѣрующіе во множествѣ стекаются къ мѣсту страданія христіанскихъ мучениковъ и въ порывѣ религіознаго восторга цѣлуютъ ихъ кровавыя раны (V Perist. 337 и слѣд.). О подобномъ обычаѣ говоритъ Тертуліанъ, по свидѣтельству котораго древніе христіане цѣловали оковы мучениковъ ²⁾. Послѣ смерти души мучениковъ, по возрѣнію христіанъ, восходятъ на небо, гдѣ обитаютъ вмѣстѣ со Христомъ (Perist. III, 161 сл. V, 5 сл. 301 сл. 365 сл. 521 сл.; VI, 7 сл. X, 731 сл.). за Котораго они пострадали и Который Своєю крестною смертію освятилъ и прославилъ ихъ мученическую смерть (VI, 112—114). Поэтому въ лицѣ мучениковъ христіане видѣли сильныхъ покровителей, какъ cadaго человека въ частности (II, 573 сл. X, 834—835) и всѣхъ людей вообще (VI, 84 сл., XIII, 106 ст.), такъ въ особенности тѣхъ странъ и народовъ, гдѣ они пострадали (II, 569 сл. VI, 145 сл. XIV, 3 сл.),—такихъ покровителей, защита и помощь которыхъ могутъ избавить не только отъ золь и бѣдъ настоящей жизни, но даже и отъ вѣчныхъ мученій за гробомъ (IV,

¹⁾ Письмо 26 къ Паммахію. Ibid. стр. 194.

²⁾ Посл. къ женѣ, ч. II гл. IV.

5 сл.; X, 1136 сл.). Поэтому христіане обращались съ молитвою къ мученикамъ (II, 573 сл. XIV, 124 сл.), твердо вѣря, что они слышатъ ихъ молитвы (II, 565 сл. III, 213 сл. IX, 97 сл.) и что Христось внимаетъ прошеніямъ «своихъ свидѣтелей» за христіанъ (I, 21 сл. XI, 239 сл.). Стекаясь изъ разныхъ странъ и принося дары и обѣты, христіане усердно молились на гробницахъ мучениковъ (I, 8 сл.; IV, 197 сл.; XI, 189 сл.). Здѣсь они высказывали свои завѣтныя думы и желанія, здѣсь открывали свои печали и грѣхи, прося у свв. страдальцевъ помощи и ходатайства предъ Богомъ (IX, 95 сл., XI, 175 сл.), и никто не уходилъ лишеннымъ утѣшенія (I, 13 сл., XI, 178 сл.). Сюда прибѣгали одержимые бѣсами, и демоны, трепещущіе мученической крови (IV, 65 сл.), прогонялись (I, 97 сл.); сюда приходили страждущіе и другими бѣззнями и получали исцѣленіе (112 сл.).— Полные любви и благоговѣнія къ свв. страдальцамъ, древніе христіане обнимали могилы мучениковъ (II, 553 сл.)¹⁾, собирали ихъ священные останки— части тѣла (VI, 130 сл.; XI, 131 сл.) и святую кровь (V, 341 сл.; XI, 141 сл.) и тщательно хранили ихъ, какъ дорогую святыню, какъ защиту отъ разныхъ бѣдъ и несчастій (II, 545 сл. VI, 133 сл.)²⁾. Хранили и разные предметы, освященные прикосновеніемъ мучениковъ. Пруденцій говоритъ, что въ его время христіане лобызали ложе, на которомъ лежалъ св. Винкентій (V, 555 сл.), пострадавшій въ самомъ началѣ IV вѣка. На гробницахъ, заключающихъ св. останки мучениковъ, христіане совершали таинство Евхаристіи (XI, 169 сл.) и надъ священнымъ прахомъ ихъ воздвигали богато украшенные храмы, алтари которыхъ доставляли должный покой страдальцамъ (III, 196 сл. 211 сл.; IV, 189 сл. V, 513 сл.).— Почитая память мучениковъ, древніе христіане свято чтили дни ихъ страданія, какъ дни рожденія въ вѣчную жизнь и въ эти дни изъ разныхъ странъ во множествѣ схо-

¹⁾ У древнихъ былъ обычай обнимать могилы дорогихъ людей. Migne, Patr. + LX II Perist. Comment.

²⁾ Этою заботою древнихъ христіанъ о собираніи останковъ мучениковъ объясняется сохраненіе ихъ до нашего времени.

дились на ихъ гробницы для молитвы (XI, 195 сл.; XII, 1 сл.). Наконецъ, въ честь мучениковъ христіане слагали для пѣнія священные гимны (VI, 148 сл.; II, 513 сл. XII, 59—60).

Мы не исчерпали бы всего литургическаго матеріала, который представляютъ намъ гимны Пруденція, если бы не разсмотрѣли еще нѣсколько краткихъ указаній, касающихся исторіи христіанскаго обряда.

Древніе христіане благоговѣнно читали св. крестъ, какъ надежду (V Cath. 96), силу (XII, 196) и спасеніе (X Perist. 586 ст.) вѣрующихъ, и знаменовали себя крестнымъ знаменіемъ. Въ VI гимнѣ Cath. поэтъ совѣтуетъ христіанамъ передъ отходомъ ко сну полагать знаменіе креста на челѣ и на сердцѣ (129—132). Въ стихѣ 128 того же гимна Пруденцій намекаетъ на употребленіе крестнаго знаменія при муропомазаніи. Въ нѣкоторыхъ спискахъ ¹⁾ стихъ этотъ читается такъ: *Te chrismate innotatum* (а не *innotatum*), т. е. «ты ознаменованъ помазаніемъ». Такъ какъ этотъ стихъ стоитъ въ тѣсной связи съ послѣдующимъ—129-мъ, представляя основаніе, почему христіанинъ передъ отходомъ ко сну долженъ знаменоваться себя крестнымъ знаменіемъ. то можно думать, что здѣсь поэтъ указываетъ на знаменованіе (*innotatum*) именно изображеніемъ креста. Въ стихахъ 125—132 Пруденцій какъ бы такъ говоритъ: «ты, христіанинъ, омытъ водами крещенія и запечатлѣнъ знаменіемъ креста въ муропомазаніи (125—128), поэтому передъ отходомъ ко сну полагай на себя крестное знаменіе» (129—132). Разсматриваемый нами стихъ получаетъ ббльшую ясность при сопоставленіи его съ 84 ст. IX гимна Cath., гдѣ поэтъ указываетъ на крестъ, какъ на знамя, сіяющее на челѣ христіанина. Объ употребленіи крестнаго знаменія при муропомазаніи говорятъ и другіе писатели, напр., Кипріанъ и Амвросій, которые называютъ это таинство «*signaculum*» — знаменованіе ²⁾.

Во II гимнѣ Cath. Пруденцій указываетъ формы молитвы у древнихъ христіанъ. «Тебѣ чистымъ и простымъ умомъ»,

¹⁾ Migne, Patrolog. t. LIX, VI Cath. Comment.

²⁾ Ibidem.

говорить поэтъ, обращаясь ко Христу: «Тебѣ словомъ, Тебѣ благоговѣйною пѣснью, съ преклонными колѣнами, съ плачемъ и пѣніемъ молиться (просить) учимся» (49—52. Такимъ образомъ здѣсь указываются слѣдующія формы молитвеннаго обращенія къ Богу, употреблявшіяся въ древней Церкви: молитва мысленная, въ душѣ (*mente pura et simplici*—49 ст.), молитва произносимая словомъ, читается вслухъ (*voce*—50 ст.), молитва съ пѣніемъ (*cantu pio*—50 ст.), съ колѣно-преклоненіемъ (*curvato genu*—51 ст.) и, наконецъ, молитва, сопровождаемая плачемъ (*flendo*—52 ст.).

Во время молитвы древніе христіане простирали руки на подобіе креста. Въ VI гимнѣ *Perist.* Пруденцій, описывая мученіе Фруктуоза и двухъ діаконовъ его, указываетъ на происшедшее въ это время чудо: когда мучениковъ поставили въ пламя, то огонь сжегъ оковы, связывавшія за спинною руки, при чемъ тѣло мучениковъ осталось совершенно невредимымъ (100—105). Затѣмъ поэтъ продолжаетъ такъ: «не посмѣло мученіе удержать рукъ, которыя должны были быть поднятыми къ Отцу на подобіе креста; оно разрѣшаетъ руки, чтобы они молились Богу» (106—108). Этотъ обычай былъ заимствованъ христіанами отъ іудеевъ: такъ молился Даниилъ (IV *Cath.* 52 сл.), такъ взывалъ къ Богу въ молитвѣ Моисей (XII, 169 сл.).

Въ III гимнѣ *Cath.* Пруденцій указываетъ время, въ которое имѣли обыкновеніе молиться древніе христіане. По примѣру іудеевъ (Ис. 54, 17 и 18; Дан. 4, 10), они молились утромъ, среди дня и вечеромъ. «Тебя, всеблагій Отецъ», восклицаетъ поэтъ, «въ новое утро (при самомъ началѣ дня) и когда солнце дойдетъ до середины пути (среди дня), Тебя, Боже, и при заходящемъ свѣтѣ, когда часъ напоминаетъ о принятіи пищи, воспѣвать мы будемъ хоромъ» (III *Cath.* 86—90).

Въ этомъ же гимнѣ Пруденцій называетъ христіанъ «бѣлымъ стадомъ» (*grex candidulus*—157 ст.), чѣмъ намекаетъ на обычай древнихъ христіанъ надѣвать на новокрещенныхъ бѣлую одежду. Объ этомъ обычаѣ такъ говоритъ блаж. Іеронимъ: «мы должны креститься по заповѣди Божіей и готовые къ

одѣянiю Христову, сложивъ кожаныя ризы, облакаемся въ мнѣяную одежду, которая не имѣеть въ себѣ нисколько смерти, но вся бѣлая, да по крещенiи препояшемъ чресла истинною и покроемъ всю нечистоту грѣховъ прежнихъ ¹⁾.

Въ I гимнѣ Perist. Пруденцiй указываетъ назначенiе ораря. Воспѣвая въ этомъ гимнѣ мучениковъ Геметерiя и Целедонiя, которые, оставивши военную службу, сдѣлались членами клира (33 ст.), поэтъ упоминаетъ объ орарь (orarium—86 ст.). При этомъ орарь Пруденцiй называетъ «pignus oris» (86 ст.) «залогъ лица». Отсюда можно слово *орарь* производить отъ os, oris *ротъ, лицо* и видѣть въ этой принадлежности церковныхъ одеждъ первоначально платокъ, назначенный для отиранiя лица или рта.

Во II гимнѣ Perist. поэтъ указываетъ на обычай древнихъ христіанъ цѣловать пороги храмовъ. Изображая быстрое распространенiе христіанства въ Римѣ, по смерти мученика Лаврентiя, Пруденцiй говоритъ, что «теперь знатные римскiе сенаторы, вмѣсто поклоненiя языческимъ богамъ, цѣлуютъ пороги апостоловъ и мучениковъ» (517 и сл.). Объ этомъ обычаѣ свидѣтельствуеъ и Павлинъ Ноланскiй: «Вошедши съ великими слезами во святой дворъ», говоритъ поэтъ: «онъ повергается передъ дверями и запечатлѣваетъ двери поцѣлуйми и слезами орошаетъ весь полъ, лежа на землѣ предъ святымъ порогомъ» ²⁾.

Наконецъ изъ XII гимна Perist. мы узнаемъ, что и въ древней Церкви праздникъ обоихъ апостоловъ Петра и Павла праздновался въ одинъ и тотъ же день (1—4, 59—60). Причину этого Пруденцiй указываетъ въ томъ, что оба апостола пострадали въ одинъ и тотъ же день, ровно черезъ годъ одинъ послѣ другого (5—6).

Н. Протопоповъ.

¹⁾ Письмо 128. Вѣтринскiй II т. 531 стр. 1830 г.

²⁾ Natal. 6.

ЗАВИСИМОСТЬ ПРАВСТВЕННОСТИ ОТЪ РЕЛИГІИ.

(Продолженіе *).

Въ предшествовавшей статьѣ мы старались, по мѣрѣ силъ, показать несостоятельность тѣхъ воззрѣній, которыя направлены къ подтвержденію самостоятельности морали, или другими словами, къ доказательству независимости морали отъ религіи. Такимъ способомъ мы хотѣли подтвердить, защищаемый нами, взглядъ о зависимости нравственности отъ религіи, путемъ отрицательнымъ. Въ настоящій же разъ мы имѣемъ въ виду представить нѣкоторыя доказательства, въ пользу этого взгляда, въ смыслѣ положительномъ. Такого рода доказательства мы можемъ найти прежде всего въ самой религіи, имѣя въ виду при этомъ, безъ сомнѣнія, собственно религію христіанскую, потому что религіозная истина въ полномъ совершенномъ видѣ дана людямъ только въ христіанствѣ; именно въ религіозномъ ученіи касательно вѣры и нравственности, заключающемся въ каноническихъ книгахъ Писанія и въ живомъ, устномъ преданіи Церкви.

Дѣйствительно, если христіанская религія, и только она одна, имѣетъ силу представить человѣку совершенную нравственность и дать ей истинную, дѣйствительную основу; то, безъ сомнѣнія, въ своемъ вѣроученіи она должна также нарисовать и высочайшій, совершеннѣйшій идеаль нравственности, указать истинный и совершенный принципъ морали. Съ дру-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 12.

гой стороны и вмѣстѣ съ этимъ, только отъ христіанской религіи мы можемъ и въ правѣ ожидать, что она даетъ и всегда будетъ давать людямъ силу къ возможно полному и всецѣлому осуществленію въ жизни указывасямаго ею идеала нравственности. И христіанство на самомъ дѣлѣ вполне оправдываетъ эти ожиданія. Что оно въ состояніи указать и дѣйствительно указываетъ человѣку высочайшій и чистѣйшій идеалъ нравственности,—это можно доказать разсмотрѣніемъ основнаго ученія христіанской вѣры, открытаго сверхъестественнымъ путемъ и изложеннаго въ Св. Писаніи. Въ смыслѣ такого доказательства, можно привести прежде всего святыя десять заповѣдей Закона Божія, въ которыхъ изложено все существенное вѣро-и-нравоученіе Ветхозавѣтной Церкви и которыя и теперь, въ наше христіанское время, несомнѣнно, составляютъ лучшее, яснѣйшее и кратчайшее выраженіе нравственныхъ предписаній, даже въ правовомъ, юридическомъ смыслѣ. Правда, всѣ эти нравственные предписанія и заповѣди кажутся для нашего, просвѣщеннаго свѣтомъ ученія Христа, ума и сердца совершенно простыми, какъ бы естественными, и мы часто способны думать, что иного рода заповѣдей для нравственной жизни человѣка и быть не могло. Но это происходитъ, конечно, по той причинѣ, что эти заповѣди усвояются нами, христіанами, при помощи дѣйствующей въ насъ благодати Божіей, съ самыхъ раннихъ моментовъ нашей духовной жизни, заучиваются нами съ первымъ лепетомъ нашихъ младенческихъ устъ, можно сказать, всасываются нами вмѣстѣ съ млекоу матери. А чтобы надлежащимъ образомъ понять и оцѣнить высокое моральное значеніе этихъ святыихъ заповѣдей,—мы должны вспомнить то, извѣстное изъ исторіи, обстоятельство, что язычество, даже въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, каковыми были древніе греки и римляне,—при всемъ напряженіи своихъ умственныхъ и нравственныхъ дарованій, не могло ни выработать и установить, ни тѣмъ болѣе признать и выполнить подобнаго рода нравственное ученіе. Но нравственность, которой научено человечество Самимъ Богомъ чрезъ Моисея еще во времена Ветхаго Завѣта, требуется во имя религіи, и побужденіе къ выполненію этихъ предписаній

дается мотивами религиозными. -- каковы страхъ Божій и любовь къ Богу, -- какъ это можно усматривать изъ предисловіи и послѣсловій, сопутствующихъ почти каждой изъ десяти заповѣдей Божіихъ (см. Исходъ 20, 1 -- 17; ср. Второзак. 5, 6 -- 21: 6, 5 и др.). И то, чего требовалъ Господь Богъ отъ человѣка уже въ Ветхомъ Завѣтѣ, -- въ Новомъ Завѣтѣ, слѣдовательно, въ религіи христіанской. -- Онъ не только подтверждаетъ, но вѣдряетъ въ сердце человѣка еще глубже и настойчивѣе, еще болѣе одухотворяетъ древнія заповѣди. и такимъ образомъ требуетъ отъ насъ уже такой нравственности, чистота и высота которой оставалась и остается для міра нехристіанскаго не только недостижимымъ, но даже совершенно невѣдомымъ идеаломъ.

Въ справедливости такого взгляда мы еще болѣе убѣдимся, когда разсмотримъ отдѣльныя нравственныя предписанія христіанской религіи. Вспомнимъ, напримѣръ, о томъ, какой неизмѣнной вѣрности и какой добросовѣстности требуетъ отъ христіанъ Св. Писаніе, а слѣдовательно и христіанская религія, даже касательно выполненія земнаго нашего призванія, къ которому каждый предназначенъ, -- даже касательно самой, по человѣческому разсужденію, маловажной и незначительной обязанности и всякой работы! Съ какою настойчивостію и съ какимъ глубокимъ сознаніемъ высокаго нравственнаго достоинства человѣка-христіанина, внушаетъ намъ наша религія, чтобы каждый изъ насъ не изъ чувства рабскаго страха, но по совѣсти старался честно дѣлать свое дѣло, пока есть день; чтобы каждый жилъ или, по выраженію Писанія. *ходилъ* достойно званія своего и службы, къ которой онъ призванъ въ жизни, такъ чтобы во всемъ его поведеніи не было и тѣни соблазна или преткновенія для другихъ: чтобы каждый и всѣ вмѣстѣ во всемъ старались служить не только человѣку, но прежде всего и преимущественно Богу: чтобы всѣ и всегда были въ мирѣ и тишинѣ, исполняли свои дѣла и трудились, такъ, чтобы вся жизнь была преисполнена всякаго благочестія и чистоты и была бы для всѣхъ назидательна (Ср., напр., Лук. 12, 35 и дал.; 16, 10 и дал.; Римл. 12, 7; 1 Кор. 7, 24; Ефес. 4, 1 и дал. 1 Тессал., 4, 10 и дал.). А сколько свѣта и тепло-

ты внесла христіанская религія въ отношенія семейственныя! Она, и только она одна, внушила человѣчеству обязанности и добродѣтели, которыя преобразовали всю домашнюю жизнь, возвысили, облагородили и — что самое важное — осыятили высшимъ, религіознымъ авторитетомъ отношенія отдѣльныхъ членовъ семейства между собою. Міръ до-христіанскій не имѣлъ понятія о столь высокомъ, священномъ значеніи брака и семьи, какое указано имъ въ христіанскомъ правоученіи. Христосъ Спаситель и Его Апостолы въ своемъ ученіи требуютъ для супружеской жизни такого единомыслія, согласія и задушевности, такой неизмѣнной вѣрности и взаимной преданности и усвояютъ ей такую чистоту и святость, въ виду которыхъ не только какое-нибудь явное, фактическое нарушеніе брачныхъ отношеній, но даже нечистое, грѣховное вождельніе внѣ этихъ отношеній признается равносильнымъ любодѣлію. Здѣсь необходимо отмѣтить еще ту особенность въ христіанскомъ ученіи о супружескихъ отношеніяхъ, по которой христіанство такъ существенно отличается отъ всѣхъ языческихъ и внѣхристіанскихъ воззрѣній и нравовъ: именно, только христіанство требуетъ самоотверженной любви, какъ основы семейственныхъ отношеній, *не только отъ жены, но точно въ такой степени и отъ мужа* (Ср. Мѡ. 5, 27, 28, 31, 32; 19, 3—9; Ефес. 5, 22 и дал.). Этимъ требованіемъ, съ которымъ такъ освоилось наше христіанское сознаніе и которое, однако, было совершенно новой идеей для до-христіанскаго человѣчества, христіанская религія положила твердую, прочную основу для истиннаго равенства мужа и жены, основу, которой не могъ дать преобладавшій въ древнемъ, языческомъ мірѣ деспотизмъ мужчины надъ женщиной, равно какъ не въ состояніи дать и такъ называемая женская эмансипація, сокровеннѣйшей пружиной которой служитъ половая разнузданность. Возвысивъ, одухотворивъ и освятивъ отношенія между мужемъ и женой, христіанская религія внесла свой животворный и освящающій духъ также и въ отношенія между родителями, съ одной стороны, — и дѣтьми — съ другой стороны. Внушая дѣтямъ точное послушаніе въ отношеніи къ родителямъ, она въ то же время внѣдряетъ глубоко въ сердца ро-

дителей то высокое сознание, что дитя есть Богомъ доверенная родителямъ святыня, такъ что за правильное тѣлесно-духовное воспитание дитяти родители обязаны будутъ въ свое время дать строгій отчетъ Богу (Ср. Мѡ. 18, 1—14; Лук. 18, 16 и дал.; Ефес. 6, 1—4, 9),—чѣмъ христіанство также весьма рѣзко отличается отъ обычной у язычниковъ, безусловной, деспотической власти отца надъ дѣтьми и отъ прочихъ грубыхъ семейныхъ правовъ.

Если, далѣе, мы обратимъ вниманіе на тѣ предписанія, которыя даетъ христіанская религія слугамъ касательно ихъ поведенія въ отношеніи къ ихъ господамъ, равно какъ и касательно обращенія господъ съ своими слугами, то должны будемъ сознаться, что и здѣсь, въ довольно тѣсномъ кругу домашняго быта, христіанская религія указала людямъ и обширное поле, и благороднѣйшій возвышеннѣйшій идеалъ нравственной дѣятельности и обязанностей. «Рабы, повинуйтесь господамъ своимъ по плоти со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердца вашего, какъ Христу, — наставляетъ св. Апостоль Павелъ, — *не съ видимою только услужливостію, какъ челоукоуподобники, но какъ рабы Христовы, исполняя волю Христову отъ души, служа съ усердіемъ, какъ Господу, а не какъ челоукамъ, зная, что каждый получитъ отъ Господа по мѣрѣ добра, которое онъ сдѣлалъ, рабъ ли, или свободный. И вы, господа, поступайте съ ними такъ-же, умѣряя строгость, зная, что и надъ вами самими и надъ ними есть на небесахъ Господь, у Котораго нѣтъ лицепріятія*» (Ефес. 6, 5—9: ср. Послан. къ Филимону). И не только относительно поведенія въ тѣсномъ семейномъ и домашнемъ кругу, но точно такъ же и касательно болѣе сложныхъ отношеній въ широкой области государства и государственныхъ порядковъ, христіанская религія предъявляетъ къ своимъ послѣдователямъ въ высшей степени нравственныя требованія. Предписывая своимъ исповѣдникамъ въ чисто-религіозныхъ дѣлахъ, — въ дѣлахъ, касающихся собственно вѣры, — *повиноваться больше Богу, нежели челоукамъ* (Дѣян. 5, 29), христіанская религія во всемъ остальномъ требуетъ отъ нихъ безусловнаго повиновенія всякому начальнику, какъ божіему слугѣ, — подчиненія челоуческому

установленію,—даже больше сего—требуетъ почтенія и искренней любви, которая *творитъ молитвы, прошенія, благодаренія за царя* и за всѣхъ начальствующихъ, а несправедливости и гоненія, напосимыя начальниками несправедливыми, терпитъ, памятуя о Господѣ Спасителѣ, пострадавшемъ за неправды людскія (Ср. Марк. 12, 17; Римл. 13, 1 и дал.; 1 Тимое. 2, 1, 2 и дал.; Тит. 3, 1; 1 Петр. 2, 13 и дал.). Необходимо далѣе указать на то, съ какою настойчивостію Слово Божіе предписываетъ намъ смотрѣть на собственное тѣло, какъ на храмъ Божій и въ связи съ этимъ строго запрещаетъ употребленіе членовъ тѣла для цѣлей, недостойныхъ человѣка и противныхъ нравственности. Нужно прежде всего припомнить то, что христіанская религія заповѣдуетъ вообще проводить строго святую жизнь, — когда человѣкъ не только во внѣшнемъ своемъ поведеніи отличается честностію и праведностію, но столь же остерегается и отъ всѣхъ несправедливыхъ словъ, строго бодрствуетъ надъ самимъ собою, надъ всѣми движеніями своего сердца, надъ всѣми помыслами своего ума, постоянно освящая ихъ и направляя къ высшимъ, религіозно-нравственнымъ цѣлямъ. Нужно припомнить то, какъ требуетъ христіанская религія полной правоты слова и дѣла даже тамъ, гдѣ нельзя ожидать никакой видимой пользы, награды, благодарности, похвалы, гдѣ, напротивъ, скорѣе требуется какая-нибудь жертва со стороны собственной личности. Даже на перенесеніе страданій и вообще на тяжести земной жизни христіанская религія научаетъ смотрѣть какъ на нравственное, богоугодное дѣло, и предписываетъ каждому, къ какому бы кругу и сословію человѣческаго общества онъ ни принадлежалъ, — къ высокому или къ низкому, къ богатому или къ бѣдному,—выполнять соотвѣтственныя его общественному положенію обязанности не только для вида, ради какихъ-либо постороннихъ соображеній, но съ усердіемъ и по совѣсти.

Изъ всего, сказаннаго нами касательно отдѣльныхъ нравственныхъ заповѣдей и предписаній христіанства, мы можемъ получить новое доказательство въ пользу того положенія, что христіанская религія и требуетъ отъ человѣка и на самомъ дѣлѣ указываетъ ему высшій идеалъ нравственности. И все-

таки, не смотря на все это и на приведенныя уже основанія этого положенія, мы еще не упомянули главнаго доказательства своего положенія, разумѣемъ ту основную заповѣдь христіанской религіи, которую Господь Іисусъ Христосъ по праву называлъ *новою заповѣдью*, потому что въ такой широтѣ и съ такой глубиной, какъ въ Евангеліи, заповѣдь эта нигдѣ и никогда не была ни проповѣдуема въ теоріи, ни выполняема въ практической жизни людей, именно заповѣдь о любви къ ближнему. Любовь, которая не ищетъ своего, но готова все отдать для другого; которая должна обнимать и дѣйствительно обнимаетъ не только близкихъ и присныхъ намъ, не только людей одной народности или одного сословія, но всѣхъ людей; любовь, которая должна снисходить до самаго незначительнаго, убогаго и презрѣннаго изъ людей; которая должна принимать самое живое и сердечное участіе въ падшемъ или заблудшемъ собратѣ; которая любить не только тѣхъ, которые съ своей стороны отвѣчаютъ любовью, но должна и можетъ любить даже враговъ, благословлять ихъ, а не проклинать, должна за зло платить добромъ, чтобы побѣждать зло добромъ; любовь, которая въ состояніи забывать и прощать всякую обиду, но которая никогда не ослабѣваетъ и не устаетъ въ несеніи тяготы другого, которая творитъ добро и милосердствуетъ, не рассчитывая на благодарность и не спрашивая объ авторитетѣ и достоинствѣ личности, которой она благодаритъ; которая за другого можетъ даже себя принести въ жертву, однимъ словомъ—любовь, какой требуетъ христіанская религія отъ своихъ послѣдователей, всякій добросовѣстный мыслитель долженъ признать самымъ высокимъ и самымъ чистымъ идеаломъ нравственности. какой можно только представить человѣку.

Но эту любовь, подобно и всѣмъ прочимъ нравственнымъ требованіямъ своимъ, христіанская религія представляетъ своимъ послѣдователямъ не просто въ смыслѣ идеала, стремленіе къ которому уже само по себѣ есть нѣчто нравственно доброе и составляетъ нравственную заслугу, но въ смыслѣ простой общей обязанности христіанъ, выполненіе которой составляетъ не заслугу, а долгъ, а нарушеніе которой и невыпол-

неніе есть грѣхъ, заслуживаетъ наказанія и требуетъ раскаянія. Въ подтвержденіе той мысли, что высокими нравственными понятіями мы обязаны исключительно христіанской религіи, намъ представляется умѣстнымъ привести здѣсь свидѣтельство писателя, котораго никоимъ образомъ нельзя упрекнуть въ пристрастіи, по отношенію къ христіанской религіи, именно свидѣтельство Ж. Ж. Руссо, который однажды высказался такъ: «Я не знаю, почему прекрасную мораль нашихъ книгъ хотятъ приписать прогрессу філософіи. Эта мораль позаимствована изъ Евангелія и была христіанскою прежде, нежели стала філософскою».

Конечно, противъ высказаннаго нами положенія, касательно зависимости нравственности отъ христіанской религіи, нѣкоторые філософы и писатели новѣйшаго времени, враждебно настроенные противъ христіанства, стараются возражать, что изложенный нами, высочайшій нравственный идеалъ впервые возвѣщенъ человечеству вовсе не христіанскою религіей; что, напротивъ, уже въ древнихъ языческихъ религіяхъ, особенно же въ религіяхъ Индіи и югозападной Азіи, а также и въ системахъ нѣкоторыхъ языческихъ філософовъ, встрѣчаются подобныя, совершенно равнозначащія, нравственныя ученія. Одинъ изъ новѣйшихъ філософовъ-историковъ, именно Бокль, въ своей «Исторіи цивилизаціи Англіи», осмѣливается утверждать, что нравственные законы первобытны, столь же стары, какъ само человечество. и что нравственная система Новаго Завѣта не содержитъ въ себѣ ни одного основоположенія, которое такъ или иначе не было высказано уже раньше, какъ и вообще людямъ образованнымъ хорошо извѣстно, что прекраснѣйшія мѣста въ апостольскихъ посланіяхъ заимствованы изъ языческихъ писателей. Но такое голословное утвержденіе не просто только слишкомъ тенденціозно, но и слишкомъ уже не согласно съ исторіей, чтобы оставивать себя на серіозномъ опроверженіи его. Конечно, можно и должно во всякомъ случаѣ признать, что, дѣйствительно, уже въ древнемъ, до христіанскаго времени, язычествѣ встрѣчаются отголоски того, что открыто въ христіанскомъ нравоученіи. И однако, эти отголоски можно и должно, согласно библейско-

христіанскому міросозерцанію, объяснять какъ невольныя изліянія «души созданной по образу и подобію Божію», или по выраженію Тертуліана — «по природѣ христіанской» (*anima humana a natura christiana*), или какъ остатки истиннаго богопознанія, уцѣлѣвшіе отъ первоначальнаго богооткровенія даже среди язычниковъ, котораго не могло всецѣло затмить язычество, и, слѣдовательно, какъ отголосокъ также религіознаго происхожденія. Притомъ, тогда, въ язычествѣ, такіе отголоски христіанскаго правоученія встрѣчались то тамъ, то здѣсь, совершенно уединенно и безъ связи; но чтобы гдѣ-нибудь и когда-нибудь, внѣ христіанской религіи, обрѣталось такое нравственное ученіе, каково ученіе христіанское, вполне связанное и цѣльное, вытекающее изъ единаго начала, излагающее нравственныя предписанія для всѣхъ отношеній и сферъ человѣческой жизни, настоятельно требующее не только внѣшнихъ, согласныхъ съ ученіемъ, дѣлъ, но еще сильнѣе внушающее высшую чистоту и безкорыстіе внутренняго расположенія, и чтобы послѣдованіе такому ученію требовалось равно отъ всѣхъ, какъ всеобщій для всѣхъ, одинаково обязательный, долгъ, какъ это требуется въ христіанствѣ, этого еще никто никогда не доказалъ, да и доказать невозможно.

И если, наконецъ, признать даже, что и раньше появленія и распространенія христіанства и внѣ границъ его вліянія, также встрѣчается въ теоріи проповѣдь о высокой, чистой и благородной нравственности: то, все-таки, даже въ лицѣ тѣхъ, которые были проповѣдниками такой морали, дѣйствительная, практическая жизнь весьма мало соотвѣтствовала теоретическому ученію, если не находилась даже въ прямомъ противорѣчій съ нимъ, и это ученіе, такимъ образомъ, не было въ состояніи указать своимъ послѣдователямъ путь и дать силу къ проведенію теоріи въ практику, слова въ жизнь, или, выражаясь языкомъ Канта, въ немъ не было перехода отъ своего «ты долженъ» къ необходимому «ты можешь и желаешь». Объ одномъ изъ проповѣдниковъ такой теоретически высокой морали, внѣ христіанства, философъ Сенека, извѣстно, напримѣръ, что онъ довольно убѣдительно проповѣдывалъ презрѣніе ко всему земному, и при этомъ умѣлъ въ четыре года прожи-

вать состояніе въ 15 милліоновъ марокъ; что онъ прекрасно писалъ о бѣдности и довольствѣ малымъ, и при этомъ имѣлъ до 500 обѣдовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности обходился въ 30,000 и даже въ 100,000 марокъ. И вообще, что касается цѣломудрія, воздержанія и нравственной безупречности, то подобное только что сказанному можно было бы доказать и относительно многихъ другихъ теоретиковъ-нравоучителей внѣ христіанства.

Зависимость нравственности отъ религіи въ томъ смыслѣ, какъ мы выше показали, подтверждаетъ также и само Св. Писаніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно припомнить хотя тѣ же десять заповѣдей Божіихъ, изложенныя въ свящ. книгахъ В. Завѣта (Исх. 20, 1—17; Второзак. 5, 6—21), съ предисловіями и послѣсловіями ихъ, о которыхъ мы уже выше упоминали, а равно и такія мѣста изъ Новаго Завѣта, какъ на примѣръ, 1 Іоан. 4, 20—21: «Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжець: ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ? И мы имѣемъ отъ него такую заповѣдь, чтобы любящій Бога любилъ и брата своего». Изъ этихъ словъ св. Апостола ясно вытекаетъ мысль, что любовь къ ближнему, по мысли Самого Господа, невозможна безъ любви къ Богу, потому что первая служитъ лишь плодомъ или слѣдствіемъ послѣдней: кто любитъ Бога, тотъ любитъ и брата своего,—мотивомъ нравственнаго предписанія касательно любви къ ближнему признается чисто религіозное начало, любовь къ Богу. Точно къ такому же выводу приводитъ насъ и такое мѣсто изъ Апостольскихъ посланій, какъ 2 гл., ст. 11—14 посланія къ Титу: «Явилась благодать Божія, спасительная для всѣхъ человѣковъ, научающая насъ, чтобы мы, отвергнувъ нечестіе и мірскія похоти, цѣломудренно, праведно и благочестиво жили въ нынѣшнемъ вѣкѣ, ожидая блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, Который далъ Себя за насъ, чтобъ избавить насъ отъ всякаго беззаконія, и очистить Себѣ народъ особенный, ревностный къ добрымъ дѣламъ». Очевидно, что по высказанной здѣсь мысли св. Апостола Павла, началомъ и источникомъ нашей чистой прав-

ственной жизни признается благодать Божія, явившаяся во Христѣ, страданія и смерть Котораго послужили источникомъ нашего нравственнаго очищенія. Ясно также и то, что какъ въ приведенномъ мѣстѣ изъ посланія Іоаннова мотивомъ къ нравственной дѣятельности указывается чисто религіозное начало, именно любовь къ Богу, такъ точно и въ приведенныхъ словахъ изъ посланія Апостола Павла побужденія къ нравственной жизни указываются также въ религіозныхъ началахъ, именно въ страхѣ Божіемъ, въ памятованіи объ отчетѣ, который каждый изъ насъ нѣкогда долженъ будетъ дать за свою нравственную жизнь предъ судомъ Божіимъ, и въ сознаніи будущаго мздовоздаянія. Что эти религіозныя побужденія, дѣйствительно, имѣютъ нравственную силу (въ смыслѣ положительномъ и отрицательномъ) и служатъ, съ одной стороны, средствами, споспѣшествующими добродѣтели, внушающими человѣку радость и веселіе при твореніи добра, съ другой стороны, — средствами, предохраняющими насъ отъ грѣха, удерживающими нашу волю отъ дѣланія зла. — это лежитъ уже въ природѣ самой вещи и признается безспорно даже мыслителями, несогласными съ христіанскимъ міросозерцаніемъ. Даже Шопенгауэръ, относящійся вообще съ крайнимъ скептицизмомъ къ христіанскому оптимизму, чувствуетъ себя вынужденнымъ сознаться въ справедливости высказанной нами мысли: Нельзя придумать, говоритъ онъ, болѣе дѣйствительнаго основанія для морали, какъ основаніе теологическое; ибо кто былъ бы настолько безразсуднымъ, что сталъ бы противиться волѣ всевѣдущаго, всемогущаго Бога? И точно, кто дѣйствительно боится всевѣдущаго, святаго и праведнаго Бога, кто знаетъ и вѣритъ, что Богъ не допуститъ безнаказанно преступать Его святаго заповѣди, что за всякій грѣхъ Онъ привлекаетъ къ отвѣтственности, и что Его святой гнѣвъ можетъ обрушиться на виновнаго временнымъ и вѣчнымъ наказаніемъ и гибелью. того, безъ сомнѣнія, страхъ предъ Богомъ необходимо будетъ удерживать, и притомъ именно въ такой мѣрѣ, въ какой онъ дѣйствительно боится Бога, отъ грѣха и отъ преступленій противъ божественныхъ заповѣдей, будетъ служить предохраненіемъ противъ уклоненія отъ требованій нравственности,

особенно же такихъ требованій, отъ нарушенія которыхъ его не могли бы удержатъ никакія соображенія человѣческія. Только религія и религіозная вѣра въ силахъ убѣдить насъ въ томъ, что даже то, что происходитъ въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ нашей души и что не можетъ усмотрѣть самый бдительный судья человѣческой, не можетъ укрыться отъ всевидящаго Бога и въ Немъ находить своего Судію и въ Его законѣ свой приговоръ. Слѣдовательно, только религія можетъ оказывать могущественное, властное дѣйствіе на народную совѣсть, особенно въ различныхъ тайныхъ движеніяхъ ея, недоступныхъ человѣческому вѣдѣнію и суду. Что любовь къ Богу, какъ религіозное начало нравственной жизни, также съ необходимостію даетъ намъ нравственную силу къ дѣланію добра, сообщаетъ радость и веселіе всякой богоугодной дѣятельности, въ этомъ, конечно, никто не можетъ сомнѣваться, потому что это также лежитъ въ природѣ вещи. въ самомъ существѣ любви. Для оправданія этой мысли, намъ стоитъ указать только на тотъ очевидный, никогда и никѣмъ неоспариваемый, фактъ ежедневнаго опыта жизни. что дѣти, которые истинно любятъ своихъ родителей, гораздо серіознѣе и строже другихъ дѣтей остерегаются, чтобы непослушаніемъ родителямъ какъ-нибудь не огорчить ихъ: что они гораздо усерднѣе другихъ дѣтей выполняютъ родительскія наставленія и приказанія даже тогда, когда никто за этимъ не слѣдитъ и, такимъ образомъ, стараются вести себя по отношенію къ родителямъ строго нравственно. Уже изъ этого безспорнаго факта можно вывести неопровержимое доказательство въ пользу того, что истинная любовь къ Богу сообщаетъ истиннымъ чадамъ Божиимъ силу къ соблюденію божественныхъ заповѣдей, вообще къ богоугодной, нравственной дѣятельности, внушаетъ имъ нравственную строгость къ себѣ не только собственно въ дѣлахъ, но и въ словахъ и въ мысляхъ, доставляя имъ вмѣстѣ съ тѣмъ радостное сознаніе того, что они стараются угодить Святой волѣ Божіей.

Что, далѣе, также въ памятованіи о будущемъ судѣ и мздовоздаяніи правосуднаго Бога каждому, по дѣламъ его;—въ религіозной вѣрѣ въ то, что нѣкогда правосудный Богъ нака-

жетъ безбожныхъ страшнымъ судомъ Своимъ, а благочестивыхъ благословитъ вѣчной наградой блаженной жизни, что въ этомъ сознаніи, внушаемомъ намъ нашей религіей, заключается могущественное, къ сожалѣнію, не всегда достаточно оцѣниваемое, побужденіе къ нравственной дѣятельности, этого никто не можетъ отрицать, кто знаетъ людей и человѣческую природу. Если человѣческая цивилизація произвела что либо дѣйствительно великаго и славнаго, какъ объ ней обыкновенно говорятъ, то этимъ она обязана, по замѣчанію одного писателя (Иоганна Шерра) только религіозной вѣрѣ въ безсмертіе человѣческой души, потому что только эта вѣра была въ состояніи надѣлать человѣческія поколѣнія, при непрерывной ихъ смѣняемости, чувствами взаимной связи, взаимной преданности и самопожертвованія и сообщать имъ терпѣливость и устойчивость, нужныя для совершенія подвиговъ среди всѣхъ бѣдствій и угнетенности этого бытія. Есть ли эта вѣра несомнѣнная истина, или пустая мечта,—продолжаетъ разсуждать тотъ же писатель, это все равно, но безъ осязательной надежды на будущую жизнь въ загробномъ мірѣ человѣчество неминуемо должно было бы давно уже умереть или развратиться отъ мрачной, угнетающей досады на полную безцѣльность этой земной жизни. Дѣйствительно, когда насъ стараются увѣрить въ томъ, что человѣкъ бываетъ добродѣтельнымъ только лишь потому, что добродѣтель всегда сопровождается въ жизни личною пользою, то мы можемъ смотрѣть на подобное стремленіе или какъ на преднамѣренное желаніе извращать истину, или какъ на слѣдствіе недостаточнаго знакомства съ жизнью. Опытъ самой жизни учитъ насъ, по крайней мѣрѣ, въ большей части случаевъ, совсѣмъ противоположному, именно тому, что истинно добродѣтельные люди рѣдко пользуются въ жизни всѣми выгодами своихъ добродѣтелей. Если же въ жизни часто бываетъ такъ, что нравственный человѣкъ, не смотря на всѣ свои добродѣтели, долженъ нести различныя страданія, подвергаться многочисленнымъ и тяжелымъ испытаніямъ; то нравственные начала, которыми руководствуется онъ въ своей жизни, спасаетъ въ немъ только религіозная вѣра, только мысль о томъ, что есть на небесахъ Богъ, Который все знаетъ

и Который каждому воздасть по заслугѣ; иначе, безъ этой вѣры, нравственныя основы жизни рухнули-бы, подъ невыносимой тяжестью житейскаго зла, и изъ добродѣтельнѣйшаго человека онъ обратился бы въ самаго крайняго эгоиста, попирающаго все святое во имя собственныхъ, корыстныхъ цѣлей. Говорять, что образованнаго, умственно развитаго человека можетъ спасти отъ этой моральной гибели его собственный просвѣщенный разумъ, который даетъ ему способность подсматривать въ себѣ и другихъ самыя тонкія побужденія къ добродѣтели, сознавать и предвидѣть всѣ послѣдствія своей дѣятельности, и чрезъ то сообщаетъ ему силу самообладанія. И мы съ своей стороны не можемъ отвергать пѣкоторой доли правды, заключающейся въ этомъ воззрѣніи. Дѣйствительно, умственно-развитый человекъ, больше простого, необразованнаго человека, способенъ къ всесторонней, тончайшей наблюдательности и правильной оцѣнкѣ человѣческихъ поступковъ. Но именно эта-то, иногда до крайности изощренная способность къ наблюденіямъ надъ жизнію и людьми, неминуемо приводитъ человека, при отсутствіи или оскудѣніи въ немъ глубокой религіозной вѣры, къ большому и большому разочарованію жизнію и людьми; именно его развитый, просвѣщенный умъ и даетъ ему возможность, со всею неумолимостію логической мысли, ясно видѣть полное свое безсиліе исправить или передѣлать жизнь и людей сообразно съ своимъ идеаломъ; а вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ въ немъ горькое сознаніе того, что онъ ненужный, лишній человекъ, а при отсутствіи вѣры въ безсмертіе, въ будущую жизнь, томимый этими горькими ощущеніями разочарованія, собственнаго безсилія, бесполезности жизни, онъ видитъ лучшій исходъ изъ такого жалкаго существованія въ смерти, въ которой онъ думаетъ найти конецъ личнаго бытія, а слѣдовательно, и всякихъ личныхъ ощущеній. Такимъ образомъ, *одно умственное развитіе, безъ твердыхъ религіозныхъ началъ*, по нашему взгляду, не только не спасаетъ человека отъ разочарованій, въ виду нравственнаго зла, переполняющаго человѣческую жизнь, но даже, напротивъ, способствуетъ ускоренію этого разочарованія, болѣе обостряетъ его и доводитъ до полнаго отчаянія. Опытъ

жизни прошедшихъ вѣковъ, и особенно нашего вѣка, по нашему мнѣнію, вполне оправдываетъ нашъ взглядъ. Когда античная философія подорвала языческія религіозныя вѣрованія въ древнемъ греко-римскомъ обществѣ, а отношенія жизни между людьми до такой степени осложнились и перепутались, что стали всѣмъ въ тягость, тогда разочарованіе жизни во всѣхъ кругахъ общества сдѣлалось явленіемъ зауряднымъ, но съ особенной силой и болью ощущалось оно именно среди наиболѣе образованныхъ людей, гдѣ оно приняло двоякое направленіе: одни, менѣе серіозные въ нравственномъ отношеніи, потерявъ всякую вѣру въ дѣйствительность загробной жизни и въ практическую пользу добродѣтелей, почитали за лучшее воспользоваться, по крайней мѣрѣ, всѣми благами этой земной жизни и дѣйствительно жили во все свое удовольствіе. иногда расточая огромныя богатства на одни пиршества и предаваясь всякаго рода излишествамъ; другіе, пресытившись всякаго рода наслажденіями въ молодости, въ болѣе преклонныхъ лѣтахъ обыкновенно приходили къ рѣшенію покончить съ собой лучше самоубійствомъ, чѣмъ влачить долѣе жизнь, которая, съ утратой способности къ сильнымъ ощущеніямъ и наслажденіямъ, теряла для нихъ всякое значеніе. Такъ было въ древности. Нашъ вѣкъ отличается отъ того древняго времени, безъ сомнѣнія, и сравнительно болѣе серіознымъ научнымъ образованіемъ, и большимъ накопленіемъ всестороннихъ знаній, и болѣе обширнымъ умственнымъ развитіемъ. Но ни это образованіе, ни это накопленіе познаній, ни это умственное развитіе, которымъ мы такъ готовы гордиться предъ прошедшими вѣками, не только не застраховали современное намъ поколѣніе отъ горькаго разочарованія жизни людьми и собой, а напротивъ вмѣстѣ съ охлажденіемъ религіознаго чувства, съ разсѣяніемъ лучшихъ чаяній и идеаловъ, даваемыхъ христіанствомъ, даютъ возможность многимъ изъ нашихъ современниковъ глубже чувствовать безцѣльность своего существованія, неисправимость жизни и людей, неотразимость нравственнаго зла не только въ настоящемъ, но и на всемъ протяженіи будущаго, и подъ давленіемъ этихъ тяжелыхъ ощущеній, внушаемыхъ пессимизмомъ, побуждаютъ такъ или иначе, только поскорѣе уйти изъ

жизни, покончить съ собой... Безпримѣрное въ исторіи увеличеніе случаевъ самоубійства въ наше время, конечно, объясняется въ значительной мѣрѣ причинами патологическими; но едва-ли кто-нибудь рѣшится отвергать здѣсь важное участіе въ этомъ явленіи также и причинъ, нами намѣченныхъ, а именно: утраты утѣшительныхъ надеждъ и нравственныхъ устоевъ, заключающихся только въ христіанской вѣрѣ. при чемъ умственное развитіе лишь дѣлаетъ болѣе чувствительной, болѣе безотрадной эту безнадежность состоянія невѣрія и лишь ускоряетъ окончательную развязку, послѣдній расчетъ съ *надъвшею* жизнію....

Но именно эту, безспорно-религіозную, побудительную охрану нравственной жизни часто не хотятъ признать безупречною въ нравственномъ отношеніи. Такъ, одинъ французскій писатель (Chagnon) говоритъ, что въ умахъ вѣрующихъ людей дико и странно прозвучала бы фраза, будто бы и безъ рая и ада можно быть вполне честнымъ и нравственнымъ человѣкомъ: между тѣмъ какъ, по понятію этого писателя, нравственность, которая осуществляется лишь изъ за надежды на будущую награду и подъ вліяніемъ страха предъ наказаніемъ, не заслуживаетъ иного названія, кромѣ названія жалкой и рабской нравственности. Желательно, продолжаетъ излагать свой взглядъ тотъ же писатель, чтобы старались быть нравственными потому, что это заповѣдуютъ природа и разумъ, этого требуютъ всеобщій порядокъ и устройство міра, въ которомъ каждый индивидуумъ служить лишь малою составною частію, наконецъ потому, что дѣйствовать иначе, т. е. не нравственно, невозможно безъ столкновенія съ своимъ собственнымъ личнымъ интересомъ, безъ ущерба своему собственному благосостоянію, собственному призванію: желательно, чтобы были нравственными, помимо всякаго расчета о томъ, что изъ этого выйдетъ. Заставлять же, чтобы нравственность слѣдовала предписаніямъ религіи, ставить первую въ служебное, подчиненное отношеніе ко второй, — по взгляду Шаррона, значитъ ниспровергать весь міропорядокъ. Не менѣе, если не болѣе. рѣзкія замѣчанія о религіозной морали высказываетъ другой писатель (Max Nordau): «религіозная мораль», говоритъ онъ, «произвольна, поверхностна и прямо безнравствен-

на. Ея побудительными силами служатъ боязнь, корысть, надежда на райскія выгоды или страхъ предъ сѣрнистымъ огнемъ дьявола. Это—мораль для эгоистовъ и для трусовъ, особенно же—для дѣтей, которыхъ можно обойти угрозою розги или обѣщаніемъ ячменнаго сахара». Дерзость тона этихъ и подобныхъ рѣчей, безъ сомнѣнія, можетъ равняться только ихъ безсодержательности и безосновательности, и было бы совершенно излишнимъ трудомъ подвергать ихъ серіозной критикѣ, потому что, по грубости своей, онѣ не заслуживаютъ серіознаго опроверженія. Можно, однако, угадать, что въ основаніи всѣхъ подобныхъ словоизверженій, все-таки, лежитъ нѣкоторая мысль, часто проводимая особенно новѣйшими мыслителями и философіями, именно, — что нравственность, покоющаяся на религіи и вытекающая изъ такихъ мотивовъ, какъ страхъ предъ наказаніемъ и надежда на награду, — есть нравственность низкаго достоинства и годится только для простаго народа, между тѣмъ какъ болѣе совершенные и чистые мыслители стоятъ выше ея и могутъ обойтись безъ ея предписаній. Но противъ такого взгляда мы приведемъ лишь то простое соображеніе, что человѣчество состоитъ не изъ однихъ только такъ называемыхъ мыслителей, которые будто бы обязаны выполнять болѣе высокую нравственность, чѣмъ нравственность христіанская (такой мнимой, болѣе высокой нравственности, однакоже, ни одинъ мыслитель еще не представилъ доселѣ) и что, слѣдовательно, огромнѣйшая часть человѣчества, такъ называемый простой народъ, нуждается въ религіи, какъ побужденіи къ нравственной жизни. Значитъ, даже стоя на точкѣ зрѣнія такихъ мыслителей, нельзя сказать, что религія ненужна для нравственности.

Но сила указаннаго взгляда на достоинство религіозной морали, очевидно, заключается въ той мысли, что руководствоваться въ нравственной жизни какими-либо посторонними соображеніями и расчетами унижительно для истинно-нравственнаго человѣка; что истинно-нравственный человѣкъ долженъ дѣлать добро ради самого добра и избѣгать зла ради самого зла, т. е. въ силу внутренняго отвращенія къ нему, какъ ко злу. Такой взглядъ въ чистомъ своемъ видѣ, существѣ дѣ-

ла, не противорѣчить и нашему взгляду, и если его представляютъ въ укоръ религіозно-христіанской морали, то по нашему разумѣнію, это происходитъ отъ незнанія, или отъ непониманія истиннаго духа и смысла христіанской нравственности. Христіанская религія не только не отвергаетъ любви къ добру, какъ добру и отвращенія ко злу, какъ ко злу, а напротивъ, эту естественную, можно сказать — врожденную намъ любовь и это естественное отвращеніе она признаетъ присущими неиспорченной человѣческой природѣ, и эти естественныя начала нашей духовной жизни она освящаетъ авторитетомъ Божества. Любовь къ добру и отвращеніе отъ зла, по взгляду нашей религіи, настолько считаются естественными для человѣка, что всѣ добрыя начала даже въ человѣкѣ-нехристіанинѣ у христіанскихъ мыслителей признаются не только не чуждыми христіанству, но даже, какъ выше сказано, *натурально-христіанскими*. Мало того, — христіанство не просто только считаетъ эти добрыя начала въ человѣкѣ натурально свойственными человѣку, но вмѣняетъ ихъ намъ въ нравственную обязанность, потому что Самъ Богъ, создавшій насъ по образу и по подобію Своему, есть высочайшее добро, — безмѣрно любить все доброе и ненавидить злое. Христіанское ученіе о *возмездіи* отнюдь не должно понимать такъ, какъ будто бы христіанская религія обязываетъ дѣлать добро *только ради будущей награды* и запрещаетъ зло *только ради избѣжанія будущаго наказанія*, — такое пониманіе стояло бы въ непримиримомъ противорѣчій съ духомъ всего христіанскаго ученія, которое есть чистѣйшее выраженіе святости и благодати Божіей. Но это указаніе, во-первыхъ, необходимо по причинѣ слабости человѣческой природы, которая, при всемъ усилии къ добру, подъ вліяніемъ грѣховнаго начала, всегда способна колебаться между добромъ и зломъ, а иногда и предпочитать второе первому, и которая, съ другой стороны, при самой любви къ добру, способна въ борьбѣ со зломъ, особенно при видѣ временнаго, но продолжительнаго торжества зла, унывать и отчаяваться въ дѣйствительности самой добродѣтели, а во-вторыхъ, — и это главное, — такое указаніе служитъ лишь выраженіемъ идеи божественной правды, по которой все въ мірѣ должно быть оцѣниваемо и дѣйствительно оцѣнивается

сообразно съ своимъ внутреннимъ достоинствомъ. Такимъ образомъ, христіанская религія, обязывая насъ къ выполнению добра и къ борьбѣ со зломъ и указывая при этомъ на будущее мздовоздаяніе, прежде всего и главнѣе всего имѣетъ въ виду научить насъ тому, что имѣетъ исполниться въ силу святой воли Божіей, по предназначенному плану міропорядка, но вмѣстѣ съ тѣмъ, зная нашу натуральную слабость, желаетъ и заботится, чтобы это указаніе послужило къ поддержанію и къ одобренію нашей немощной, но доброй воли въ трудной борьбѣ со зломъ. Слѣдовательно, религіозные мотивы нравственности, съ одной стороны, нисколько не унижаютъ и нравственной дѣятельности христіанина, потому что они являются въ сущности лишь указаніемъ на дѣйствительный нравственный міропорядокъ, требуемый Святостію и Правдою Божіею; съ другой стороны, — какъ лучшая и надежнѣйшая поддержка для естественно-слабой и ослабѣвающей природы человѣка въ его непрерывной борьбѣ со зломъ, — они не только ни для кого изъ людей не унижительны, но и прямо необходимы, какъ это мы и выше показали.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ право думать, что сама религія, въ существенномъ своемъ содержаніи, можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ зависимости морали отъ религіи, именно въ томъ отношеніи, что она указываетъ высшій и чистѣйшій идеалъ нравственности и носитъ въ себѣ лучшія силы, способныя возбуждать людей къ осуществленію указываемаго идеала. Однако, къ такому заключенію мы подходили доселѣ больше путемъ теоретическихъ соображеній, чѣмъ путемъ изслѣдованія дѣйствительной жизни. Но безъ сомнѣнія, такія теоретическія соображенія мало бы имѣли цѣнности и доказательной силы, если бы дѣйствительная жизнь не согласовалась съ ними, если бы исторія и житейскій опытъ не подтверждали ихъ. Итакъ, спрашивается: дѣйствительно ли исторія и опытъ жизни доказываютъ истину нашихъ выводовъ, или, напротивъ, въ нихъ мы встрѣчаемъ сильныя опроверженія устанавливаемаго нами взгляда?

А. В.

(Окончаніе будетъ).

СУДЬБЫ ИДЕИ О БОГѢ

ВЪ

ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО МИРОСОЗЕРЦАНІЯ

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

(Продолженіе *)

д) *Историческое* доказательство бытія Божія основывается на всеобщемъ признаніи бытія Божія, какъ бы какой народъ ни признавалъ и ни понималъ Божество. Такое признаніе, очевидно, опирается, въ свою очередь, на врожденной всѣмъ идеѣ о Богѣ, воспринятой нѣкогда отъ непосредственнаго созерцанія Его, но болѣе или менѣе уже не ясно воспоминаемой тѣмъ или другимъ народомъ и въ народѣ тѣми или другими людьми въ частности. Болѣе ясное формулированіе этого доказательства у Платона можно находить въ томъ мѣстѣ его предисловія къ доказательствамъ бытія Божія вообще, выдержку изъ коего мы уже приводили въ свое время. Именно, сверхъ приведеннаго тогда, мы здѣсь читаемъ слѣдующаго рода укоръ людямъ, не признающимъ бытіе Божіе: это «люди, ежедневно бывшіе свидѣтелями, что Эллины и всѣ варвары, при восхожденіи и захожденіи солнца и луны, въ несчастіяхъ, равно какъ и въ счастіи, приносятъ мольбы и поклоненія богамъ; приносятъ не потому, что ихъ нѣтъ, но чуждые всякаго сомнѣнія въ бытіи ихъ (οὐχ ὡς οὐκ ὄντων,

*) См. ж. «Вѣра Разумъ» 1889 г. № 12.

ἀλλ, ὡς ὅτι μάλιστα ὄντων, καὶ οὐδαμῆ ὑποψίαν ἐνδιδόντων, ὡς οὐκ εἰσι θεοί») ¹⁾. Или, какъ еще короче и прямѣе выражено было у Платона раньше того: «всѣ Эллина и варвары признають бытіе боговъ (πάντες Ἕλληνες τε καὶ βάρβαροι νομίζουσιν εἶναι θεούς») ²⁾. «Съ ранняго дѣтства, съ молокомъ матери, выслушивая рассказы матерей и кормилицъ, сообщаемые какъ для забавы, такъ и для назиданія, а равно и въ молитвахъ при жертвоприношеніяхъ», воспринимаемъ мы уже первыя понятія о Божествѣ, укрѣпляемыя потомъ и другими сродными тѣмъ условіями и обстоятельствами жизни ³⁾. Такъ мало помалу утверждается то, что уже давно было знакомо душѣ, имѣющей Божественное происхождение ⁴⁾, такъ какъ самъ Богъ *одну отъ насъ* челоуѣка *дыханіе жизни* (Быт. 2, 7). Но большая или меньшая ясность идеи о Богѣ въ нашемъ сознаніи условливается истинно философскою, благочестивою, богоподобною жизнію ⁵⁾, какъ это отчасти мы уже видѣли у Платона въ приведенныхъ изъ его «Федра» словахъ. А между тѣмъ было время, когда мы всѣ имѣли такое ясное представленіе о Богѣ. И «восхитительно было зрѣть красоту тогда, когда, вмѣстѣ съ ликомъ духовъ слѣдуя за Зевсомъ, а другіе за кѣмъ либо другимъ изъ боговъ, мы наслаждались дивнымъ видѣніемъ и зрѣлищемъ, и посвящены были въ тайну, блаженнѣе которой и назвать невозможно,—когда мы праздновали ее, какъ непорочные ⁶⁾ и чуждые зла, ожидавшаго насъ въ будущемъ. Допущенные къ непорочнымъ, простымъ, постояннымъ и блаженнымъ видѣніямъ и созерцая ихъ въ чистомъ сіяніи, мы и сами были чисты (ἐποπτεύοντες ἐν αὐγῇ καθαρῶν καθαροὶ ὄντες) и не погребены въ этой оболочкѣ, которая теперь

¹⁾ Legg. X. 887. E.

²⁾ Ibid. 836. A. Срав. также названіе вѣры въ бытіе боговъ «древнимъ закономъ (παλαιῶ νόμῳ)» на стр. 890 D.

³⁾ Ibid. 887 D.

⁴⁾ Кромѣ приведеннаго мѣста изъ Федра 246 D, срав. о семъ также Закон. X, 902. B.

⁵⁾ Срав. объ этомъ особенно Тезт. 176. B.

⁶⁾ Это выраженіе принаровлено къ обрядамъ при освященіи инициатовъ въ таинства. *Примѣч. проф. Карпова.*

называется тѣломъ, и которою мы связаны, какъ улитки»¹⁾. Теперь же «вселенная преисполнена всѣхъ благъ, но преисполнена также и золь, впрочемъ не большихъ числомъ. Отсюда происходитъ вѣчная, нескончаемая борьба, требующая всей Божественной бдительности. Споборники намъ въ этомъ случаѣ боги и геніи; а мы—стяжаніе боговъ и геніевъ (*ἡμεῖς δ' αὖ κτῆμα θεῶν καὶ δαιμόνων*). Губить же насъ несправедливость и дерзость съ неблагоразуміемъ, а спасаетъ правосудіе и скромность съ разсудительностію, обитающія въ духовныхъ силахъ Божества, отчасти же проявляющіяся и въ насъ. Но живущія на землѣ души чаще увлекаются несправедливою дерзостію»²⁾ и т. п. Таковы между прочимъ и души «мудрыхъ людей новѣйшихъ временъ (т. е. софистовъ), прозаиковъ и поэтовъ, полагающихъ величайшую справедливость въ перевѣсѣ, одерживаемомъ силою. Отъ сего поселяются въ нынѣшнемъ вѣкѣ беззаконныя мнѣнія, будто совсѣмъ нѣтъ боговъ (*ὡς οὐκ ὄντων θεῶν*)»³⁾, также какъ и наоборотъ, «кто вѣрнѣе бытію боговъ (*θεοὺς ἠγούμενος εἶναι*), тотъ произвольно никогда не сдѣлаетъ безчестнаго поступка и не произнесетъ ни одного беззаконнаго слова»⁴⁾. И «если когда нибудь надлежитъ намъ молить Бога (*θεὸν εἰ ποτε παρακλητέον ἡμῖν*), то теперь это особенно нужно: надлежитъ со всѣмъ усердіемъ (*σπουδῇ πάσῃ*) молиться о помощи Его, чтобы доказать, что Онъ есть (*ἐπί γε ἀπόδειξιν ὡς εἰσὶ, τ. ε. θεοί*)»⁵⁾. Впрочемъ и теперь, «когда душа направляется къ тому, что озаряется истиною и сущимъ (*ἀλήθειά τε καὶ τὸ ὄν*), тогда уразумѣваетъ это и познаетъ, и явно имѣетъ умъ; а если она вращается въ томъ, что покрыто мракомъ, что рождается и погибаетъ, то водится мнѣніемъ (*δοξάζει*) и тупѣетъ, переворачивая свои мнѣнія такъ и сякъ, и походить на то, что не имѣетъ ума. Это, доставляющее истинность познаваемому и дающее силу познающему, называй

1) Федръ, 250 В. С.

2) Закон. X, 906. А. В.

3) Тамъ же, 890. А.

4) Тамъ же, 885. В.

5) Тамъ же, 893. В.

идею блага (τὴν τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέαν), причинною знанія и истины (αἰτίαν δ' ἐπιστήμης οὖσαν καὶ ἀληθείας), поколику она познается умомъ¹⁾. Такимъ образомъ Платонъ выражаетъ во всемъ этомъ ту мысль, которая заключается въ извѣстномъ изреченіи вѣчной Истины: *блаженнѣмъ чистѣмъ сердцемъ: яко тѣмъ Бога узрятъ* (μακάριοι οἱ καθαροὶ τῇ καρδίᾳ, ὅτι αὐτοὶ τὸν θεὸν ὄψονται, Матѳ. 5. 8). Это наилучшій способъ убѣжденія въ бытіи Божіемъ, по ученію нашего философа, какъ и по христіанскому ученію.

3. *Имена* Божіи. Послѣ изложенія доказательствъ бытія Божія нужно было-бы приступить къ изложенію ученія Платона о существѣ Божіемъ. Но это ученіе яснѣе будетъ для насъ, когда мы предварительно изложимъ Платоново ученіе объ именахъ Божіихъ. Это ученіе у нашего философа, особенно въ діалогѣ «Кратилъ», подвергается такой тщательной обработкѣ и такъ подробно излагается, что мы посвящаемъ ему особенную рубрику, тѣмъ болѣе, что оно же прольетъ много свѣта и на исторію религіи и философіи элланской, а равно также на аллегорическое толкованіе мифологіи, господствовавшее въ тогдашнее время не только между представителями оффиціально признанной религіи, но и между представителями и сторонниками философскихъ направленій, главнымъ образомъ Гераклитовскаго. А такое толкованіе важно для насъ и въ видахъ раньше сказаннаго по поводу Гомерова богословія²⁾. И хотя въ своемъ діалогѣ «Кратилъ» Платонъ болѣе подвергаетъ осмѣянію тогдашняго толкованія именъ божественныхъ, имѣя въ виду, съ своей стороны, показать, что «познаніе надобно почерпать не изъ тѣней словъ, а изъ самой силы и природы вещей»: ³⁾ однако при этомъ невольно и естественно самъ заинтересовывается именами и предлагаетъ свои рѣшенія по вопросу о толкованіи ихъ, такъ что въ концѣ концовъ не отрицаетъ той мысли, что имена произошли отъ природы (φύσει) вещей, которыя ихъ носятъ,—

¹⁾ Полит. VI, 508, D. E.

²⁾ См. жур. *Вѣра и Разумъ* 1884, I, 496 и дал. также стр. 550 отд. фил.

³⁾ Проф. *Карпова*, введеніе въ переводъ діалога «Кратилъ», стр. 19. часть V сочиненій Платона въ его переводѣ. Москва, 1879.

мысли, которую защищалъ Кратилъ, принадлежавшій къ Гераклитову направленію, равно какъ и мысли о томъ, что имена зависѣли отъ взаимнаго произвольнаго согласія и условія между людьми, каковую мысль защищалъ приверженецъ софистовъ Ермогенъ. Мнѣніе же Платона выражаетъ въ діалогѣ, по обычаю, Сократъ, который, послѣ предварительныхъ разсужденій о важности именъ и объ основаніяхъ къ ихъ даванію и изъясненію, говоритъ Ермогену: «не справедливо ли будетъ начать намъ изслѣдованіе отъ боговъ,—какимъ образомъ боги назвали правильнымъ это самое имя? *Ерм.* Естественно. *Сокр.* Тутъ я подозрѣваю слѣдующее. Первые изъ людей, населявшихъ Элладу, мнѣ кажется, чтили тѣхъ только боговъ, которыхъ чтутъ теперь многіе изъ варваровъ, то есть солнце, луну, землю, звѣзды и небо. Видя, что всѣ они всегда идутъ своимъ путемъ, бѣгутъ (θεόντα), отъ этой природы бѣжанія (θεῖν) тѣ люди наименовали ихъ богами (θεοός), а впоследствии, признавъ и всѣхъ другихъ, они уже и этимъ усвоили то же названіе. Походитъ ли нѣсколько на правду, что я говорю, или нѣтъ? *Ерм.* Конечно, походитъ ¹⁾. *Сокр.* Что же послѣ этого будемъ изслѣдовать? Или ужъ явно, что геніевъ (δαίμονας), героевъ и людей? *Ерм.* Геніевъ. *Сокр.* И въ самомъ дѣлѣ, Ермогенъ, что означаетъ имя геній? Наблюдай, покажется ли тебѣ, что я нѣчто говорю. *Ерм.* Говори только. *Сокр.* Знаешь ли, кого Гезіодъ называетъ демонами? *Ерм.* Не приведу на мысль. *Сокр.* И того не приведешь на мысль, что сперва былъ золотой родъ людей? *Ерм.* Это-то знаю. *Сокр.* Такъ вотъ что Гезіодъ говоритъ о немъ:

Потомъ, когда тотъ родъ судьбы лелѣнъемъ скрылся,
Земными чистые тѣ геніи (δαίμονας) зовутся;
Щиты они отъ золь, благіе стражи смертныхъ ²⁾.

¹⁾ Само собою разумѣется, что ни Платонъ, ни другіе греки не виняли глубже, не зная другихъ языковъ, кромѣ греческаго, въ правильную этимологию имени θεός (о чемъ смотри раньше сказанное нами въ жур. *Впра и Раз.* 1884, I, 498 отд. фил.). Да въ тому же Платонъ здѣсь не свое мнѣніе выражалъ, а мнѣніе послѣдователей Гераклитовой философіи (*текучесть* всего), хотя и не опровергалъ его. Ибо уже раньше Платона такъ толковалъ это имя *Геродотъ* въ своей *Исторіи*. II, 52.

²⁾ Труды и Дни, ст. 121—123.

Ерм. Такъ что же? *Сокр.* Думаю, то говоритъ онъ, что золотой родъ по природѣ (πεφωκός) былъ не золотой, а добрый и прекрасный. Доказательствомъ же служить мнѣ то, что и насъ называетъ онъ родомъ желѣзнымъ. *Ерм.* Ты говоришь правду. *Сокр.* Не думаешь ли, что и изъ нынѣшнихъ того, кто добръ, относитъ онъ къ роду золотому? *Ерм.* Естественно. *Сокр.* А добрые иное ли что, или разумные (φρόνιμοι)? ¹⁾ *Ерм.* Разумные. *Сокр.* Такъ вотъ такими то болѣе всего, кажется мнѣ, называетъ онъ геніевъ: такъ какъ они были разумны и знающіе (δαήμονες), то Гезіодъ и наименовалъ ихъ геніями (δαίμονες). Да на древнемъ то нашемъ языкѣ этому соотвѣтствуетъ именно такое значеніе ²⁾. Хорошо говоритъ и онъ, говорятъ и многіе другіе поэты, что когда добрый человѣкъ умретъ, тогда получить важнѣйшій жребій и честь, и, по имени разумности, сдѣлается геніемъ. Поэтому и я полагаю, что человѣкъ знающій (δαήμων), который былъ бы добръ, есть существо геніальное, божественное (δαίμονιον), живъ онъ, или умеръ, и правильно называется геніемъ (δαίμονα). *Ерм.* И я, какъ мнѣ кажется, Сократъ, въ этомъ совершенно схожусь съ твоимъ мнѣніемъ. Что же будетъ герой-то? *Сокр.* Это не очень трудно понять. Имя герой (ἥρωας) нѣсколько уклонилось; но явно, что оно произошло отъ Эроса (ἔρωας) ³⁾. *Ерм.* Какъ ты говоришь? *Сокр.* Развѣ не знаешь ты, что герои—полубоги (ἡμίθεοι)? *Ерм.* Такъ что-жь? *Сокр.* То есть, всѣ они произошли отъ любви (ἔρασθέντος) либо бога къ смертной, либо смертнаго къ богинѣ. Если будешь разсматривать такъ, и притомъ на основаніи аттическаго древняго языка (κατὰ τὴν ἀττικὴν τὴν παλαιὰν φωνήν), то узнаешь и больше. Тебѣ откроется, что отъ имени Эроса, отъ котораго произошелъ герой, слово герой немного отступило какъ названіе.

1) Это чисто Сократовское совпаденіе добродѣтели съ знаніемъ, добраго съ разумнымъ.

2) О собственномъ значеніи имени δαίμων см. также раньше сказанное нами въ жур. *Вѣра и Раз.* 1884, I, 498 отд. фвл.

3) ἥρωας отъ санскр. vīras, лат. vīr (почему и въ греч. густое дыханіе) мужественный, сильный; а ἔρωας, ἐράω—санскр. var—избирать, желать, предпочитать, любить.

Герои либо имѣютъ это происхожденіе, либо они были софисты, сильные риторы и діалектики, способные предлагать вопросы (ἑρωτᾶν); ибо εἶρεν значитъ говорить. Поэтому на аттическомъ языкѣ ¹⁾, какъ мы сейчасъ замѣтили, такъ называемые герои (ἥρωες), нѣкоторые риторы (ρήτορες) и эротики (ἑρωτικά) сходятся въ своемъ значеніи, такъ что родъ риторовъ и софистовъ оказывается племенемъ героевъ ²⁾. Объяснивъ за тѣмъ также имя человѣка (ἄνθρωπος), какъ «соображающаго, что увидѣлъ (ἀναδρῶν ἃ ὅπωπεν), Платонъ, въ числѣ именъ нарицательныхъ, объясняетъ между прочимъ такія имена, которыя, также какъ и разъясненныя сейчасъ, важны для уясненія его ученія о Божественномъ существѣ. Таковы: душа, сущность или существо, умъ. «Назвавшию душу,—говоритъ Сократъ, имѣли, думаю, въ виду ту мысль, что душа (ψυχή), пока присуща она тѣлу, есть причина его жизни, такъ какъ даетъ ему способность дышать и охлаждаться (ἀναψύχειν), и если охлажденія не достааетъ, тѣло разрушается и кончается. Поэтому-то, кажется мнѣ, назвали ее душею. Но, если хочешь, потерпи; потому что я, слѣдуя Евенфронамъ ³⁾, кажется, усматриваю нѣчто убѣдительнѣе этого. Такое мнѣніе, какъ мнѣ представляется, могутъ, конечно, презирать и почитать затѣйливымъ; однакожь разсматривай, не понравится ли оно и тебѣ? *Ерм.* Только говори. *Сокр.* Природу всего тѣла, чтобы оно и жило и ходило, что иное поддерживаетъ и водить, по твоему мнѣнію, какъ не душа? *Ерм.* Не иное. *Сокр.* Чтожь? а природу всѣхъ прочихъ вещей,—развѣ не вѣришь Анаксагору,—устраиваетъ и поддерживаетъ умъ и душа (νοῦν καὶ ψυχήν διακοσμοῦσαν καὶ ἔχουσαν)? *Ерм.* Вѣрю. *Сокр.* Стало быть это имя хорошо бы прилагать къ той способно-

1) Древне-аттическій діалектъ есть въ сущности іоническій, такъ какъ въ древности іоняне населяли Аттику, и Платонъ здѣсь очевидно разумѣетъ сокращеніе η (въ ἥρωες), особенно любимой іонич. діалектомъ, въ ε (ἑρωες).

2) Кратилъ, 397 с.—398. Послѣднее толкованіе есть уже прямой насмѣшка надъ софистами.

3) Τοῖς ἀμφὶ Εὐβούφρονα. Подъ Евенфрономъ, котораго слушателемъ Сократъ зачастую здѣсь называетъ себя притворно, разумѣется тотъ самый прорицатель и толкователь священныхъ книгъ Евтифронъ, именемъ котораго озаглавивается одинъ изъ діалоговъ Платона и который въ этомъ діалогѣ сильно осмѣивается.

сти, которая водить и держать (ὄχεῖ καὶ ἔχει) природу (φύσιν), и измѣнить его въ φύσιν (держащее природу) ¹⁾. Впрочемъ изрядно говорить и ψυχή. *Ерм.* Конечно; мнѣ даже кажется, что это искуснѣе того. *Сокр.* Да такъ и есть; вѣдь смѣшно же въ самомъ дѣлѣ имя употреблять такъ, какъ оно было нами положено ²⁾. Далѣе <ὄν (сущее) или οὐσία (сущность, существо), принявъ въ началѣ букву ι, приходятъ къ согласію съ истиннымъ, такъ какъ оно въ этомъ случаѣ означаетъ идущее (ἰόν), а οὐκ ὄν (не сущее) опять, какъ нѣкоторые и называютъ его,—не идущее (οὐκ ἰόν)> ³⁾. Объ умѣ (νοῦς) и его соотношеніи съ душою (ψυχή) уже было указано мимоходомъ выше въ виду ученія Анаксагора. Въ томъ же смыслѣ по другому случаю въ томъ же діалогѣ Платонъ говоритъ устами Сократа: <Умъ (νοῦς), по мнѣнію Анаксагора, будучи самодержавенъ (αὐτοκράτορα) и ни съ чѣмъ не смѣшиваясь (οὐδενὶ μεμιγμένον), проходитъ всюду и устрояетъ всѣ вещи> ⁴⁾, и это очевидно въ виду того, что за основу этимологіи слова νοῦς принимаетъ, въ Гераклитовскомъ смыслѣ, глаголь νέω, νέομαι—иду, отираюсь ⁵⁾. Къ тому же приурочиваются и слѣдующія истолкованія: <разумность (φρόνησις): вѣдь это есть мысль (νόησις) о движеніи (φωρᾶς) и теченіи (ῥοῦ); далѣе, если хочешь, самая мысль (νόησις) есть желаніе новаго (νέου ἕσις), а новымъ начинается то, что всегда происходитъ. Это-то расположеніе души хотѣлъ выразить положившій имя νεόεσιν; потому что въ древности говорили не νόησις, но вмѣсто η надлежало читать двойное ε,—νεόεσιν> ⁶⁾. Но обратимся къ болѣе важному для насъ,—къ толкованію самыхъ именъ Божествъ греческой народной религіи. Хотя, какъ въ отношеніи къ нарицательнымъ именамъ, толкованіе коихъ начато было съ имени

1) Ψυχή отъ корня ψи, σπι—сродно съ φυσάω—дуу, падуваю.

2) Кратиль, 399—400.

3) Тамъ же, 421. В. С. Ясный намекъ на сторонниковъ Гераклитова направленія въ толкованіи слова.

4) Тамъ же, стр. 413. С.

5) Собственно νόος—νοῦς происходитъ отъ основы γυο ος, которая является въ γι—γνώσκω—знаю.

6) Кратиль, 411. Д. Е. Φρόνησις происходитъ, конечно, отъ φρήν—мысль, а νόησις—отъ νόος—умъ.

θεος, формулу начала толкованія и собственныхъ именъ божествъ Платонъ прилагаетъ къ Вестѣ—богинѣ домашняго очага, который ближе всего для всякаго, однако на дѣлѣ еще раньше того, какъ бы мимоходомъ, въ Кратилѣ уже предложено было толкованіе имени величайшаго изъ боговъ—Зевса. Съ этого имени и мы начнемъ. «Къ такъ называемому Зевсу,—читаемъ здѣсь,—прекрасно приложено было имя; только не легко понять его. Вѣдь имя Зевса есть просто какъ бы слово: раздѣливъ же его на двое, одни изъ насъ пользуются одною его частию, другіе—другою,—то есть одни называютъ его Зиномъ (Ζῆνα), другіе Діемъ (Δία). Сложенныя же въ одно, эти части выражаютъ природу Бога (φύσιν τοῦ θεοῦ),—что и свойственно, говоримъ, дѣлать имени; ибо ни въ насъ ни во всѣхъ другихъ нѣтъ ничего, почему бы кто больше былъ причиною жизни (τοῦ ζῆν), чѣмъ правитель и царь всѣхъ (ἡ ὁ ἄρχων τε καὶ βασιλεὺς τῶν πάντων). И такъ, слѣдуетъ, что онъ правильно называется Богомъ (ὁ θεός), чрезъ Котораго (δι' οὗ) всегда дается жизнь (ζῆν) всѣмъ существамъ живущимъ (ζῶσιν) ¹⁾. Но это выраженіе распалось, какъ говорю, на двое, на имена Дія и Зина. Слѣдующему же сразу можетъ показаться, что этотъ сынъ Кроноса дерзостень (ὕβριστικόν) ²⁾; но по достаточномъ размышленіи оказывается, что Зевсъ (τὸν Δία) былъ порожденіемъ нѣкоего великаго разума (διανοίας): потому что Кроносъ (Κρόνος) означаетъ не мальчика (κόρον), а чистоту и незапятнанность его ума (καθαρὸν αὐτοῦ καὶ ἀκήρατον τοῦ νοῦ). Этотъ же, какъ говорить преданіе, есть сынъ Урана (Οὐρανοῦ),—и такимъ именемъ хорошо выражается смотрѣніе вверхъ. Уранія значитъ: смотрящая на высреннее (ὀρῶσα τὰ ἄνω). Оттого-то и говорятъ, Ермогенъ, что занимающіеся изученіемъ небесныхъ явленій (οἱ μετεωρολόγοι) являются людъ-

¹⁾ Хотя такимъ толкованіемъ хорошо выражается чаяніе той мысли, какую Апостолъ лзычниковъ выразилъ въ Аѳинскомъ ареопагѣ о Богѣ, именно, что Онъ есть *Самъ для себя жизнь* (πᾶσι ζωή) и *дыханіе и вся* (Дѣян. 17, 25); однако этимологія имени Зевса здѣсь, очевидно, неправильна. См. эту этимологію въ сказанномъ нами раньше, жур. *Вѣра и Раз.* 1884, I, 497—498 отд. фил.

²⁾ При этомъ разумѣется извѣстное преданіе о Зевсѣ въ его отношеніи къ Кроносу по мифологіи греческой.

ми съ чистымъ умомъ (τὸν καθαρὸν νοῦν) ¹⁾. И хотя Сократъ, устами котораго здѣсь говоритъ Платонъ, тотчасъ же обращаетъ все дѣло толкованія въ шутку, говоря, что онъ потому теперь вдается въ такія толкованія, что тѣмъ днемъ «по утру» онъ «долго бесѣдовалъ съ Евейфрономъ Проспалтійскимъ и слушалъ его» ²⁾: однако въ его толкованіяхъ есть много не только того, что было общепринятымъ за то время, но и того, что такъ или иначе выражало мнѣнія и самого Платона. А потому мы продолжаемъ далѣе эти толкованія, теперь именно обращаясь къ его собственному, далѣе предлагаемому порядку ихъ. Послѣ толкованія именъ нарицательныхъ важнѣйшихъ: *богъ, душа, тѣло*, Сократъ говоритъ: «такъ иначе ли начнемъ, чѣмъ съ Весты, по закону? *Ерм.* Въ самомъ дѣлѣ справедливо. *Сокр.* Какая же, говорятъ, была мысль назвать Весту Вестою? *Ерм.* Клянусь Зевсомъ, — и это, думаю, не легко. *Сокр.* Первые прилагатели именъ, добрый Ермогенъ, должно быть, не худые въ самомъ дѣлѣ были люди, но какіе-то занимавшіеся изученіемъ небесныхъ явленій и болтуны ³⁾. *Ерм.* Почему же? *Сокр.* Приложение именъ мнѣ представляется дѣломъ какихъ-то такихъ людей. И кто сталъ бы разсматривать даже имена иностранныя, все-таки нашелъ бы, что значить каждое изъ нихъ. Напримѣръ здѣсь, что мы называемъ οὐσία (сущностию, существомъ), то другіе зовутъ ἐσία, а иные—ὠσία ⁴⁾. Итакъ сперва, примѣнительно ко второму изъ сихъ именъ, было основаніе сущность вещей (ἡ τῶν πραγμάτων οὐσία) назвать Ἔστιαν (Вестою). А такъ какъ у насъ и то опять, что причастно сущности называется также Ἔστια ⁵⁾, то вотъ наша Ἔστια (Веста) вышла и правильнымъ именемъ. Въ древности,

¹⁾ Кратиль, 395. E—396. A—C. Срав. 410 D.

²⁾ Тамъ же, 396. D. E.

³⁾ Ἀδολέσχη. Такъ народъ называлъ перѣдко философовъ, изучавшихъ небесныя явленія.

⁴⁾ Ἔστια на аттическомъ, а ὠσία на дорическомъ діалектѣ значить тоже, что юническое οὐσία, перешедшее и въ общегреческій языкъ.

⁵⁾ Домашній очагъ, огонь этого очага и назывался ἐστία, съ дигаммою въ началѣ ἐστία, латин. Vesta (Веста). Означался этимъ и жертвенникъ домашнимъ богамъ, покровителямъ жилища.

видно, и мы οὐσίαν называли ἐσίαν ¹⁾. При томъ и судя по жертвамъ можно полагать, что прилагатели именъ имѣли такую мысль; потому что тѣ, которые Весту (Ἔστίαν) называли сущностию всего (τὴν πάντων οὐσίαν), находили приличнымъ приносить жертву первой Вестѣ, прежде чѣмъ всѣмъ богамъ. А у кого опять употреблялось ὄσια, тѣ почти усвоили взглядъ Гераклита, полагая, что все сущее идетъ и ничто не стоитъ. Поэтому причиною и вождемъ у нихъ былъ толчекъ (τὸ ὄδοῦν), и отсюда хорошо было назвать это ὄσιαν ²⁾. Такъ вотъ какъ мы, люди, ничего не знающіе, разсудили объ этомъ.—Послѣ Весты справедливо будетъ изслѣдовать имена Реи и Кроноса, хотя имя Кроноса— то мы уже и разсматривали. Впрочемъ, можетъ быть, это не отговорка. *Ерм.* Почему же, Сократъ? *Сокр.* Ахъ, добрякъ! Мнѣ пришелъ на мысль рой мудрости. *Ерм.* Какой же это? *Сокр.* Очень смѣшно сказать; между тѣмъ дѣло, думаю, правдоподобное. *Ерм.* Что это за дѣло? *Сокр.* Я какъ будто вижу Гераклита, произносящаго нѣкоторыя древнія изреченія мудрецовъ, изъ временъ Кроноса и Реи, приводимыя также и Гомеромъ. *Ерм.* Какъ ты это говоришь? *Сокр.* Гераклитъ говорить, что все идетъ и ничто не стоитъ, и уподобляя сущее теченію (ῥοή) рѣки, прибавляетъ, что дважды въ одну и ту же рѣку войти не возможно. *Ерм.* Такъ. *Сокр.* Что же? Кажется ли тебѣ, что чужда была Гераклиту мысль, что прилагатель именъ предкамъ прочихъ боговъ далъ имена Реи (теченія) и Кроноса (времени— χρόνος)? Уже ли случайно, думаешь, съ обоими богами соединилъ онъ наименованія текучести? Такъ-то опять и Гомеръ отцемъ боговъ называетъ Океанъ, а материю Гипенсу ³⁾. То же, думаю, и Гезіодъ ⁴⁾. Говоритъ въ одномъ мѣстѣ и Орфей, что

1) Въ самомъ дѣлѣ въ οὐσία (отъ εἶμι: есмь) основа первоначальная εσ (εἶμι вл. ἐσμί, срав. слав. есмь), откуда и явилось ἐσία.

2) При этомъ надобно имѣть въ виду, что греческая буква ϑ произносима была древними греками близко къ свистящему звуку σ, а нѣкоторыми племенами греческими и прямо какъ эта послѣдняя буква въ извѣстныхъ словахъ, напр. ἀγαθός вл. ἀγαθός—добрый и под.

3) См. Иліад. XIV, 201, 245—246, 302. Срав. Орфич. гимнъ Океану.

4) Сравн. Θεογον. 337—362.

Первый вступилъ тогда въ бракъ Океанъ красиво текущій (καλίρροος),
Взялъ за себя сестру отъ матери общей—Тиенсу ¹⁾.

Такъ вотъ на что смотри, какъ они и между собою согласны, и все направляютъ къ Гераклитову взгляду. *Ерм.* Видимо, въ твоихъ словахъ что-то есть, Сократъ; однакожь я не знаю, что значить имя Тиенсы ²⁾. *Сокр.* Да почти то же самое, что называется сокровеннымъ именемъ ручья; потому что слова διαττόμενον (пропускаемое) и ἠδούμενον (вливаемое чрезъ лейку) указываютъ на ручей. Изъ этихъ-то обоихъ именъ и сложилось имя Тиенса (Τηθύς) ³⁾. *Ерм.* Это изысканно, Сократъ. *Сокр.* Почему не такъ? Но что за этимъ?—О Зевсѣ мы уже сказали. *Ерм.* Да. *Сокр.* Такъ будемъ говорить о его братьяхъ, Посидонѣ и Плутонѣ, и о другомъ имени, которымъ называютъ послѣдняго (Аидъ). *Ерм.* Конечно. *Сокр.* Первый, назвавшій Посидона Посидономъ (Ποσειδῶνα), назвалъ его, кажется, потому, что когда онъ (назвавшій) шелъ, природа моря удержала его и не позволила ему итти далѣе, но была для него какъ бы ножными узами (δέσμοις τῶν ποδῶν). Такъ вотъ начальникъ этой силы, богъ, и названъ Посидономъ, какъ бы Ποσειδέσμων (узы для ногъ): буква же ε̅ внесена сюда, можетъ быть, для благоприличія. Впрочемъ, пожалуй, и не то здѣсь говорится, но вмѣсто σ сперва стояло въ этомъ словѣ λλ; такъ что оно было именемъ многознающаго (πολλὰ εἰδότης) бога. А можетъ быть, онъ названъ отъ глагола σειεῖν (трясти) σειῶν (потрясающимъ), и потомъ къ этому слову прибавлены π и δ ⁴⁾. Что же касается до Плутона (Πλούτωνος), то онъ получилъ это имя отъ даянія богатства (πλοῦτος), такъ какъ богатство достается глубоко изъ земли. Имя же Аидъ (Αἴδης)—преисподній—многіе понимаютъ какъ не видимое

1) См. Orphica, ed. Hertmann, p. 284.

2) Имя Ὠκεανός (Океанъ), отъ ὤχος — быстрый, скорый слишкомъ понятно звучало для грека по своему значенію въ томъ же Гераклитовскомъ смыслѣ.

3) Τηθύς по метатезису вмѣсто Θηθύς отъ θῆσαι—кормить грудью—собственно значить кормилица, питательница.

4) Имя Посидона производятъ и отъ πόσις—господинъ и отъ πῶσις—питье, напитокъ.

(αἰδέος) ¹⁾ и, боясь называть его такимъ именемъ, называютъ Плутономъ. *Ерм.* А тебѣ какъ представляется, Сократъ. *Сокр.* Мнѣ кажется, люди, относительно этого бога силы (τοῦ θεοῦ τῆς δυνάμεως), много различнымъ образомъ ошибались и недостойно боялись его. Вѣдь боятся того, что когда кто изъ насъ умретъ, навсегда тамъ останется; испугались и того, что душа отходить къ нему обнаженною отъ тѣла: а мнѣ кажется, что все стремится къ чему-то тому же, — и власть этого бога, и его имя. *Ерм.* Какимъ же образомъ? *Сокр.* Я скажу тебѣ, что именно представляется мнѣ. Скажи, какое бы то ни было животное которыми узами сильнѣе понуждается оставаться гдѣ нибудь, — необходимостію ли, или пожеланіемъ? *Ерм.* Пожеланіе гораздо выше. *Сокр.* Такъ думаешь ли, что многіе не избавились бы отъ Аида, если бы онъ не связывалъ ихъ сильнѣйшими тамошними узами? *Ерм.* Явно. *Сокр.* Стало бытъ Аидъ связываетъ ихъ, какъ видно, какимъ-то пожеланіемъ, если связываетъ узами крѣпчайшими, а не необходимостію. *Ерм.* Видимо. *Сокр.* А пожеланій опять, не правда ли, много? *Ерм.* Да. *Сокр.* Стало бытъ Аидъ связываетъ ихъ пожеланіемъ величайшимъ изъ пожеланій, если хочетъ удерживать ихъ узами сильнѣйшими. *Ерм.* Да. *Сокр.* А есть ли какое пожеланіе больше, какъ, обращаясь съ кѣмъ нибудь, думать, что чрезъ него сдѣлаешься лучшимъ человѣкомъ? *Ерм.* Клянусь Зевсомъ, никакого, Сократъ. *Сокр.* Поэтому скажемъ, стало бытъ, Ермогенъ, что изъ тамошнихъ никто не захочетъ удалиться сюда, даже самыя Сирены ²⁾, но и эти, и всѣ другіе тамъ очарованы: такъ хороши, какъ видно, рѣчи, которыя умѣетъ говорить имъ Аидъ. И надобно думать посему, что этотъ богъ — совершенный софистъ и великій благодѣтель находящихся у него душъ, если въ самомъ дѣлѣ подаетъ тамошнимъ столь великія блага; и такъ много у него тамъ избытковъ, что отъ этого получилъ онъ и имя Плутона. Да и то опять, — не хочетъ онъ обращаться съ людьми, имѣющими

¹⁾ Ср. Федонъ, 80. D.

²⁾ По объясненію Провла здѣсь разумѣется родъ Сиренъ, подчиненныхъ Аиду, и называемый χαρτιχόν (т. е. γένος). См. примѣч. *Картова* къ этому мѣсту.

тѣла, но тогда только вступаетъ съ ними въ связь, когда душа бываетъ чиста отъ всѣхъ, относящихся къ тѣлу, золь и пожеланій. Не дѣло ли философа, мужа благонастроеннаго, и то, что онъ такимъ образомъ связалъ и держитъ ихъ въ узахъ добродѣтели, тогда какъ, при порывахъ и неистовствѣ тѣла, не могъ бы и Кроносъ — отецъ удержать ихъ, связавъ такъ называемыми своими узами ¹⁾. *Ерм.* Ты, должно быть, дѣло говоришь, Сократъ. *Сокр.* Да и имя-то Аида произошло, Ермогенъ, далеко не отъ невидимаго (ἀειδοῦς), а гораздо скорѣе отъ того, что онъ знаетъ (εἰδέναι) все прекрасное. Примѣнительно къ этому-то слову законодатель именъ и назвалъ Аида ²⁾. Далѣе слѣдуетъ объясненіе именъ Димитры, какъ матери (μήτηρ), раздающей пищу; — Иры — о воздухѣ (ἀέρα); — Аполлона — въ четырехъ значеніяхъ, по четыремъ искусствамъ, покровителемъ и посредникомъ коихъ онъ былъ, именно: музыкальнаго, провѣщательнаго, врачевательнаго и стрѣлкового: — Артемиды, какъ любящей дѣвственную непорочность (ἀρτεμές); — Діониса (Вакха, Бахуса), какъ дающаго вино (διδούς οἶνον) и производящаго у пьяницъ винный умъ (οἰόνους); — Афродиты, какъ рожденной, по Гезіоду, изъ морской пѣны (ἀφρός); — Аѳины, какъ мысли Божіей (θεοῦ νόησιν) или помысленія сердца (τὴν ἐν τῷ ἡθει νόησιν); — Ифеста, какъ источника свѣта (φάεος Ἰστορα) и нѣк. др. ³⁾. Потомъ объясненіе переходитъ къ именамъ божествъ космическихъ: солнца, луны, звѣздъ и т. д. Насъ, понятно, болѣе интересуютъ объясненія именъ солнца, луны и звѣздъ.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ По мифологіи греческой Кроносъ весь годъ связанъ шерстяными узами и разрѣшается отъ нихъ только на свой праздникъ, бывающій въ декабрѣ. См. прилѣч. того же проф. Карпова.

²⁾ Кратиль, 401—404. Производство имени Аида (Αἴδης) отъ α и ἰδεῖν (не видѣть), при чемъ дигамма перешла въ густое дыханіе, вѣрнѣе послѣдней этимологіи слова.

³⁾ Кратиль 404—408.

„ТЕОДИЦЕЯ“ ЛЕЙБНИЦА.

Разсужденіе о благодѣи Божіей, свободѣ челоѳческой и началѣ зла.

(Окончаніе первой части *).

§§ 79. Я не знаю, существуютъ ли еще люди, которые полагаютъ, что Богъ, будучи безусловнымъ владыкою всѣхъ вещей, и отсюда заключаютъ, будто все существующее внѣ Его безразлично для Него; будто Онъ созерцаетъ только самого Себя, не заботясь о другихъ, и будто однихъ людей Онъ дѣлаетъ счастливыми, а другихъ несчастными, безъ всякаго основанія, или избранія, или причины. Но такъ учить о Богѣ, это значитъ лишать Его мудрости и благодѣи. Намъ достаточно замѣтить, что Богъ созерцаетъ самого Себя и не пренебрегаетъ ничѣмъ обязательнымъ въ отношеніи къ Себѣ, чтобы отсюда прійти къ мысли, что Онъ заботится также о своихъ тваряхъ и распоряжается ими наиболѣе сообразно съ правильнымъ порядкомъ. Ибо чѣмъ болѣе великій и добрый государь будетъ заботиться о своей славѣ, тѣмъ болѣе будетъ стараться сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми, хотя бы онъ былъ самымъ самодержавнымъ изъ всѣхъ монарховъ, и хотя бы его подданные были природными рабами, людьми собственными (какъ говорятъ юристы), т. е. людьми всецѣло подчиненными его произвольной власти. Кальвинъ и нѣкоторые

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1889 г. № 8.

другіе большіе защитники безусловнаго (божественнаго) опредѣленія очень ясно заявили, что Богъ имѣлъ великія и справедливыя основанія для своего избранія и сообщенія своей благодати, хотя эти основанія и неизвѣстны намъ въ подробностяхъ. Надобно съ любовью относиться къ тому, что самыя строгіе предестинаты (т. е. люди признававшіе безусловное предопредѣленіе Божіе) были на столько разумны и на столько благочестивы, что не уклонялись отъ этого ученія ¹⁾.

80. Поэтому, какъ я надѣюсь, нѣтъ надобности продолжать этотъ споръ съ людьми сколько нибудь разумными; хотя среди нихъ всегда существовало много лицъ, называвшихся универсалистами и партикуляристами, смотря по тому, какъ учили они о благодати и о волѣ Божіей. Однакоже я склоненъ думать, что по крайней мѣрѣ, столь горячій споръ между ними о желаніи Божіемъ спасти всѣхъ людей и обо всемъ, что находится въ связи съ этимъ предметомъ (когда отдѣляютъ этотъ предметъ отъ ученія *de auxiliis*, т. е. божественной помощи, или соприсутствіи благодати), состоитъ скорѣе въ выраженіяхъ, а не въ сущности дѣла. Ибо достаточно принять во вниманіе, что Богъ, равно какъ и всякій мудрый благотворитель склоняется ко всякому возможному благу и что это

¹⁾ Предестинаты, которыхъ Лейбницъ въ сущности порицаетъ здѣсь, основываютъ свое ученіе на безусловномъ всемогуществѣ Божіемъ и на признаніи Бога вслѣдствіе этой безусловности преемше нравственныхъ правилъ, обязательныхъ для разумныхъ тварей. По предестинатскому воззрѣнію, нравственныя правила даны лишь разумнымъ тварямъ и вовсе не обязательны для безусловнаго Существа; Богъ возвышается надъ всякою нравственностію. Напротивъ того, противники предестинатовъ утверждаютъ, что и Богъ, не смотря на свое безусловное всемогущество, подчиненъ нравственнымъ требованіямъ или правиламъ. Вопросъ, слѣдовательно, состоялъ въ слѣдующемъ: въ какомъ отношеніи находится нашъ нравственный законъ къ безусловной волѣ Божіей? Добро потому-ли обладаетъ предикатомъ добраго, что этого *хочетъ* Богъ; или Богъ потому и *хочетъ* добраго, что оно само въ себѣ *содержитъ* предикатъ добра? Схоластики, извѣстные подъ именемъ скоттистовъ, держались перваго мнѣнія; между тѣмъ, какъ философъ Платонъ, Тома Аквинатъ съ своими послѣдователями и самъ Лейбницъ держались противуположнаго мнѣнія. Кирхманъ замѣчаетъ при этомъ, что приводимыя Лейбницемъ въ настоящемъ § соображенія не достигаютъ своей цѣли, т. е. не опровергаютъ предестинатовъ. Но почему же? Въ сущности потому, что Лейбницъ не указываетъ, на чемъ собственно основывается безусловное значеніе нравственности,

склоненіе пропорціонально съ совершенствами этого блага; но онъ склоняется къ этому (говоря о вопросѣ точно и въ самомъ себѣ) *предшествующею волею*, какъ выражаются, которая однакоже не всегда проявляетъ свое дѣйствіе, потому что этотъ мудрецъ долженъ принять во вниманіе и многія другія склоненія. Такимъ образомъ, только совокупный результатъ всѣхъ склоненій дѣлаетъ его волю полною или опредѣленною, какъ я объяснилъ это выше. И такъ очень вѣрно можно сказать съ древними, что Богъ хочетъ спасти всѣхъ людей по Своей предшествующей волѣ, но не по Своей послѣдующей волѣ, которая одна только непременно осуществляется. Если же отрицающіе волю Божію спасти всѣхъ людей не хотятъ допустить, чтобы это предшествующее волевое склоненіе могло быть названо волею, то они затрудняются только по вопросу о названіи.

81. Но существуетъ вопросъ болѣе существенный относительно предопредѣленія къ вѣчной жизни и ко всякому другому опредѣленію Божію, именно вопросъ о томъ, есть ли это опредѣленіе безусловное, или относительное. Признаютъ опредѣленіе къ добру или къ злу; и такъ какъ зло бываетъ нравственное или физическое, то богословы согласны, что нѣтъ

одинаково обязательное какъ для Бога, такъ и для разумныхъ тварей. Извѣстно, какъ противорѣчивы воззрѣнія философовъ на этотъ предметъ. Кантъ связалъ безусловную обязательность нравственнаго закона съ началами разума; Гегель же и Шопенгауэръ опровергаютъ это. Но если содержаніе нравственности не можетъ быть выведено изъ началъ разума, если затѣмъ содержаніе это, по указанію исторіи, подвергается съ теченіемъ времени легкому видоизмѣненію, то повидимому правы предestinаты, когда бытіе нравственности выводятъ не изъ разума, а изъ одного лишь высочайшаго авторитета, т. е. поставляютъ Бога превыше всякихъ нравственныхъ правилъ. Поэтому и соображенія Лейбница противъ предестинатовъ оказываются, повидимому, недостаточно убѣдительными. Такъ думаетъ Кирманъ. Намъ же кажется, что всѣ эти возраженія его не удовлетворительны. Они легко устраняются слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ: въ Божественной Личности, и бытіе, и дѣйствованіе, и всѣ законы этого дѣйствованія, безусловно зависятъ отъ Нея самой, но не какъ отъ слѣпой вседѣйствующей физической силы, а какъ отъ самосознающей и самоопредѣляющей, слѣдовательно, какъ отъ свободной и разумной Личности. Другими словами: Богъ *свободно*, а не какъ либо слѣпо или необходимо желаетъ нравственнаго добра; но желаетъ его свободно потому, что оно въ себѣ самомъ носитъ предикатъ добра.

опредѣленія къ нравственному злу, т. е. никто не опредѣленъ къ грѣху. Что же касается самаго большаго физическаго зла, состоящаго въ вѣчномъ осужденіи, то можно различать опредѣленіе отъ предопредѣленія, потому что предопредѣленіе представляется содержащимъ въ себѣ опредѣленіе безусловное и предшествующее въ отношеніи къ добрымъ и злымъ дѣйствіямъ тѣхъ, кого оно касается. Такимъ образомъ, можно сказать, что отверженные *опредѣлены* быть осужденными, потому что они признаны нераскаянными. Но нельзя равнымъ образомъ сказать, что отверженные *предопредѣлены* къ осужденію, потому что нѣтъ отверженія безусловнаго, такъ какъ его основаніе лежитъ въ предвидимой Богомъ окончательной нераскаянности ихъ ¹⁾.

82. Справедливо, что есть писатели утверждающіе, что Богъ, желая проявить Свое милосердіе и Свою правду сообразно съ основаніями достойными Его, но неизвѣстными намъ, однихъ избралъ, а другихъ отвергъ безъ всякаго отношенія къ грѣху, даже грѣху Адама; что послѣ этого рѣшенія Онъ призналъ за благо допустить грѣхъ для осуществленія этихъ двухъ добродѣтелей Своихъ и во Христѣ Иисусѣ однимъ назначилъ благодать спасенія, въ чемъ отказалъ другимъ, дабы имѣть возможность наказать ихъ; и что поэтому этихъ писателей называютъ *супраляпсаріями*, такъ какъ опредѣленіе къ наказанію, по ихъ мнѣнію, предшествуетъ вѣдѣнію о будущемъ су-

¹⁾ Подъ «предшествующею волею», «предшествующимъ опредѣленіемъ» или «предопредѣленіемъ» Лейбницъ разумѣетъ божественную рѣшимость безъ отношенія ея къ нравственной или безнравственной дѣятельности человѣка; подъ «опредѣленіемъ» же онъ разумѣетъ рѣшимость, хотя тоже существующую въ Богѣ прежде такой или иной фактической дѣятельности человѣка, но уже основывающуюся на предвѣдѣніи нравственной или безнравственной жизни человѣка, на предвѣдѣніи того, какъ люди отнесутся къ даруемой Имъ благодати, на ихъ покорности и сопротивленіи ей. Кирхманъ замѣчаетъ, что это допускаемое Лейбницемъ различіе двухъ моментовъ въ полномъ божественномъ рѣшеніи или опредѣленіи не правильно; такъ какъ оно основывается будто бы на неправильномъ же различеніи въ Богѣ для всего совершающагося двухъ необходимостей: условной и безусловной. Конечно, для фаталиста такое разграниченіе представляется неправильнымъ; но не такимъ оно кажется теисту, т. е. человѣку, допускающему бытіе свободы въ Богѣ и въ тварныхъ существахъ, одаренныхъ разумомъ. Соглашаемся, что различеніе это не достаточно ясно; но болѣе яснымъ едва ли можно и представить

ществованіи грѣха. Но теперь самое распространенное мнѣніе среди тѣхъ, которые называются *реформатами*, и каковое мнѣніе одобрено на Дордрехтскомъ соборѣ, есть мнѣніе *инфраляпсаріевъ*, очень согласное съ ученіемъ святого Августина, утверждавшаго, что Богъ, рѣшивши допустить грѣхъ Адама и паденіе рода человѣческаго, по причинамъ праведнымъ, но сокровеннымъ, избралъ по Своему милосердію нѣкоторыхъ изъ массы поврежденныхъ для дароваго спасенія ихъ заслугами Иисуса Христа, а по своей правдѣ рѣшилъ наказать другихъ заслуженнымъ ими осужденіемъ. Вотъ почему у схоластиковъ одни только спасаемые назывались *предопредѣленными* (*praedestinati*), а отверженные назывались *предвѣдѣнными* (*praesciti*). Надобно признаться, что нѣкоторые инфраляпсаріи, равно какъ и другіе люди, тоже говорятъ иногда о предопредѣленіи къ осужденію, на примѣръ Фульгенцій и даже святой Августинъ; но ихъ предопредѣленіе имѣетъ тоже значеніе, какъ и опредѣленіе; и бесполезно спорить о словахъ, хотя по этому поводу порицали того Годшалка, который надѣлалъ шуму около половины девятаго столѣтія и который принялъ имя Фульгенція для указанія на то, что онъ подражаетъ этому писателю.

83. Что же касается опредѣленія избранныхъ къ жизни вѣчной, то протестанты, равно какъ и римская церковь очень

его. Дѣло въ томъ, что необходимость условная или безусловная существуетъ только для ограниченныхъ существъ, для Существа же Неограниченнаго самая необходимая Его дѣйствія запечатлѣны характеромъ высочайшей свободы, какъ и самая свободная дѣйствія несутъ на себѣ печать разумной необходимости. Такимъ образомъ неясность различенія двухъ необходимостей условливается перенесеніемъ нашего ограниченнаго тварнаго пониманія въ область высочайшей и разумной свободы. Неясность эта зависитъ уже отъ челоѣкообразныхъ представленій божественныхъ рѣшеній. Въ сущности Кирхманъ соглашается съ этимъ, но замѣчаетъ, что это есть старинное богословское средство примиренія вѣры съ разумомъ, что оно въ виду затрудненій есть лишь простая апелляція къ разуму Высочайшаго Существа и отрицаніе всякихъ научныхъ изслѣдованій и разъясненій въ этой области. Подобными соображеніями легко будто бы освободить себя отъ всѣхъ возраженій противниковъ. Намъ же кажется, что подобныя соображенія вовсе не прекращаютъ самой пытливей, но разумѣется правильной дѣятельности человѣческаго разума; они только требуютъ предпочтенія откровеннаго догмата предъ односторонними выводами и соображеніями человѣческаго разума.

спорять между собою о томъ, существуетъ ли избраніе безусловное, или оно основывается на предвидѣніи окончательной живой вѣры людей. Тѣ, которые называются евангеликами, т. е. держащіеся Аусбургскаго исповѣданія, принадлежатъ къ послѣдней партіи; они думаютъ, что рѣшительно нѣтъ надобности допускать тайныхъ причинъ избранія, когда можно находить причину ясную, указанную въ Свящ. Писаніи и состоящую въ вѣрѣ въ Іисуса Христа; и имъ кажется, что предвидѣніе причины въ тоже время есть причина предвидѣнія и дѣйствія. Тѣ же, которые называются реформатами, держатся другого ученія; они соглашаются, что спасеніе условливается вѣрою въ Іисуса Христа, но замѣчаютъ, что часто причина, предшествующая дѣйствию въ исполненіи, является послѣдующею въ намѣреніи, какъ это бываетъ, когда причина является средствомъ, а дѣйствіе цѣлю. Такимъ образомъ вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: вѣра ли, или спасеніе предшествуетъ въ намѣреніи Божіемъ, т. е. болѣе ли Богъ имѣлъ въ виду спасти человѣка, или сдѣлать его вѣрующимъ?

84. Отсюда ясно, что вопросъ частію между супралапсаріями и инфралапсаріями, и частію между этими послѣдними и евангеликами, сводится къ вѣрному пониманію порядка. существующаго въ опредѣленіяхъ Божіихъ. Быть можетъ, вопросъ этотъ можно было бы рѣшить сразу, сказавши, что при правильномъ пониманіи, всѣ опредѣленія Божіи, о которыхъ идетъ дѣло, суть одновременныя не только въ отношеніи ко времени, съ чѣмъ всѣ согласны, но и *in signo rationis* (въ смыслѣ основательности), или въ порядкѣ природы. Въ самомъ дѣлѣ, формула конкордіи, приведши нѣсколько мѣстъ изъ Августина, въ одномъ и томъ же опредѣленіи разумѣетъ и избраніе ко спасенію и средства, приводящія къ нему. Чтобы показать эту одновременность назначеній или опредѣленій, о которыхъ идетъ дѣло, надобно обратиться къ средству, которымъ я пользовался неоднократно, и которое утверждаетъ, что Богъ, прежде всякаго опредѣленія, разсматривалъ, среди другихъ возможныхъ теченій вещей, и то теченіе, которое Онъ затѣмъ опредѣлилъ, и въ идеѣ котораго было представляемо Богомъ то, какъ прародители согрѣшаютъ, и повредятъ потомство, какъ Іисусъ

Христось искупить родъ человѣческой, какъ нѣкоторые, вспомошествоваемые такою или иною благодатією, достигнуть окончательной вѣры или спасенія, и какъ другіе съ такою или иною благодатією или безъ нея не достигнуть этого, останутся подъ грѣхомъ и будутъ осуждены; что Богъ сообщаетъ свое одобреніе этому теченію вещей, только принявши во вниманіе всѣ его частности, и что такимъ образомъ Онъ ничего не опредѣляетъ о тѣхъ, которые будутъ спасены или осуждены, не взвѣсивши всего и не сопоставивши всего съ другими возможными теченіями. Такимъ образомъ то, что Онъ рѣшаетъ, заразъ касается всего теченія, котораго существованіе Онъ опредѣляетъ. А при этомъ способѣ пониманія вещей, наиболѣе достойномъ Существа самаго мудраго, коего всѣ дѣйствія находятся въ возможно большемъ единеніи, будетъ существовать только одно цѣльное опредѣленіе, состоящее въ созданіи именно этого міра; и это цѣльное опредѣленіе будетъ содержать всѣ частныя опредѣленія, не приведенныя пока въ отношеніи другъ къ другу въ естественный порядокъ; хотя съ другой стороны можно сказать, что каждый частный актъ предшествующей воли, втекающій въ цѣльный результатъ, имѣетъ свою цѣну и свой порядокъ по степени добра, къ которому этотъ актъ склоняетъ. Но эти акты предшествующей воли не называются опредѣленіями, потому что они еще неизмѣнны, такъ какъ ихъ наступленіе зависитъ отъ цѣльнаго результата. А при этомъ способѣ пониманія вещей, всѣ затрудненія, возникающія теперь, сводятся къ затрудненіямъ, которыя были предлагаемы и рѣшаемы, когда мы разсуждали о началѣ зла ¹⁾.

1) Понятія, развиваемыя Лейбницемъ въ §§ 82—84, съ большею подробностію и обстоятельностью излагаются въ богословскихъ системахъ, какъ православныхъ, такъ и инославныхъ. Безъ сомнѣнія, въ этихъ-то системахъ надобно искать и болѣе обширнаго знакомства съ ними. Мы же ограничимся слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ. Когда обращаютъ преимущественное вниманіе на всемогущество Божіе, тогда спасеніе или осужденіе человѣка выводятъ исключительно изъ одного только всемогущаго рѣшенія Бога, что конечно противорѣчитъ нравственному чувству; когда же обращаютъ преимущественное вниманіе на Божественную мудрость и на нравственный характеръ всѣхъ Его дѣйствій, тогда спасеніе или осужденіе людей выводятъ изъ такого или иного образа ихъ жизни; но это уже противорѣчитъ всемогуществу Божію. Лейбницъ, какъ это очевидно, старается согласить

85. Остается еще одно важное изслѣдованіе, имѣющее свои частныя затрудненія: это — распредѣленіе средствъ и обстоятельство, приводящихъ къ спасенію, или къ осужденію: оно, между прочимъ, содержитъ въ себѣ ученіе о благодатной помощи (*de auxiliis gratiae*), о каковомъ предметѣ Римъ (со времени собора *de auxiliis* при Климентѣ VIII, гдѣ этотъ предметъ подвергался спору между доминиканами и иезуитами), не легко допускаетъ обнародованіе сочиненій. Весь міръ согласенъ, что Богъ въ совершенной степени благъ и правосуденъ, что Его благодать сколько возможно менѣе допускаетъ

обѣ эти точки зрѣнія при посредствѣ признаніи въ Богѣ извѣстной связи между Его всемогуществомъ и мудростію. Кирхманъ возражаетъ противъ этого и говорить, что предлагаемое Лейбницемъ примиреніе возможно было бы въ томъ единственно случаѣ, если бы всемогущество и мудрость Божія отнесли другъ къ другу, какъ средство къ цѣли, но этого нѣтъ. Притомъ же, усвоенная всѣмъ Божественнымъ свойствамъ безконечность, исключаетъ или ограничиваетъ одно свойство посредствомъ другаго: мудрость ограничиваетъ всемогущество и полное всемогущество переходитъ за черту мудрости. Такъ-ли это однако? Только люди отрицающіе всякую цѣлесообразность могутъ допускать дѣйствіе слѣпой силы, слѣпаго всемогущества безъ всякой цѣли и опредѣленнаго намѣренія: но тогда надобно уже отказаться отъ признанія всякой разумности и въ Богѣ и въ видимой природѣ. Съ другой стороны, почему нельзя признавать Божественныхъ свойствъ безконечными, если напримѣръ, Богъ свободно ограничиваетъ свое всемогущество мудростію, свою правду милосердіемъ и т. п.? Дѣло въ томъ, что безконечныя свойства Божія, не только по условіямъ сущности Божіей, но и по требованіямъ нравственной природы Его могутъ проявляться во времени и пространствѣ только въ опредѣленномъ видѣ, или ограниченномъ лишь въ Себѣ самомъ Богъ наслаждается жизнью безконечною, безусловною, внѣ формъ пространства и времени.— Гораздо основательнѣе другое замѣчаніе Кирхмана о томъ, что трудно признавать человѣка виновнымъ даже тогда, когда онъ сопротивляется спасающей благодати; такъ какъ его сопротивленіе все же есть слѣдствіе первороднаго грѣха. И особенно трудно это съ точки зрѣнія Лейбница, который видитъ правильную послѣдовательность человѣческихъ поступковъ, обусловленную вліяніемъ сильнѣйшихъ мотивовъ. Конечно полное выясненіе всего этого возможно только на страшномъ судѣ Божіемъ, когда Богъ откроетъ всѣ помысленія и тайны человѣческаго сердца. Но даже и теперь, признавая правильную послѣдовательность человѣческихъ поступковъ, можно допустить виновность осуждаемаго человѣка; потому что Слово Божіе учитъ насъ, что гдѣ умножается грѣхъ, тамъ преизбыточествуетъ благодать, и сила Божія въ человѣческихъ немощахъ совершается. Дѣло въ томъ, что сопротивленіе грѣшника спасающей благодати зависить сколько отъ вліянія первороднаго грѣха, сколько же и даже болѣе отъ *нашего лично* злоупотребленія своею свободою. Поэтому каждый человѣкъ и *лично* отвѣчаетъ за все свое сопротивленіе спасающей благодати; *насилно* же Богъ не спасаетъ никогда.

то, что можетъ приводить людей къ виновности, и сколько возможно болѣе ведетъ къ тому, что служить къ спасенію ихъ, — сколько возможно, говорю я, но за исключеніемъ общаго порядка вещей; что Его правда не позволяетъ Ему осуждать невинныхъ, и оставлять добрыя дѣйствія безъ вознагражденія; и что Онъ даже соблюдаетъ справедливое соотвѣтствіе въ наказаніяхъ и вознагражденіяхъ. Однакоже эта идея, которую надобно имѣть о благодати и правдѣ Божіей, не достаточно ясно сказывается въ томъ, что мы знаемъ о Его дѣйствіяхъ въ отношеніи къ спасенію и осужденію людей; а это и возбуждаетъ затрудненія, касающіяся грѣха и его врачеваній.

86. Первое затрудненіе состоитъ въ томъ, какимъ образомъ душа можетъ быть заражена первороднымъ грѣхомъ, служащимъ корнемъ личныхъ грѣховъ, безъ того, чтобы въ Богѣ, подвергающемъ ее этому, не проявлялась несправедливость. Это затрудненіе даетъ бытіе тремъ мнѣніямъ о происхожденіи самой души: первое изъ этихъ мнѣній состоитъ въ *предсуществованіи человеческихъ душъ* въ другомъ мірѣ, или въ другой жизни, гдѣ онѣ согрѣшили, за что и были осуждены въ эту темницу человѣческаго тѣла; это мнѣніе платониковъ, приписываемое Оригену, имѣетъ и теперь своихъ послѣдователей. Генрихъ Морусъ, англійскій докторъ, нѣчто подобное утверждаетъ въ своей послѣдней книгѣ. Нѣкоторые изъ признающихъ предсуществованіе душъ доходятъ даже до метампсихоза. Ванъ-Гельмонтъ, сынъ, держится этого ученія, и авторъ нѣсколькихъ остроумныхъ метафизическихъ размышленій, изданныхъ въ 1678 году, подъ именемъ Вильгельма Вандера, тоже кажется склоняется къ этому ученію. Второе мнѣніе есть *традукціонизмъ* (переведеніе души), какъ если бы душа дитяти рождалась (*per traducem*) отъ души или отъ душъ тѣхъ, которые рождаютъ тѣло. Св. Августинъ пришелъ къ этому мнѣнію, чтобы лучше сохранить ученіе о первородномъ грѣхѣ. Этого же ученія держится и большая часть богослововъ Аугсбургскаго исповѣданія. Однакоже оно не общеобязательно между ними, потому что университеты Іенскій, Гельмштадскій и другіе уже давно противятся ему. Третье мнѣніе, самое распространенное теперь, состоитъ въ *твореніи*; оно проповѣдуется въ на-

ибольшей части христіанскихъ школъ, но оно встрѣчаетъ всего болѣе затрудненій въ отношеніи къ первородному грѣху.

87. Къ этому спору богослововъ о началѣ человѣческой души присоединяется философскій споръ о *началѣ формъ*. Аристотель и его школа называли формою то, что служитъ началомъ дѣйствія и находится въ томъ, кто дѣйствуетъ. Это внутреннее начало бываетъ или субстанціональное (существенное), называемое *душею*, когда оно находится въ органическомъ тѣлѣ, или *акцидентальное* (случайное), обыкновенно называемое *качествомъ*. Тотъ же философъ усволяетъ душѣ общее названіе энтелехіи или дѣйствія. Слово *энтелехія* очевидно получило свое начало отъ греческаго слова *совершенствоный*, и поэтому то знаменитый Ермолай Барбарусъ буквально переводитъ его по-латыни *perfecti habia* (обладаніе совершеніемъ), потому что дѣйствіе есть совершеніе силы: и онъ вовсе не имѣлъ надобности совѣтоваться съ діаволомъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, когда уразумѣлъ лишь это въ отношеніи къ этому слову. Итакъ стагирскій философъ признаетъ два рода дѣятельности, дѣятельность пребывающую и дѣятельность слѣдующую одну за другою. *Дѣятельность пребывающая* или продолжающаяся есть не что иное, какъ форма субстанціональная или акцидентальная: форма субстанціональная (какъ на примѣръ душа) есть совершенно пребывающая, по крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію, а акцидентальная есть временно продолжающаяся. Но дѣятельность всецѣло кратковременная, природа которой преходяща, состоитъ въ *самомъ* дѣйствіи. Въ иномъ мѣстѣ я показалъ, что понятіемъ энтелехіи не должно всецѣло пренебрегать, и что если оно останется, то будетъ выражать собою не только простую возможность (*faculté*) дѣйствованія, но также и то, что называютъ силою, напряженіемъ, попыткою (*force, effort, conatus*), которыхъ самое дѣйствіе должно послѣдовать, когда ничто не воспрепятствуетъ этому. Возможность есть только *качество*, или нѣкоторое состояніе: напротивъ того сила, когда она не есть составная часть самой субстанціи (т. е. есть сила не *первоначальная*, а *выводная*), есть качество отличное и отдѣлимое отъ субстанціи. Я показалъ также, какъ можно понимать то, что душа есть

сила первоначальная, видоизмѣняемая и разнообразимая силами выводными или качествами, и какъ она проявляется въ отдѣльныхъ случаяхъ ¹⁾.

88. Итакъ философы очень затрудняются вопросомъ о началѣ субстанціональныхъ формъ. Ибо сказать, что (все) сложное состоитъ (*est product*) изъ формы и матеріи, и что форма есть только *совозникновеніе* (*comproduite*) сложнаго, это значитъ ничего не сказать. По общепринятому мнѣнію, формы извлекаются изъ силъ матеріи, что называютъ *эдукціею* (выведеніемъ); хотя на самомъ дѣлѣ этимъ ничего не говорятъ, но нѣкоторымъ образомъ стараются прояснить это посредствомъ сравненія фигуръ; ибо статуя возникаетъ только тогда, когда удаляютъ излишній мраморъ. Это сравненіе могло бы имѣть мѣсто, если бы форма состояла въ простомъ ограниченіи, подобно фигурѣ. Нѣкоторые думали, что формы посылаются небомъ, и даже создаются послѣ того, какъ возникаютъ тѣла. Юлій Скалигеръ проводитъ мысль, что можетъ быть формы извлекаются скорѣе изъ активной силы дѣйствующей причины (т. е. или отъ Бога въ случаѣ творенія, или отъ другихъ формъ

1) Съ § 87 Лейбницъ начинаетъ, какъ справедливо замѣчаетъ Кирхманъ, стороннее для своей главной темы изслѣдованіе о субстанціальныхъ формахъ, подъ которыми онъ разумѣетъ самостоятельно-существующіе, дѣйствующіе и подпадающіе нашимъ ощущеніямъ предметы. Наименованіе стагирскаго философа принадлежитъ Аристотелю, который называется этимъ именемъ потому, что былъ рожденъ въ Стагирѣ, небольшомъ городкѣ во Фракіи. Что же касается самаго ученія, излагаемаго Лейбницемъ подъ видомъ аристотелевскаго, то оно, какъ замѣчаетъ Кирхманъ, не вполне принадлежитъ Аристотелю, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ его излагаетъ Лейбницъ. Аристотель въ своей физикѣ и метафизикѣ различалъ четыре рода причинъ (*αἰτίαι*): 1) матеріальную или матерію (*ἄλη, causa materialis*); 2) формальную, или форму (*εἶδος, causa formalis*); 3) дѣйствующую (*αἰτία ἐξ οὐ, causa efficiens*) и 4) конечную, достигающую опредѣленной цѣли (*οὐ ἐνεκα, causa finalis*). Первые двѣ причины въ наши времена не признаются уже причинами. Аристотель же въ своей метафизикѣ признавалъ формы единственно дѣйствительно существующими, подъ которыми онъ разумѣлъ свою вторую причину, а вмѣстѣ съ нею и всѣ тѣ постоянныя формы, которыя своимъ воплощеніемъ въ матеріи производятъ изъ нея дѣйствительные предметы. Въ особенности Аристотель причисляетъ къ ней роды, виды и подвиды растений, животных и людей. Въ отношеніи къ этимъ формамъ матерія, *ἄλη*, обладаетъ только возможностью стать тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ предметомъ, но становится дѣйствительнымъ предметомъ только при посредствѣ воплощенія въ матеріи такой или иной формы. Въ себѣ же самой матерія составляетъ только необходимую состав-

въ случаѣ рожденія), чѣмъ изъ пассивной силы матеріи; но это есть возвращеніе къ традукціонизму, когда дѣло идетъ о рожденіи. Даніиль Сеннертъ, знаменитый физикъ и медикъ въ Виттембергѣ, разрабатывалъ это ученіе, преимущественно въ отношеніи къ одушевленнымъ тѣламъ, размножающимся посредствомъ сѣмянъ. Извѣстный Юлій Цезарь делла Галла, итальянецъ, жившій въ Недерландахъ, и одинъ медикъ въ Грюнингѣ, по имени Іоаннъ Фрейтагъ, очень сильно писали противъ него; между тѣмъ какъ Іоаннъ Шперлингъ, профессоръ въ Виртембергѣ, защищалъ своего учителя, за что наконецъ подвергся нападкамъ со стороны Іоанна Цейзольда, профессора въ Іенѣ, который защищалъ твореніе человѣческой души.

89. Но провозженіе (*traductio*), равно какъ и изведеніе (*eductio*) (душъ) одинаково непонятны, когда дѣло идетъ объ опредѣленіи начала души. Не то надобно сказать о случайныхъ формахъ, потому что онѣ суть только видоизмѣненіе субстанціи, и ихъ начало можетъ быть объяснено изведеніемъ, т. е. измѣненіемъ ограниченій, совершенно также какъ объясняется

ную часть предмета. Какъ простую противоположность въ отношеніи къ матеріи, которая только обладаетъ возможностью стать предметомъ (*κατα δυναμιν*), Аристотель называетъ форму дѣйствительностію по бытію (*κατ' ἐνεργειαν ὄν*), а также силою и энтелехію (*ἐνεργεια* и *ἐντελεχεια*). По нему, человѣческая душа есть подобная же сила или энтелехія; посредствомъ образованія и формированія тѣла, она возвышаетъ грубую матерію до органическаго тѣла, поддерживаетъ его и сообщаетъ ему движеніе; такъ что Аристотель подъ душею разумѣетъ не только мыслящее, чувствующее и волящее существо, но и то, что образуетъ и формируетъ матерію, и что позже стали называть жизненною силою. Эти-то основныя понятія Аристотелевой философіи были усвоены впоследствии схоластиками и разнообразно видоизмѣнены ими для примѣненія ихъ къ церковному ученію; такъ что и Лейбницъ излагаетъ здѣсь не подлинное ученіе Аристотеля, а лишь существовавшее у схоластиковъ. Но это еще яснѣе открывается намъ изъ слѣдующихъ §§. Кирхманъ замѣчаетъ при этомъ, что Лейбницъ касается въ этихъ §§ такихъ частныхъ вопросовъ, которые имѣютъ очень малое отношеніе къ предмету «Теодицеи» и объясняетъ всѣ эти уклоненія Лейбница въ частности и подробности его громадною памятію, вѣнчанностію и отсутствіемъ въ его времена требованій строгой послѣдовательности въ изложеніи предмета. Съ этимъ можно согласиться; но рѣшительно невѣрно то, чтобы всѣ эти частности и подробности въ наше время потеряли всякое научное значеніе, и что будто-бы современная наука можетъ сказать объ этихъ предметахъ нѣчто болѣе твердое, опредѣленное и установившееся.

начало фигуръ. Но совершенно другое дѣло, когда дѣло идетъ о происхожденіи субстанціи, которой возникновеніе и уничтоженіе равно трудны для объясненія. Сеннертъ и Шперлингъ не осмѣлились допустить субстанціональности и неразрушимости душъ животныхъ или другихъ первоначальныхъ формъ, хотя оба они признавали ихъ недѣлимыми и нематеріальными. Но это потому, что они смѣшивали неразрушимость съ бессмертіемъ, подъ которымъ въ человѣкѣ разумѣютъ не только то, что душа будетъ пребывать, но и то, что будетъ сохраняться личность; т. е. когда говорятъ, что душа человѣческая бессмертна, то допускаютъ продолженіе существованія того, что условливаетъ эту личность и что сохраняетъ нравственные качества, по скольку личность имѣетъ совѣсть и внутреннее рефлексивное чувство того, какова ея душа. А это и дѣлаетъ ее способною къ наказанію или къ вознагражденію. Но этому сохраненію личности рѣшительно нѣтъ мѣста въ душѣ животныхъ; вотъ почему я охотнѣе называю ихъ неуничтожими, а не бессмертными. Однакоже это непониманіе, повидимому, было причиною большой непослѣдовательности въ ученіи томистовъ и другихъ хорошихъ философовъ, которые признавали нематеріальность или недѣлимость всѣхъ душъ, не желая однакоже признать въ нихъ уничтожаемости, къ великому вреду для бессмертія человѣческой души. Іоаннъ Скоттъ, т. е. шотландецъ (котораго прежде называли иберійцемъ или «рожденнымъ въ Ирландіи»), знаменитый писатель Людовика Благочестиваго и его сына, стоялъ за сохраненіе всѣхъ душъ; и я не вижу, почему менѣе неудобно признать продолженіе бытія атомовъ Эпикура или Гассанди, чѣмъ допустить существованіе всѣхъ субстанцій дѣйствительно простыхъ и недѣлимыхъ, которые только одни и суть истинные атомы природы. Пифагоръ справедливо могъ сказать у Овидія въ общемъ смыслѣ:

Morte carent animae (души лишены смерти).

90. Такъ какъ я люблю твердыя положенія, сколько можно менѣе допускающія исключенія: то вотъ положеніе, которое, какъ мнѣ кажется, во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе состоятельно въ этомъ важномъ вопросѣ. Я думаю, что души и во-

обще простыя субстанціи могутъ возникать только посредствомъ творенія, и прекращаться только посредствомъ уничтоженія: и такъ какъ образованіе органическихъ одушевленныхъ тѣлъ можетъ быть изъяснено въ порядкѣ природы только при допущеніи органическаго *предобразованія* (*préformation*), то отсюда я заключаю, что то, что мы называемъ рожденіемъ животнаго, есть только преобразованіе или умноженіе, поелику это тѣло было уже одушевлено и имѣло ту же душу. И обратно. то же заключаю я изъ сохраненія души, что коль скоро разъ она сотворена, то вмѣстѣ съ этимъ сохраняется и животное, и что видимая смерть есть только закрытіе; такъ какъ въ порядкѣ природы, повидимому, нѣтъ душъ совершенно отдѣльныхъ отъ всякихъ тѣлъ, и все, что ни возникаетъ естественнымъ образомъ, не можетъ быть прекращено силами природы ¹⁾.

91. Установивши столь прекрасный порядокъ и столь все-

1) Начиная съ § 90 Лейбницъ развиваетъ свое ученіе о началѣ души. Это ученіе согласовано имъ съ религіозными понятіями, и въ особенности согласовано оно съ творческимъ всемогуществомъ Божиимъ, общимъ происхожденіемъ всѣхъ отъ Адама, первороднымъ грѣхомъ и другими догматами; а потому, какъ справедливо замѣчаетъ Кархманъ, ученіе это не можетъ быть названо философскимъ въ строгомъ смыслѣ. Въ особенности допускаемая Лейбницемъ противоположность между душою и тѣломъ не легко можетъ быть примирена съ его монадологіею. По монадологіи пространство не есть нѣчто дѣйствительно существующее, а есть только порядокъ предметовъ, форма ихъ соотношенія. Все существующее въ мірѣ безтѣлесно, безпространственно и состоитъ изъ монадъ, или единицъ силъ, изъ коихъ каждая не имѣетъ никакого вліянія на другую и ведетъ замкнутую жизнь въ себѣ самой; такъ что только предустановленная гармонія производитъ единство между разнообразными представленіями или движеніями этихъ монадъ. Такимъ образомъ по монадологіи нѣтъ тѣлъ въ обыкновенномъ смыслѣ, хотя Куно Фишеръ въ своей «Исторіи новой философіи» употребилъ много тщетныхъ усилій доказать, будто изъ монадологіи можетъ быть выведено ученіе о тѣлахъ. По несомнѣнному же ученію Лейбница, всѣ органическія тѣла состоятъ только изъ собранія монадъ, обладающихъ наиболѣе темными, смутными и смѣшанными представленіями, надъ которыми монада души, вслѣдствіе своихъ болѣе ясныхъ представленій, сохраняетъ господствующее положеніе. Здѣсь же Лейбницъ въ нѣкоторомъ отношеніи предлагаетъ другое ученіе, по которому души всѣхъ людей въ самомъ началѣ творенія уже были соединены съ тѣлами Адама и Евы и уже тогда обладали своими собственными органическими тѣлами, что, повидимому, съ трудомъ можетъ быть примирено съ его монадологіею или съ прежнимъ ученіемъ о происхожденіи тѣлъ.

общія правила въ отношеніи къ животнымъ, не кажется разумнымъ, чтобы человѣкъ всецѣло былъ изъятъ изъ этого порядка и этихъ правилъ, и чтобы въ немъ все совершалось при посредствѣ чуда въ отношеніи къ его душѣ. И я неоднократно замѣчалъ, что свойство мудрости Божественной состоитъ въ томъ, чтобы все было гармонично въ дѣлахъ Божіихъ, и чтобы природа находилась въ соотвѣтствіи съ благодатію. Такимъ образомъ, я полагалъ бы, что души, которыя нѣкогда станутъ человѣческими душами и душами другихъ существъ, существовали въ сѣмени и въ предкахъ до самаго Адама, и слѣдовательно существовали съ самаго начала вещей, всегда подъ образомъ организованныхъ тѣлъ; и въ этомъ отношеніи Шваммердамъ, Малекраншъ, Бель, Питкорнъ, Гартзеръ и множество другихъ очень образованныхъ людей, кажется, раздѣляютъ мое мнѣніе. Это же ученіе достаточно подтверждается микроскопическими наблюденіями Ленвенгека и другихъ хорошихъ естествоиспытателей. Но мнѣ кажется болѣе удобнымъ по многимъ причинамъ думать, что онѣ существовали тогда какъ ощущающія или животныя души, одаренныя воспріятіями и ощущеніями, но лишеныя разума, и что онѣ, до рожденія человѣка, которому онѣ должны принадлежать, остаются лишь въ подобномъ состояніи, и только послѣ рожденія пріобрѣтаютъ разумъ, помощію ли естественнаго средства, возвышающаго чувствующую душу на степень души разумной (что я съ трудомъ допускаю), или уже самъ Богъ сообщаетъ разумъ этой душѣ посредствомъ частнаго дѣйствія, или, если угодно, посредствомъ нѣкотораго рода дополнительнаго творенія (transcreation). Это тѣмъ болѣе легко допустить, что откровеніе учитъ о многихъ другихъ непосредственныхъ дѣйствіяхъ Божіихъ на наши души. Это объясненіе рѣшаетъ кажется затрудненія, возникающія при этомъ случаѣ въ философіи, или въ богословіи; потому что затрудненіе относительно начала формъ совершенно устраняется; и потому что кажется болѣе сообразнымъ съ правдою Божіею сообщать душѣ, уже поврежденной физически или душевнымъ образомъ грѣхомъ Адама, новое совершенство, состоящее въ разумѣ, — чѣмъ посредствомъ творенія или инымъ какимъ либо образомъ посылать разумную

душу въ тѣло, гдѣ она должна сдѣлаться поврежденною нравственно.

92. Разъ допустивши, что душа обрѣтается подъ властію грѣха и пріобрѣтаетъ склонность совершить его на дѣлѣ тотчасъ, какъ только человѣкъ будетъ въ состояніи пользоваться своимъ разумомъ; тогда возникаетъ слѣдующій вопросъ: достаточно ли этого расположенія человѣка. не возрожденнаго благодатію, для его осужденія, хотя бы онъ никогда не совершалъ дѣйствительнаго грѣха, какъ это можетъ случиться и часто случается или потому, что человѣкъ этотъ умираетъ прежде сознательнаго возраста, или бываетъ несмысленнымъ до пользованія своимъ разумомъ. Думаютъ, что св. Григорій Назіанзинъ отвергаетъ это (*Orat. de baptismo*); но св. Августинъ утверждаетъ и думаетъ, что одного первороднаго грѣха достаточно для наказанія адскимъ пламенемъ, хотя это мнѣніе очень жестко, чтобы не сказать большаго. Когда я говорю здѣсь объ осужденіи и адѣ, то я разумѣю страданія, а не простое лишеніе верховнаго блаженства; я разумѣю *roepash sensus, non dampni* (чувственное наказаніе, а не наказаніе лишенія). Григорій де Римини, августинскій генераль, слѣдовалъ ученію св. Августина, вопреки мнѣнію распространенному въ школахъ его времени, и за это названъ былъ палачемъ дѣтей, *tortor infantum*. Схоластики, вмѣсто того, чтобы отсылать ихъ въ адскій пламень, номѣщаютъ ихъ въ особомъ мѣстѣ, гдѣ они страдаютъ и терпятъ наказаніе, состоящее только въ лишеніи божественнаго созерцанія. Откровенія святой Бригитты (какъ ихъ называютъ), очень уважаемая въ Римѣ, тоже стоятъ на сторонѣ этого (римскаго) догмата. Сальмеронъ и Молина, вслѣдъ за Амвросіемъ Катариною и другими, усвояютъ имъ нѣкоторое естественное блаженство; а кардиналь Сфондратъ, человѣкъ ученый и благочестивый, пришелъ даже въ нѣкоторомъ отношеніи къ предпочтенію ихъ состоянія, — состоянія счастливой невинности, — состоянію спасаемаго грѣшника, какъ это видно изъ его *Nodus praedestinationis solutus* (*Разрѣшенный узелъ предопредѣленія*). Но, кажется, это уже слишкомъ. Справедливо, что (благодатію) просвѣщенная, какъ слѣдуетъ, душа не можетъ грѣшить, хотя бы посредствомъ грѣха она

могла пріобрѣсть всѣ воображаемыя удовольствія; но случай выбора между грѣхомъ и дѣйствительнымъ блаженствомъ есть случай химерическій, и лучше стяжать блаженство (хотя бы и послѣ покаянія), чѣмъ навсегда остаться лишеннымъ его.

93. Многие же французскіе прелаты и богословы охотно удаляются отъ Молины и присоединяются къ св. Августину, склоняясь, повидимому, къ мнѣнію этого великаго учителя, который осуждаетъ на вѣчный огонь дѣтей, умершихъ въ состояніи невинности, прежде полученія ими крещенія. Это открывается изъ упомянутаго выше письма пяти выдающихся французскихъ прелатовъ, писавшихъ къ папѣ Иннокентію XII противъ этой посмертной книги кардинала Сфондрата. Но они не осмѣлились осудить въ ней ученіе о чисто отрицательномъ наказаніи дѣтей умершихъ безъ крещенія, признавая это ученіе одобреннымъ уважаемымъ Томою Аквинскимъ и другими великими людьми. Я ничего не говорю о тѣхъ, которые съ одной стороны называются янсенистами, а съ другой стороны, учениками св. Августина, потому что они всецѣло и сильнѣйшимъ образомъ присоединяются къ ученію этого отца ¹⁾. Но надобно сознаться, что это ученіе не имѣетъ достаточнаго основанія ни въ разумѣ, ни въ Писаніи, и что оно отличается самою непріятною жестокостію. Николь довольно плохо оправдываетъ его въ своей книгѣ о «Единствѣ церкви», направленной противъ Жюрье, хотя Бэль принимаетъ его сторону

¹⁾ Лудвигъ Молина, нидерландскій іезуитъ, живъ въ концѣ XVI столѣтія. По его ученію, человекъ, не смотря на прародительское грѣхопаденіе, настолько сохранилъ свободу воли, что при благодатной помощи легко можетъ совершить свое спасеніе; такъ что спасеніе человека является дѣломъ болѣе личныхъ силъ его, нежели дѣйствіемъ божественной благодати. Ученіе Молины благопріятно было принято въ римской церкви; но оно противоположно было янсенизму, основателемъ котораго въ XVI столѣтіи былъ Кипрскій епископъ Корпелій Янсень. Послѣдній училъ, что человекъ, вслѣдствіе прародительскаго грѣхопаденія, совершенно лишился свободной воли; а потому спасеніе его исключительно есть дѣло благодати Божіей. Сочиненіе Янсена подъ названіемъ «Августиновъ», въ которомъ онъ доказывалъ тождество своихъ воззрѣній съ ученіемъ блаженнаго Августина, появилось уже послѣ смерти его въ 1640 году, и въ слѣдующемъ году было запрещено папою Урбаномъ VIII; но борьба въ западной церкви между послѣдователями Янсена и Молины, извѣстными въ исторіи подъ именемъ ясенистовъ и молинистовъ, продолжалась до самой французской революціи.

(гл. 178 отвѣта на вопросы провинціала, т. 3). Николь оправдываетъ это ученіе тѣмъ, что существуютъ еще и другіе догматы въ христіанской религіи, представляющіеся жесткими. Но кромѣ того, что не слѣдуетъ бездоказательно умножать подобные догматы, надобно принять во вниманіе, что приводимые Николемъ эти другіе догматы, каковы первородный грѣхъ и вѣчность мученій, представляются строгими и несправедливыми только по видимости, между тѣмъ какъ осужденіе дѣтей безъ ихъ личнаго грѣха и безъ возрожденія является на самомъ дѣлѣ такимъ, т. е. является на самомъ дѣлѣ осужденіемъ невинныхъ. А это побуждаетъ меня думать, что партія, придерживающаяся этого ученія, никогда не достигнетъ преобладанія, даже въ церкви римской. Богословы евангелическіе очень умѣренно рассуждаютъ объ этомъ предметѣ, и предоставляютъ эти души суду и милосердію ихъ Создателя. Да мы не знаемъ всѣхъ чрезвычайныхъ путей, которыми Богъ можетъ воспользоваться для просвѣщенія этихъ душъ.

94. Можно сказать, что люди, склоняющіеся къ осужденію за одинъ первородный грѣхъ и слѣдовательно, осуждающіе дѣтей умершихъ безъ крещенія и внѣ союза со Христомъ, преувеличиваютъ не задумываясь обычное людямъ (грѣховное) расположеніе и усвояютъ себѣ божественное всевѣдѣніе, что они порицаютъ при другихъ случаяхъ. Они не хотятъ, чтобы Богъ отказывалъ въ своей благодати тѣмъ, сопротивленіе которыхъ этой благодати Онъ предвидитъ, не хотятъ также чтобы это предвѣдѣніе и одно лишь (грѣховное) расположеніе ихъ были причиною осужденія этихъ личностей; и однакоже они утверждаютъ, что расположеніе, вызываемое первороднымъ грѣхомъ, вслѣдствіе котораго Богъ предвидитъ, что дитя тотчасъ согрѣшитъ, когда достигнетъ сознательнаго возраста, достаточно для предварительнаго осужденія этого дитяти. Тѣ, которые утверждаютъ одно и отвергаютъ другое, не сохраняютъ въ достаточной мѣрѣ единообразія и связи въ своихъ догматахъ.

95. Не меньшее затрудненіе существуетъ и относительно тѣхъ, которые достигаютъ сознательнаго возраста и погружаются въ грѣхъ, слѣдуя склоненію испорченной природы, коль

скоро они не получаютъ необходимой благодатной помощи для прекращенія вліянія склоняющаго ихъ начала, или для извлеченія ихъ изъ бездны, въ которую они упали. Ибо представляется жестокимъ подвергать вѣчному осужденію за поступки, отъ совершенія которыхъ люди не могутъ воздержаться. Тѣ, которые осуждаютъ даже безсознательныхъ дѣтей на погибель, еще менѣе колеблются въ отношеніи къ взрослымъ, и можно сказать, что они сами ожесточаются подъ вліяніемъ мысли созерцать страданія людей. Но не такъ думаютъ объ этомъ другіе писатели, и я очень склоняюсь на сторону тѣхъ, которые допускаютъ въ отношеніи ко всѣмъ людямъ достаточную благодать для извлеченія ихъ изъ зла, по скольку они желаютъ воспользоваться ею и не отвергать ее добровольно. Возражаютъ, что было и теперь есть безчисленное множество людей среди цивилизованныхъ народовъ и среди варваровъ, которые никогда не имѣли того познанія о Богѣ и объ Иисусѣ Христѣ, которое необходимо для приобрѣтенія спасенія путями обыкновенными. Но не оправдывая осуждаемыхъ подъ предлогомъ ихъ грѣха часто философскаго характера и не подвергая ихъ простому отрицательному наказанію, о какомъ предметѣ не мѣсто теперь разсуждать, здѣсь можно усумниться, въ самомъ фактѣ осужденія; ибо какъ знать, не получаютъ ли они обыкновенной или необыкновенной помощи, намъ неизвѣстной? Слѣдующее положеніе: *Quod facienti quod in se est, non denegatur gratia necessaria* (кто дѣлаетъ то, что существуетъ въ его природѣ, тому не отказывается въ необходимой благодати) для меня содержитъ вѣчную истину. Тома Аквинать, архіепископъ Бравардинъ и другіе предполагаютъ, что при этомъ совершается нѣчто такое, чего мы не знаемъ ¹⁾. (*Thom. quaest. 14. de Veritate, artic. 11, ad 1* и

¹⁾ Кирхманъ упрекаетъ Лейбница за то, что онъ прибѣгаетъ къ помощи чловѣческаго невѣдѣнія основаній такой или иной дѣятельности Божіей, какъ къ послѣднему средству для доказательства того, что между вѣрою и разумомъ нѣтъ противорѣчія. Но однакоже заслуживаетъ ли Лейбницъ упрековъ въ этомъ отношеніи? Невѣдомое намъ, или непонятное, не есть еще противорѣчащее разуму; эта истина подтверждается и системами логики, и извѣстна каждому изъ его собственнаго опыта. Даже тогда, когда религіозная истина, повидямому, противорѣ-

въ другихъ мѣстахъ, Бравардинъ *de causa Dei non prosit ab initio*). И многіе очень авторитетные богословы, даже въ церкви римской, учили, что актъ искренней любви Божіей во всѣхъ отношеніяхъ достаточенъ для спасенія, когда благодать Иисуса Христа возбуждаетъ его. Отецъ Францискъ Ксавье отвѣчалъ японцамъ, что если бы ихъ предки хорошо воспользовались своимъ естественнымъ свѣтомъ, то Богъ сообщилъ бы имъ необходимую благодать для спасенія; а Женевскій епископъ, Францискъ де-Саль, очень одобряетъ этотъ отвѣтъ (кн. 4 о любви Божіей гл. 5).

96. Это нѣкогда я возразилъ превосходному Пелиссону и показалъ ему, что римская церковь въ этомъ отношеніи идетъ далѣе, чѣмъ протестанты. Она не осуждаетъ безусловно тѣхъ, которые находятся внѣ ея общенія и даже внѣ христіанства и не мѣряетъ ихъ одною только ихъ раскрытою вѣрою. И собственно говоря Пелиссонъ не опровергъ этого въ своемъ очень обязательномъ отвѣтѣ мнѣ, приложенномъ къ четвертой части его «Размышлений», въ которыхъ онъ сдѣлалъ мнѣ честь, присоединивши къ нимъ мое сочиненіе. Тогда я предложилъ его вниманію то, что славный португальскій богословъ, по имени, Іаковъ Пайва Андрадіусъ, посланный на Тридентскій соборъ, писалъ во время самаго собора противъ Хемница. А теперь, не указывая на многихъ другихъ писателей, я признаю достаточнымъ назвать отца Фридерика Шлеэ, іезуита, одного изъ превосходнѣйшихъ людей въ своемъ обществѣ, который тоже держался этого общаго ученія о дѣйствительности Божественной благодати, какъ это открывается изъ предисловія прекрасной книги, написанной имъ на нѣмецкомъ языкѣ о христіанскихъ добродѣтеляхъ. Онъ говоритъ объ этомъ ученіи, какъ о весьма важной тайнѣ благочестія и очень опредѣлен-

чить наличному или общераспространенному кругу нашихъ понятій, еще нельзя сказать, чтобы существующій кругъ понятій долженъ остаться навсегда неизмѣннымъ и чтобы такимъ образомъ не допускалъ въ будущемъ дальнѣйшаго развитія, видоизмѣненія и слѣдовательно, примиренія съ религіозною истинною. *Errare humanum est*; между тѣмъ какъ достоверность религіозныхъ истинъ зиждется на божественномъ авторитетѣ. Надобно только умѣть различать несомнѣнно божественную истину отъ человѣческихъ гаданій о ней.

но распространяется о силѣ божественной любви въ дѣлѣ изглажденія грѣха даже безъ содѣйствія таинствъ католической церкви, если только не отвергаютъ ихъ, что было бы не согласно съ этою любовью. И одна весьма высокая личность, съ характеромъ самымъ возвышеннымъ, какой только можно находить въ церкви римской, сообщила мнѣ первыя свѣдѣнія объ этомъ. Отецъ Шпеэ происходитъ изъ благородной фамиліи Вестфальской (говоря мимоходомъ) и умеръ въ благоуханіи святости, по свидѣтельству того, кто издалъ эту книгу въ Кельнѣ съ одобренія высшихъ властей ¹⁾.

97. Память этого превосходнаго человѣка должна быть дорога людямъ науки и здраваго смысла, потому что онъ былъ авторомъ книги подъ названіемъ: *Cautio criminalis circa processus contra sagas* (Криминальное предостереженіе при процессахъ противъ колдуновъ), которая произвела много шума и была переведена на многіе языки. Я узналъ отъ курфюрста Мюнцскаго, Іоанна Филиппа Шёнборнъ, дяди настоящаго архіепископа, который достопамятно слѣдуетъ по стопамъ этого достойнаго предшественника, — я узналъ, что этотъ отецъ находился въ Франконіи, когда тамъ съ яростію сожигали всѣхъ мнимыхъ колдуновъ; онъ многихъ изъ нихъ сопровождалъ къ костру и, при своей исповѣди и испытаніи ихъ признавши ихъ невинными, до такой степени былъ пораженъ этимъ, что, не смотря на существовавшую тогда опасность высказать истину, онъ рѣшился написать свое сочиненіе (не называя себя однакоже), надѣлавшее много шума и обратившее на это обстоятельство вниманіе курфюрста, тогда еще простаго каноника, затѣмъ епископа Вюрцбургскаго, а наконецъ архіепис-

¹⁾ Соображенія, высказанныя Лейбницемъ въ §§ 95 и 96, заимствованы имъ у схоластиковъ и суть лишь гаданія или предположенія, ни на чемъ не основанныя. Поэтому св. Церковь наша учитъ насъ, что о *отличныхъ*, т. е. о людяхъ не принадлежащихъ къ Церкви *судить Богъ*. Ему одному принадлежатъ праведный судъ о нихъ. Она хотя учитъ насъ, что *нѣтъ иного имени подъ небесемъ* (кромя имени Іисуса), *о Немъ же подобаетъ спасенію челоукомъ* (Дѣян. 4, 12); но въ то же время говоритъ, что *во всякомъ народѣ болящійся Богу и поступающій по правдѣ пріятенъ Ему есть* (Дѣян. 10, 35). Нельзя логическими соображеніями разгадывать тайны неба.

скопа Майнцскаго. Въ самомъ началѣ своего управленія онъ запретилъ всѣ эти сожиганія, и въ этомъ ему подражалъ герцогъ Брауншвейгскій, а позже многіе князья и государства германскія.

98. Изложенное отступленіе отъ предмета мнѣ казалось у мѣста. потому что этотъ писатель заслуживаетъ быть болѣе извѣстнымъ: но я возвращаюсь къ своему предмету и присоединяю къ нему, что предложивши даже, что познаніе Іисуса Христа во плоти пришедшаго, теперь необходимо для нашего спасенія, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ оно есть наилучшее средство для наученія. можно сказать, что Богъ даруетъ его всѣмъ, которые дѣлаютъ все зависящее отъ нихъ по человѣчеству, хотя бы этого надобно было достигать посредствомъ чуда. И можемъ ли мы знать, что дѣлается съ душою съ приближеніемъ смерти? Если даже многіе ученые и знаменитые богословы настаиваютъ на томъ, что дѣти посредствомъ крещенія принимаютъ нѣкоторый родъ вѣры. хотя позже. когда ихъ спрашиваютъ объ этомъ. они и не помнятъ этого: то почему сообразно съ этимъ нельзя утверждать, что нѣчто подобное же, и даже болѣе опредѣленное, не можетъ совершаться съ умирающими, о чемъ мы послѣ смерти ихъ уже не можемъ спрашивать у нихъ? У Бога существуетъ безчисленное множество открытыхъ путей, дающихъ Ему возможность удовлетворять своей благодати. И всѣ возраженія въ этомъ отношеніи сводятся лишь къ тому, что мы не знаемъ, какими путями Онъ пользуется для этого; но подобныя возраженія не имѣютъ уже никакой силы.

99. Но переходимъ къ тѣмъ людямъ, у которыхъ не остается не силы къ исправленію себя, но добраго желанія. Безъ сомнѣнія, они не извинимы; но всегда остается большое затрудненіе въ отношеніи къ Богу; потому что отъ Него зависитъ сообщить имъ самую эту добрую волю. Онъ есть владыка волей; сердца какъ царей, такъ и всѣхъ остальныхъ людей находятся въ его рукѣ. Св. Писаніе говоритъ даже, что Онъ ожесточаетъ иногда злыхъ людей для проявленія своего могущества въ наказаніи ихъ. Это ожесточеніе не должно быть понимаемо, какъ будто бы Богъ чрезвычайнымъ образомъ со-

общаетъ имъ нѣкоторый родъ антиблагодати, т. е. сообщаетъ имъ отверженіе добра или даже склоненіе ко злу, подобно тому, какъ благодать производитъ склоненіе къ добру. Но оно должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что Богъ, соображая ходъ дѣлъ, устанавливаемыхъ имъ, находитъ благовременнымъ, по высшимъ причинамъ, допустить, напримѣръ, Фараону, очутиться въ обстоятельствахъ, увеличивающихъ его злобу; и что божественная мудрость извлекаетъ добро и изъ этого зла.

100. Такимъ образомъ часто все сводится къ обстоятельствамъ, составляющимъ собою часть связи вещей. Есть безчисленное множество примѣровъ среди незначительныхъ обстоятельствъ, которые приводятъ людей или къ обращенію, или къ развращенію. Ничто столько не извѣстно, какъ *Tolle lege* (Возьми и читай), которое св. Августинъ слышалъ произнесеннымъ въ сосѣднемъ домѣ громко, когда онъ размышлялъ, къ какой долженъ примкнуть партіи христіанъ, раздѣленныхъ на секты, и спрашивалъ себя: *Quod vitae sectabor iter* (какимъ путемъ жизни я долженъ идти?) Это заставило его случайно раскрыть книгу Св. Писанія, которую онъ прежде читалъ, и прочиталъ тамъ то, что бросилось въ глаза; и это были слова, которыя окончательно заставили его оставить манихизмъ. Добрый господинъ Стенонисъ, датчанинъ, титулярный епископъ Татьянополиса, апостолическій викарій (какъ говорятъ) Ганновера и окружныхъ мѣстъ, во времена, когда царствующій герцогъ принадлежалъ еще къ римской религіи, рассказывалъ намъ, что съ нимъ случилось нѣчто подобное. Онъ былъ великимъ анатомомъ и очень свѣдующимъ въ познаніи природы; но къ несчастію оставивши естественнаучныя изслѣдованія, изъ великаго физика сталъ посредственнымъ богословомъ. Онъ почти не хотѣлъ болѣе ничего слышать о чудесахъ природы, и понадобилось особенное приказаніе папы *in virtute sanctae obedientiae* (въ силу святаго повиновенія), чтобы получить отъ него наблюденія, которыхъ домогался отъ него г. Тевено. Итакъ онъ рассказывалъ мнѣ, что его очень побудило рѣшиться перейти на сторону римской церкви то, что онъ слышалъ во Флоренціи голосъ одной дамы, которая крикнула ему въ окно: «господинъ, не идите въ ту сторону,

въ которую вы хотите идти; идите въ другую сторону». Этотъ голосъ поразилъ меня (говорилъ онъ мнѣ), потому что я тогда погруженъ былъ въ размышленіе о религіи. Дама же эта знала лишь то, что онъ искалъ человѣка въ домѣ, въ которомъ послѣдній жилъ, и видя, что онъ идетъ не въ ту сторону, хотѣла показать ему мѣсто жилища его друга.

101. Отецъ Іоаннъ Давидіусъ, іезуитъ, написалъ книгу подъ названіемъ: *Veredicus christianus* (правдорѣчивый христіанинъ), которая въ нѣкоторомъ родѣ есть игра съ книгами, гдѣ наудачу берутъ тексты, по примѣру *Tolle, lege* св. Августина, и это есть какъ-бы набожная забава. Между тѣмъ случаи, среди которыхъ мы находимся вопреки нашему желанію, очень способствуютъ совершенію или прегражденію спасенія. Вообразимъ себѣ двухъ дѣтей близнецовъ изъ польской національности, изъ коихъ одно плѣнено татарами, продано туркамъ, доведено до отступничества, погружено въ нечестіе и умерло въ безнадежности: другое же по нѣкоторому случаю было спасено, затѣмъ отдано было въ хорошія руки для надлежащаго воспитанія, проникнуто самыми твердыми истинами религіи, упражнялось въ добродѣтеляхъ, внушаемыхъ религіею, и умерло со всѣми расположеніями добраго христіанина. Будутъ скорбѣть о несчастіи перваго, которому быть можетъ ничтожное обстоятельство помѣшало спастись такъ хорошо, какъ и его брату; и будутъ удивляться тому, что этотъ ничтожный случай долженъ былъ рѣшить его жребій въ отношеніи къ вѣчности.

102. Быть можетъ, кто-либо скажетъ, что Богъ посредствомъ своего *средняю* знанія предвидѣлъ, что первый равнымъ образомъ останется злымъ и осужденнымъ, хотя бы онъ продолжалъ жить въ Польшѣ. Быть можетъ, и въ Польшѣ онъ очутился бы среди обстоятельствъ, которыя привели бы его къ чему либо подобному. Но скажутъ-ли, что таково вообще правило и что нѣтъ ни одного человѣка, осужденнаго изъ среды язычниковъ, который не спасся бы, если бы жилъ среди христіанъ? Не было ли бы это противорѣчіемъ нашему Господу, что Тиръ и Сидонъ воспользовались бы проповѣдью Его лучше, чѣмъ Капернаумъ, если бы Тиръ и Сидонъ имѣли счастье слышать ее?

103. Но если даже допустить вопреки всякой видимости пользованіе этимъ среднимъ знаніемъ, то все же оно предполагаетъ, что Богъ принимаетъ въ соображеніе то, какъ человѣкъ поступитъ среди тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, и всегда останется вѣрнымъ то, что Богъ могъ поставить его въ благопріятныя обстоятельства и могъ даровать ему внутреннюю и внѣшнюю помощь, способную побѣдить величайшее скопленіе злости, какое только можетъ существовать въ его душѣ. Мы замѣчаемъ, что Богъ не обязанъ этого дѣлать, но этого недостаточно; надобно доказать еще, что величайшія причины мѣшаютъ Ему изливать на всѣхъ всю свою благодать. Пусть должно существовать избраніе людей, но я не думаю, чтобы безусловную причину этого избранія надобно искать въ доброй или злой природѣ человѣка; ибо если предположить съ нѣкоторыми, что Богъ, избирая міровой планъ, наиболѣе способствующій проявленію добра, но содержащій въ себѣ грѣхъ и осужденіе, своею мудростію приведенъ былъ къ избранію (однихъ лишь) наилучшихъ (человѣческихъ) натуръ, чтобы сдѣлать ихъ предметомъ своей благодати: то кажется благодать Божія не будетъ тогда достаточно даровою, и что самъ человѣкъ будетъ вынуждать изліяніе ее нѣкотораго рода внутреннимъ достоинствомъ своимъ; а это противорѣчитъ основному ученію святаго Павла и даже высочайшему разуму.

104. Справедливо, что существуютъ причины Божественнаго избранія, надобно допустить, что обращается вниманіе и на предметъ, т. е., на природныя человѣческія расположенія; но рѣшительно не представляется вѣроятнымъ, чтобы это избраніе было подчинено тому правилу, которое мы способны были бы понять, которое могло бы льстить человѣческой гордости. Нѣкоторые знаменитые богословы думаютъ, что Богъ сообщаетъ болѣе благодати, или сообщаетъ ее въ болѣе благопріятномъ видѣ тѣмъ людямъ, которыхъ меньшее сопротивленіе ей Онъ предвидитъ, и что другихъ Онъ предоставляетъ ихъ упорству. Надобно думать, что дѣйствительно часто такъ случается, и это положеніе богослововъ, по которому человѣкъ можетъ выдѣляться своими благопріятными природными

расположеніями, болѣе всего удаляетъ ихъ отъ пелагіанизма ¹⁾). Тѣмъ не менѣе я не осмѣлился бы сдѣлать изъ этого положенія общее правило. Дабы мы не имѣли повода тщеславиться, надобно, чтобы мы не знали и причинъ Божественнаго избранія. И причины эти слишкомъ разнообразны, чтобы подпадать нашему познанію, и можетъ быть Богъ являетъ иногда могущество своей благодати, преобѣждая даже самое упорное сопротивленіе, дабы никто не имѣлъ повода отчаяваться, какъ и никто не долженъ льстить себѣ въ этомъ отношеніи. Кажется эту мысль имѣлъ святой Павелъ, когда въ этомъ же отношеніи приводитъ самаго себя въ примѣръ: Богъ, говоритъ онъ, явилъ на мнѣ милосердіе, дабы показать великій примѣръ долготерпѣнія.

105. Быть можетъ, въ сущности всѣ люди одинаково злы, и слѣдовательно, находятся внѣ возможности выдѣляться своими добрыми или злыми природными качествами; но они злы не въ одномъ и томъ же смыслѣ; потому что существуетъ природное индивидуальное различіе между душами, какъ это показываетъ предустановленная гармонія. Одни болѣе или менѣе склонны къ такому или иному добру, или къ такому или иному злу или же наоборотъ, и всѣ сообразно съ своими природными расположеніями; но принятіе Богомъ общаго плана вселенной, избраннаго Имъ по высочайшимъ причинамъ, производящимъ людей среди различныхъ обстоятельствъ, производитъ то, что люди, находящіеся въ обстоятельствахъ наиболѣе благопріятныхъ съ ихъ природными расположеніями, легче дѣлаются менѣе злыми, болѣе добродѣтельными, болѣе счаст-

¹⁾ Пелагій былъ британскимъ монахомъ и жилъ между 330—420 гг. по Р. Х. Вопреки ученію Августина, утверждавшаго, что дѣло усвоенія человекомъ спасенія всецѣло зависитъ отъ благодати,—Пелагій думалъ, что и самъ человекъ при посредствѣ сохраняющейся у него свободной воли и при помощи примѣра, явленнаго въ Лицѣ Иисуса Христа, уже можетъ достигать высшихъ степеней святости, не нуждаясь въ особенной, благодатной помощи. Ученіе Пелагія очень нравилось людямъ самонадѣяннымъ, слишкомъ полагавшимся на собственные силы, и нашло многихъ послѣдователей, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ пелагіанъ. Болѣе же умѣренные послѣдователи этого ученія называются полупелагіанами. Протестанты, вслѣдствіе вліянія Лютера, строго держатся ученія блаженнаго Августина, которое то же не чуждо нѣкоторыхъ крайностей.

ливыми, но всегда вслѣдствіе присутствія внутренней благодати, соединяемой Богомъ съ этимъ. Случается иногда въ ходѣ человѣческой жизни, что человѣкъ съ природными дарованіями даже наиболѣе превосходными, успѣваетъ менѣе, при отсутствіи образованія или благопріятныхъ обстоятельствъ. Можно сказать поэтому, что и люди избираются и распредѣляются не столько вслѣдствіе своего (природнаго) превосходства, сколько вслѣдствіе сообразности, въ какой находятся съ Божественнымъ планомъ; какъ случается то, что при строеніи или сортировкѣ употребляютъ камень менѣе хорошій; потому что находятъ, что именно такой камень можетъ наполнить известную пустоту ¹⁾).

106. Наконецъ всѣ эти изслѣдованія основаній избранія когда не хотятъ всецѣло основываться на однихъ лишь гипотезахъ, служатъ только къ уясненію того, что существуютъ тысячи средствъ для оправданія Божественнаго образа дѣйствованія. Всѣ представляющіяся намъ недоумѣнія, всѣ кажущіяся затрудненія не должны мѣшать намъ разумно вѣ-

1) Собственно этимъ § Лейбницъ оканчиваетъ теоретическую часть «Теодицеи», гдѣ онъ устанавливаетъ съ своей точки зрѣнія основныя начала для примиренія вѣры съ разумомъ. Послѣдній, т. е. 106 § этой части, какъ читатель увидитъ сейчасъ, въ сущности есть только сознание, что разумомъ человѣческимъ нельзя разгадать всѣхъ путей Божественнаго промысла, и что поэтому вѣра всегда должна возвышаться надъ разумомъ. Такимъ образомъ, эта, т. е. теоретическая часть «Теодицеи», окончена имъ. Въ двухъ слѣдующихъ частяхъ Лейбницъ переходитъ къ возраженіямъ своихъ противниковъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ Вель. Опроверженіе этихъ возраженій составляетъ собою гораздо большую часть его сочиненія, чѣмъ непосредственное изложеніе основныхъ началъ «Теодицеи» первой части. По требованію плана своего сочиненія, Лейбницъ, съ одной стороны, не могъ избѣжать нѣкоторыхъ повтореній; а съ другой, ни въ этой части, ни въ слѣдующихъ онъ не представилъ цѣльнаго, законченнаго и обстоятельнаго изложенія нѣкоторыхъ очень важныхъ пунктовъ изслѣдуемаго имъ предмета. Поэтому для яснаго пониманія этихъ пунктовъ надобно будетъ сопоставлять то, что сказано было въ этой части и что будетъ сказано Лейбницемъ въ слѣдующихъ частяхъ. Что же касается самаго изложенія теоретическихъ началъ первой части, то ихъ нельзя назвать чисто философскими; ихъ можно назвать только гениальною попыткой мыслящаго человѣка примирить вѣру съ разумомъ, человѣческія предположенія съ общепринятыми догматами. Даже тогда, когда эти предположенія не всегда могутъ быть приняты богословомъ той или другой христіанской церкви, ихъ нельзя назвать строго философскими. Да Лейбницъ и не выдаетъ ихъ за несомнѣнные философскіе выводы или соображенія; онъ

рить,—хотя болѣе того, чѣмъ мы сдѣлали и какъ сдѣлаемъ еще впослѣдствіи, и нельзя демонстративно доказать, что нѣтъ ничего столь возвышеннаго, какъ мудрость Бога, нѣтъ ничего столь справедливаго, какъ Его суды, нѣтъ ничего столь чистаго, какъ Его святость, и нѣтъ ничего столь непредѣльнаго, какъ Его благодать.

К. Истоминъ.

(Продолженіе будетъ).

усвоить имъ значеніе лишь наиболѣе вѣроятныхъ гипотезъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не видѣть, что Лейбницъ для рѣшенія своей трудной задачи, предположенной имъ себѣ въ своемъ сочиненіи, лишь изрѣдка пользуется основными началами своей философіи и часто выставляетъ такіа положенія, которыя съ трудомъ могутъ быть соглашены съ его собственною философіею. Только то положеніе, что существующій міръ есть наилучшій среди всѣхъ возможныхъ міровъ, строго выдерживается имъ во всей первой части «Теодицеи»; но и оно не есть чисто философское положеніе, оно есть лишь необходимый выводъ изъ религіозной вѣры въ высочайшую мудрость и благодать Божию. Столько же мало философскимъ можно назвать и его ученіе о свободной волѣ, которое онъ примѣняетъ къ оправданію божественнаго избранія однихъ лицъ и осужденію другихъ. Оно противорѣчитъ монадологіи, по которой ходъ представленій послѣдовательно и правильно возникаетъ во времени въ каждой монадѣ, утвержденъ или созданъ Богомъ въ первоначальный моментъ творенія и этимъ путемъ поддерживаетъ и сохраняетъ гармонию между монадами. Во всякомъ случаѣ, оправданіе Божественнаго избранія и осужденія людей, представляется недостаточно яснымъ при допущеніи Лейбница положенія о томъ, что воля наша всегда и безъ исключенія подпадаетъ вліянію сильнѣйшихъ мотивовъ. Правда Лейбницъ признаетъ эти мотивы склоняющими (inclinants), а не припуждающими (necessitants); но въ чемъ состоитъ здѣсь различіе, это остается не выясненнымъ достаточно. Если такимъ образомъ Лейбницево обоснованіе основныхъ началъ «Теодицеи» представляетъ нѣкоторыя слабыя стороны; то легко было предположить, что на нихъ-то укажутъ ему противники его, и преимущественно Вель. Опроверженіемъ этихъ возраженій и занять будетъ Лейбницъ въ остальныхъ частяхъ своей «Теодицеи».

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31-го Іюля № 14. 1889 года.

Содержаніе: Свѣдѣніе о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленнаго Харьковскимъ епархіальнымъ X съѣздомъ за 1-ю половину 1889 года.—Разрядной списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища, составленный училищнымъ правленіемъ послѣ годичныхъ испытаній, бывшихъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ за 1888/9 годъ.—Вѣдомость о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода на 1-е іюля 1889 г.—Отъ правленія Купинскаго духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Некрологъ.—Объявленія.

С В Ѣ Д Ъ Н І Е

о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленнаго Харьковскимъ епархіальнымъ X съѣздомъ за 1 половину 1889 года.

Къ 1 января 1889 года оставалось: а) 65 р. 30 к. наличными и билетами 100 р. (билетъ 1 внутренняго съ выигрышами займа) и б) въ долгу за Харьковскимъ епархіальнымъ свѣчнымъ заводомъ 41,339 р. 63 к., всего 41,504 р. 93 к.

Съ 1 января по 1 іюля 1889 года поступило: а) личнаго взноса отъ духовенства епархіи 5,618 р. 91 коп., б) процентовъ отъ епархіальнаго свѣчнаго завода и по билету 1 внутрен. съ выигр. займа 2,069 р. 35 к., всего 7,688 р. 26 коп.

Въ теченіи 1-й половины 1889 года поступило въ расходъ: а) передано въ епархіальный свѣчной заводъ, согласно постановленію XII епархіальнаго съѣзда 7,366 р. 98 к., и б) на жалованье секретарю попечительства и страховку билета 1 съ выигрыш. займа 151 р. 15 к., всего 7,518 13 коп.

Затѣмъ къ 1 іюля сего 1889 года осталось: а) наличными деньгами 235 руб. 43 коп., б) билетъ 1 внутрен. съ выигрыш. займа 100 р. и в) въ долгу за Харьковскимъ епархіальнымъ свѣчнымъ заводомъ 48,706 р. 61 к., всего 49,042 р. 4 коп.

РАЗРЯДНОЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища, составленный училищнымъ правленіемъ послѣ годовичныхъ испытаній бывшихъ въ маѣ и юнѣ мѣсяцахъ за 1888—89 учебный годъ.

IV КЛАССА.

Удостоены перевода въ I классъ Семинаріи.

Разрядъ I. 1. Александръ Давидовъ, Петръ Заводовскій—награжденные книгами, Яковъ Чебановъ, Алексѣй Васильковскій, 5. Петръ Капустянскій, Анатолій Снѣсаревскій, Андрей Веселовскій. Разрядъ II. Анатолій Мухинъ, Александръ Заграфскій, 10. Александръ Поповъ, Константинъ Котляровъ, Николай Чернявскій, Иванъ Любвицкій.

Оставленные на повторительный курсъ въ томъ-же классъ.

Разрядъ III. Стефанъ Крыжановскій, 15. Макарій Быковъ, Александръ Артюховскій, Георгій Быковцевъ, Иванъ Заводовскій и Антоній Козловскій.

III КЛАССА.

Переводятся въ IV классъ.

Разрядъ I. Михаилъ Сокальскій, Алексѣй Александровъ—награжденные книгами, Титъ Здоровъ, Андрей Наумовъ, Петръ Бѣлицкій, Феофилъ Ястремскій. Разрядъ II. Иванъ Хижняковъ, Григорій Ступницкій, Петръ Огинскій, Иванъ Ламоноговъ, Григорій Цогорѣловъ, Онисимъ Семеновъ, Евгеній Проскурниковъ, Иванъ Ѳедоровъ, Иванъ Кушнеренко, Петръ Поповъ.

Назначаются къ переводу въ IV классъ съ передержкой экзамена:

Александръ Вассаковскій, Иванъ Збузаревъ, Петръ Кузнецовъ, Иробоній Петрусенко, Даніилъ Пономаревъ и Григорій Ѳоминокъ—по греческому языку. Петръ Должанскій—по географіи. Кирилль Поповъ и Василій Ѳедоровъ—по греческому языку и географіи.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ-же классъ.

Александръ Ѳедоровъ, Николай Ѳедоровъ, Ѳедоръ Столяревскій, Иванъ Назаревскій, Стефанъ Вербицкій, Алексѣй Геневскій, Ѳедоръ Котляровъ, Иванъ Крушедольскій, Павелъ Стефановскій, Ни-

болай Стефановскій, Павелъ Быковъ, Константинъ Ковалевскій, Сергѣй Ястремскій, Григорій Филоненко, Константинъ Приходьковъ.

Увольняется изъ училища.

Съ правомъ держать экзамень послѣ каникулъ Алексѣй Москаленко.

II КЛАССА.

Переводятся въ III классъ.

Разрядъ I. Василій Краснокутскій, Павелъ Поповъ, Иванъ Строевскій, Павелъ Красинъ, Николай Михайловскій, Ѳеодоръ Клисенко—награжденные книгами, Александръ Горайстовъ, Николай Козловскій, Иванъ Антоновъ, Константинъ Фіалковскій. Разрядъ II. Николай Ѳеодоровскій, Елпидифоръ Филипповъ, Сергѣй Чугаевъ, Иванъ Волковъ, Димитрій Люминарскій, Константинъ Николаевъ, Андрей Панкратьевъ, Евфимій Родовскій.

Назначаются къ переводу въ III классъ съ передержкой экзамена.

Василій Матвѣевъ, Иванъ Аристовъ, Евфимій Новомірсскій и Антошій Николаевскій—по греческому языку. Егоръ Рубинскій и Петръ Флоринскій—по ариметикѣ.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ-же классъ.

Разрядъ III. Василій Грищенко, Александръ Карповъ, Сергѣй Кривошеевъ, Григорій Поповъ, Михаилъ Нестеренко, Иванъ Луценко, Василій Кучинскій, Семень Лисанскій, Иванъ Григорьевъ, Евгений Чугаевъ, Михаилъ Артюховскій, Андрей Заводовскій, Леонидъ Бибиць, Михаилъ Чефрановъ, Александръ Чефрановъ, Михаилъ Петровскій, Андрей Клисенко, Андрей Жуковскій.

Увольняются изъ училища.

Михаилъ Волковъ, Семень Полтавцевъ—по прошенію родителей, Арева Ѳеодоровскій—по малоуспѣшности.

I КЛАССА.

Переводятся во II классъ.

Разрядъ I. 1. Павелъ Александровъ, Веніаминъ Доброславскій, Иванъ Фальченко награжденные книгами, Евграфъ Поповъ, 5. Ва-

сильй Пестряковъ, Александръ Захаровъ, Григорій Шматовъ, Михаилъ Денисенко, Александръ Цебенко. Разрядъ II. Иванъ Ильинъ, Сергѣй Николаевскій, Николай Кучеровскій, Павелъ Каравановъ, Василій Яблоновскій, Ѳедоръ Калюжный, Иванъ Назаренко, Алексѣй Горайнъ, Михаилъ Бородаевскій, Всеволодъ Полтавцевъ, Алексѣй Котляровъ, Николай Чумаковъ, Павелъ Мигулинъ.

Назначаются къ переводу во II классъ съ передержкой экзамена.

Матвѣй Заводовскій, Петръ Насѣдинъ, Николай Стелецкій, Сергѣй Ястремскій—по русскому языку, Иванъ Бородаевскій и Юсифъ Ковалевскій—по ариѳметикѣ.

Оставлены въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

Разрядъ III. Михаилъ Погорѣловъ, Андрей Вербицкій, Александръ Проскурниковъ, Яковъ Столяревскій, Владиміръ Лепешкинъ.

Увольняются изъ училища.

Балановскій Василій, Владиміръ Андреевко—по прошенію родителей вслѣдствіе болѣзни, Ѳедоръ Бѣлоусовъ и Иванъ Филоненко—по малоуспѣшности послѣ двухъ годичнаго курса, Андрей Скляръ—по малоуспѣшности съ правомъ держать экзаменъ въ слѣдующій классъ.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНАГО КЛАССА.

Назначены къ переводу въ I классъ.

Разрядъ I. Владиміръ Торанскій, Артемьевъ Василій, Моисей Краснопольскій, Георгій Владыковъ, Владиміръ Ѳедоровъ, Евгений Любарскій, Иванъ Горайнъ, Михаилъ Клисенко, Алексѣй Столяревскій. Разрядъ II. Василій Лащенко, Константинъ Полтавцевъ, Иванъ Семеновъ, Стефанъ Невядовскій, Евграфъ Тронцкій, Павелъ Ковалевскій, Стефанъ Заводовскій, Григорій Петровскій, Ѳедоръ Сукачевъ, Иванъ Полянскій.

Переводятся въ I классъ съ передержкой экзамена.

Илья Максимовъ—по русскому языку, Иванъ Должанскій—по Закону Божію и русскому языку, анатолій Самохваловъ—по русскому языку и ариѳметикѣ.

Оставлены въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

Разрядъ III. Викторъ Барабоха, Петръ Скляръ, Аполлосъ Романовъ, Иванъ Рубинскій, Петръ Левитскій, Николай Моляровъ, Василій Василевскій, допускаются къ экзамену послѣ каникулъ по предметамъ приготовительнаго класса: Михайлъ Проскурниковъ и Тимоѳей Флоринскій.

Правленіе Сумскаго духовнаго училища объявляетъ, что 5, 7, 8 августа назначаются на переэкзаменовку воспитанниковъ, получившихъ на годичныхъ испытаніяхъ неудовлетворительныя баллы, 10, 11 и 12 августа назначаются на пріемныя испытанія вновь поступающимъ воспитанникамъ. Вмѣстѣ съ симъ правленіе училища объявляетъ, что въ приготовительномъ классѣ для поступающихъ въ училище по вступительному экзамену имѣется 43 вакансіи, въ I классѣ 11 вакансій и въ IV классѣ 9 вакансій; во II и III классахъ свободныхъ вакансій не имѣется.

Отъ правленія Сумскаго духовнаго училища.

Правленіе Сумскаго духовнаго училища, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, симъ объявляетъ, что, по распоряженію Его Высокопреосвященства, данному 26 минувшаго іюня, съѣздъ духовенства Сумскаго училищнаго округа имѣеть быть въ г. Сумахъ 22 будущаго августа мѣсяца. На предстоящій съѣздъ, согласно резолюціи Его Высокопреосвященства, приглашаются въ качествѣ депутатовъ старшіе члены отъ всѣхъ благочинническихъ совѣтовъ Сумскаго училищнаго округа. Предметы занятій съѣзда слѣдующіе:

1. Разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училищнаго общежитія въ будущемъ 1890 году.

2. Разсмотрѣніе доклада временно-ревизіоннаго комитета по документальной повѣркѣ экономическаго отчета и приходорасходной книги училища за 1888 годъ, а также разсмотрѣніе отчетовъ съ подлежащими къ нимъ документами строительнаго комитета по постройкѣ новаго зданія Сумскаго духовнаго училища и заслушаніе заключенія по сему предмету временно-ревизіоннаго комитета по произведенной имъ повѣркѣ означенныхъ строительныхъ отчетовъ.

3. Сообщение правленія училища объ открытіи при Сумскомъ

духовномъ училищѣ съ 1 августа сего 1889 года полной ученической стипендіи имени основателя училища, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія Архіепископа Харьковскаго, учрежденной на $\frac{1}{10}$ съ пожертвованнаго для сего духовенствомъ Сумскаго училищнаго округа капитала въ 2,500 р. и утвержденной опредѣленіемъ Св. Синода отъ 11 и 17 мая сего 1889 г. за № 1725.

4. Разсмотрѣніе вѣдомостей о.о. благочинныхъ Сумскаго училищнаго округа о приходѣ, расходѣ и остаткѣ церковныхъ суммъ, а также доставленныхъ ими свѣдѣній о продажѣ вѣнчиковъ и восковыхъ свѣчей въ подвѣдомственныхъ имъ церквахъ и свѣчныхъ складахъ.

5. Текущія дѣла, подлежащія обсужденію съѣзда.

ВѢДОМОСТЬ

о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода на 1 іюля 1889 года.

А. Заводъ имѣетъ:

1) Въ кассѣ: наличными деньгами 16811 р. 97 к. и билетами 6900 р.; итого 23711 р. 97 к.

2) Въ матеріалахъ: свѣчей простыхъ и золоченыхъ 928 п. $39\frac{5}{8}$ ф. 19973 р. 30 к., крестиковъ $28\frac{7}{8}$ ф. 18 р. $76\frac{3}{4}$ к., воску желтаго 749 п. $\frac{5}{8}$ ф. 16088 р. 85 к., воску бѣлаго 1625 п. $37\frac{1}{2}$ ф. 34469 р. $87\frac{1}{2}$ к., воску перховаго и огарочнаго 472 п. $11\frac{1}{2}$ ф. 8501 р. $17\frac{1}{2}$ к., свѣчныхъ огарковъ $1\frac{5}{8}$ ф. 73 к., обвощенныхъ отбросковъ 20 п. 23 ф. 185 р. $17\frac{1}{2}$ к., фитильной бумаги 57 п. $27\frac{1}{8}$ ф. 951 р. $68\frac{3}{4}$ к., обвязочной нити 27 п. 21 ф. 330 р. 30 к., оберточной синей бумаги 13 п. $28\frac{1}{8}$ ф. 68 р. $51\frac{1}{2}$ к., золота 200 книж. 110 р., этикетовъ $31\frac{3}{8}$ ф. 34 р. 47 к., масла деревяннаго 1 ф. 30 к., подсолнечнаго 10 ф. 1 р. 40 к., укупорочныхъ ящичковъ 1404 шт. 700 р., краски для свѣчей 1 ф. 1 р. 80 к., гуміарабикку $6\frac{1}{2}$ ф. 3 р. 90 к., оберточной сѣрой бумаги (укупорочной) 2 п. 37 ф. 10 р. 53 к., рогожныхъ кулей: годныхъ 6850 шт. 1472 р. 75 к., не годныхъ 860 шт. 25 р. 80 к., керосину 3 ф. $10\frac{1}{2}$ к., гвоздей укупорочныхъ 10 ф. 1 р. 10 к., каменнаго угля 3810 п. 609 р. 60 к., дровъ дубов. 2 сорта 18 саж. 414 р., воску ропущеннаго на воскобѣзильнѣ для бѣлки 4956 п. 14 ф. 101605 р. $17\frac{1}{2}$ к.; итого 185579 р. $30\frac{1}{2}$ к.

3) Въ имуществѣ: недвижимомъ: землѣ, лѣсѣ, каменныхъ и др. построекахъ 30000 р.; движимомъ: паровики, трубы котлы и др. механиче-

скія приспособленія 1817 р. 48 коп., обозъ и лошади 517 р. 50 к., сѣна 38 копенъ 114 р., овса 3 п. 1 р. 65 к., разныя хозяйственныя принадлежности 30 р., мебель, шкафы, прилавки, несгораемый шкафъ 497 р.; итого 32977 р. 63 к.

4) Въ долгахъ заводу: Таврической епархіальный свѣчной заводъ 2857 р. 50 к., уѣздные комиссіонеры 75517 р. 5¹/₄ к., городскія и сельскія церкви 8865 р. 53¹/₂ к., свѣчная лавка Архіерейскаго домоуправленія 5414 р. 2¹/₂ к., Товарищество Реутовской мануфактуры въ Москвѣ за высланные въ счетъ фитильной бумаги впередъ 40 р., слесарю Шапореву задаткомъ 25 р.; итого 92719 р. 11¹/₄ к. А всего заводъ имѣеть 334988 р. 1⁸/₄ коп.

Б. Заводъ долженъ.

Запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи 48706 р. 61 к., церквамъ и причтамъ Харьковской епархіи 9295 р., процентовъ не выданныхъ 1630 р. 17 к., авансоваго взноса за 65 п. свѣчей 1690 р. не уплочено за матеріалы и разныя предметы забраанные для экономіи 1157 р. 50 к., не уплочено за наемъ помѣщенія подъ Епархіальную лавку и канцеляріи правленія завода 83 р. 33 к. залоговъ 50 р. Всего заводъ долженъ 62612 р. 61 к.; а за исключеніемъ означеннаго долга, заводъ имѣеть въ наличности 272375 р. 40⁸/₄ к. Кромѣ того, въ теченіи первой половины 1889 года, изъ средствъ завода дано: на окончаніе постройки Сумскаго духовнаго училища 912 р. 64 к., на постройку параллельныхъ классовъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища 5000 р., на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній 8519 р. 11 к. и другія нужды епархіи 2000 р., а всего 16431 р. 75 к.

Отъ правленія Кулянскаго духовнаго училища.

Правленіе Кулянскаго духовнаго училища симъ объявляетъ, что начало ученія назначается на 6 сентября сего 1889 года, передержка экзамена пригготовительному и первому классамъ на 31 августа, передержка экзамена второму и третьему классамъ на 1 сентября, вступительные экзамены въ пригготовительный классъ на 2 сентября, а въ 1 классъ и другіе на 4 сентября.

Епархіальныя извѣщенія

Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, Архіепскопомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, 17 іюня н. г. изъявлена искренняя благодарность протоіерею Іоанну *Чижевскому*, со внесеніемъ въ послужной его списокъ, за его долговременную и усердную службу въ попечительствѣ.

— Священники: села Рудева, Старобѣльскаго уѣзда, Николай *Антоновъ* и села Прелестнаго, Изюмскаго уѣзда, Дмитрій *Катлуненко* перемѣщены одинъ на мѣсто другаго, согласно ихъ прошенію.

— На праздное діаконское мѣсто къ Предтечевской церкви села Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ сынъ священника—воспитанникъ Волчанской учительской семинаріи Платонъ *Базилевичъ*.

— Открыто штатное діаконское мѣсто при Николаевской церкви слоб. Тарасовки, Купянскаго уѣзда, и перемѣщенъ на это мѣсто діаконъ села Шаровки, Старобѣльскаго уѣзда, Петръ *Синявинъ*.

— Учитель церковно-приходской школы Поликарпъ *Тетивниковъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ церкви слоб. Подгоровки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи Григорій *Кузнецовъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Вознесенской церкви слоб. Осиновой, Старобѣльскаго уѣзда.

— На праздное псаломщическое мѣсто при Петро-Павловской церкви сл. Вертѣвки, Харьковскаго уѣзда, опредѣленъ бывшій воспитанникъ семинаріи Петръ *Пономаревъ*.

— Утверждены въ должн. церковными старостами къ церквамъ: слоб. Епифановки, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Ляшенко*; слоб. Мостковъ, того же уѣзда, купецъ Илья *Евфимовъ*; сл. Климовки, того же уѣзда, крест. Ѳома *Тютюнникъ*; ц. Ново-Александровскаго коннаго завода, того же уѣзда, коллежск. регистрат. Александръ *Постапенко*; крест. Гавріиль *Ѳоменко* Архангело-Михаиловской цер. села Бабаевъ, Харьковскаго уѣзда; крест. Иванъ *Вербичій* Иверско-Богородицкой цер. слоб. Ново-Георгіевска, Купянскаго уѣзда; кр. Романъ *Затула* Іоанно-Златоустовской ц. сл. Ивановки, Зміевскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Покровскій женскій монастырь въ г. Кіевѣ.—Слухи объ оставленіи Рима папою.—Принятіе православія Волянскими чехами.—Духовная семинарія и русская школа въ Санъ-Франциско.—Русскіе монахи въ Сербіи.—Улучшеніе дѣлопроизводства въ Консисторіяхъ.—Мѣры противъ штундистовъ.—О расширеніи правъ преподавателей духовныхъ семинарій.—О переѣнѣ въ штатахъ для духовныхъ лицъ по морскому вѣдомству.—Религіозныя общины въ Харьковской губерніи.—Къ воспоминанію о С. С. Гогоцкомъ.—Празднованіе пятилѣтія церковно-приходской школы.—Посвященіе архимандрита для Антиохійскаго патриаршаго подворья въ Москвѣ.—Поступленіе воспитанниковъ реальныхъ училищъ въ духовныя Академіи.—Двухклассныя церковно-учительскія школы.—Подольское общество для поднїтія религіознаго образованія въ духѣ православія.—Миссіонерскія школы въ Херсонской губерніи.—Новое назначеніе о. архимандрита Цансія.—О «полувѣрцахъ» въ Рижской епархіи.—Лютеранскіи миссіонерскіи праздненства.—Новая секта въ Митавѣ.—Православное богослуженіе на финскомъ и шведскомъ языкахъ.—Воскресный отдыхъ въ Петербургѣ.—Съѣздъ учителей и учительницъ для ознакомленія съ церковнымъ ивнїемъ.—Курсъ церковно-приходскихъ учителей въ Немровѣ.—Крещеніе калмыковъ.—Магометанство въ Новороссійскомъ краѣ и въ Закавказскомъ краѣ.—Запрещеніе брошюръ графа Л. Толстаго.—Аристовская секта.—Выраженіе чувствъ любви и благодарности со стороны сельскихъ прихожанъ къ своему пастырю.—Некрологъ.—Объявленія.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня АЛЕКСАНДРА ШЕТРОВНА обратилась къ высокопреосвященному митрополиту Кіевскому Платону съ рескриптомъ, въ которомъ благоволила высказать свое желаніе устроить на принадлежащей Ея Императорскому Высочеству въ г. Кіевѣ усадьбѣ женскій общежительный монастырь, съ тою цѣлью, чтобы въ этомъ монастырѣ дать приютъ бѣднымъ лицамъ женскаго пола православнаго вѣроисповѣданія, желающимъ посвятить себя служенію Церкви и ближнихъ и проводить жизнь богоугодную, и при участіи ихъ помогать немущему классу въ его нуждахъ, въ особенности въ болѣзняхъ и въ противодѣйствіе зловредному ученію штундистовъ, содѣйствовать усиленію женскаго народнаго образованія въ духѣ Православной Церкви. О приведеніи этого благочестиваго желанія своего въ исполненіе Ея Императорское Высочество просила высокопреосвященнаго Платона ходатайствовать предъ Святейшимъ Синодомъ. Для устройства монастыря Великая Княгиня изъявила намѣреніе пожертвовать купленную ею въ Лукьяновскомъ участкѣ города Кіева усадьбу, заключающую въ себѣ шесть десятинъ земли съ построеннымъ на ней большимъ корпусомъ для келій монахинь и примыкающимъ къ нему зданію трехпрестольнымъ храмомъ, съ 12 другими домами, въ которыхъ предполагается помѣстить: больницу съ домовою церковью, церковно-приходскую школу для дѣвочекъ, руководѣльныя мастерскія, бесплатную амбулаторную лечебницу, аптеку, страннопримную, ква-

ртыры для вдовъ и дѣвиць, которыя желаютъ жить въ монастырѣ, безъ принятія до времени монашества, со взносомъ платы, просфорную съ пекарней, кухню, прачешную, и т. п. Кромѣ того, на означенной усадьбѣ разведенъ пчельникъ, а внѣ монастырской ограды на арендуемой землѣ устроены скотный дворъ, конюшни и домъ для мірскихъ служителей. Внѣ ограды будетъ гостиница для прїѣзжающихъ богомольцевъ. Содержаніе монастыря, всѣхъ монастырскихъ заведеній, обезпеченіе причта и устройство для него помѣщенія Ея Императорское Высочество приняла на свой счетъ. Изъ пожертвованій добродѣтельныхъ дателей и изъ доходовъ отъ продажи монастырскихъ издѣлій и отъ другихъ статей дохода будетъ составляться неприкосновенный капиталъ для обезпеченія монастыря по смерти Ея Императорскаго Высочества. Во внутренней своей жизни монастырь имѣеть руководствоваться правилами древняго монастырскаго общежитія, изложенными въ уставѣ Св. Θεодора Студійскаго. Донося объ изложенномъ Святѣйшему Синоду, высокопреосвященный митрополитъ Платонъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи учредить монастырь на прописанныхъ основаніяхъ и объ искрошеніи Высочайшаго Государя Императора соизволенія на укрѣпленіе за монастыремъ жертвуемой Великою Княгиней Александрою Петровною усадьбы. Высочайшее соизволеніе на укрѣпленіе земли за учреждаемымъ монастыремъ вослѣдовало 17 іюня, а 21—23 іюня состоялось, какъ сообщаютъ (Церковныя Вѣдомости), опредѣленіе Святѣйшаго Синода объ учрежденіи въ Лукьяновскомъ участкѣ гор. Кіева, въ пожертвованной Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгиней Александрою Петровною усадьбѣ, женскаго общежительнаго монастыря, съ наименованіемъ онаго «Покровскимъ».

— Въ «Церков. Вѣд.» приведено нѣсколько свѣдѣній объ отживающемъ свой вѣкъ японскомъ буддизмѣ. Эти свѣдѣнія любопытны въ томъ отношеніи, что они свидѣтельствуютъ также объ отношеніи японскаго правительства къ православію. Вотъ эти свѣдѣнія. Въ началѣ текущаго года прїѣхалъ въ Японию американскій полковникъ Олькоттъ, перешедшій въ буддизмъ и посвятившій свою дѣятельность распространенію онаго въ христіанскихъ странахъ. Посредствомъ застольныхъ рѣчей и проповѣдей онъ старался возбуждать японскую публику противъ христіанства, отзываясь о немъ крайне непріязненно. Такая дѣятельность Олькотта не осталась безъ послѣдствій, возбудивъ воинственный духъ буддійскихъ бонзъ, не замедлившій обнаружиться въ появившихся недавно въ Тоокію двухъ-

трехъ новыхъ газетахъ религіознаго характера. Особеннымъ нападеніямъ этихъ газетъ подверглось православное исповѣданіе вообще и строящійся въ Суругадаѣ православный храмъ въ особенности. Одна изъ газетъ утверждала, что ученики нашей духовной миссіи воспитываются въ духѣ ненависти къ императору, священная особа котораго подвергается-де со стороны православныхъ миссіонеровъ и ихъ послѣдователей-японцевъ различнымъ порицаніямъ и оскорбленіямъ (которыя будто бы имѣють, между прочимъ, мѣсто и въ православномъ катехизисѣ, распространяемомъ среди японской молодежи). Другая газета указывала на политическое значеніе пропаганды «русской религіи», неизбѣжно влекущей-де за собою «въ силу завѣщанія Петра Великаго» покореніе Россіей всѣхъ обращающихся въ православіе народовъ, при чемъ газета прибавляла, что высота, на которой выстроены въ столицѣ Японіи русскій храмъ и съ которой «голубое око епископа Николая» безпрепятственно пронизываетъ въ самый дворецъ императора, явно свидѣтельствуешь-де о намѣреніи русскихъ господствовать въ Японіи. Далѣе газета выражала надежду, что японское правительство разрушитъ, если только возможно, эту твердыню «вражескаго государства, возведенную въ самомъ сердцѣ Японіи». Къ этой статьѣ была приложена виньетка, изображающая низвергнутый крестъ, подъ которымъ лежатъ раздавленные миссіонеры среди толпы японцевъ. Эти статьи появились во время отлучки изъ Тоокіо министра иностранныхъ дѣлъ графа Окума. Не медля по возвращеніи въ столицу, онъ былъ у посланника нашего въ Тоокіо и выразилъ ему свое глубокое сожалѣніе и искреннее негодованіе по поводу появившихся въ печати грубыхъ и бессмысленныхъ нареканій на Россію и на православіе, объяснивъ при томъ, что внезапное появленіе анти-христіанскаго движенія слѣдуетъ приписать только подстрекательству американскаго реверата, волнующаго нынѣ японскихъ бонзъ и возбуждающаго въ средѣ ихъ послѣдствія предсмертныя судороги защищаемаго имъ ученія. Изданіе газетъ, помѣстившихъ непріязненные Россіи и православію статьи, было приостановлено.

— По словамъ «Нов. Врем.» слухи о намѣреніи папы Льва XIII уѣхать изъ Рима продолжаютъ держаться очень настойчиво. Газета г. Криспи «Riforma» посвятила имъ обширную статью, въ которой она, какъ будто, старается обвинить главу католической церкви въ намѣреніяхъ прямо враждебныхъ Италіи. Клерикальный органъ «Osservatore Romano», напротивъ, старается доказать, что отъѣздъ

папы, если онъ состоится, будетъ вызванъ невозможностію для святого отца выносить долѣе тѣ «оскорбленія», которыя наноситъ ему итальянское правительство. Вопросъ объ удаленіи папы изъ вѣчнаго города обсуждается такимъ образомъ совершенно серьезно обѣими, прямо заинтересованными въ немъ, сторонами. Тѣмъ не менѣе довольно трудно повѣрить въ серьезность намѣренія Льва XIII оставить Ватиканъ и удалиться въ добровольное изгнаніе. Нынѣшній папа—далеко не фанатикъ. Онъ пользуется заслуженною репутаціею высокой политической прозорливости, а потому врядъ ли можетъ надѣяться, что, разъ оставивши Римъ, онъ или кто либо изъ его ближайшихъ преемниковъ вернется туда въ качествѣ «папы-короля», свѣтскаго государя той Папской области, о недавнемъ сравнительно существованіи которой уже совершенно начинаетъ забывать Европа. Если римская курія оставить Ватиканъ, она уже не вернется болѣе туда по крайней мѣрѣ въ теченіе цѣлаго столѣтія. Говорятъ о желаніи папы переселиться въ Испанію. Впрочемъ «Riforma» сообщаетъ, что Испанія формально отказалась дать папѣ убѣжище въ своихъ предѣлахъ, въ случаѣ еслибъ онъ пожелалъ выѣхать изъ Рима въ Испанію. Такое рѣшеніе испанскаго правительства вызвано настоятельными требованіями державъ входящихъ въ составъ лиги мира. Пьемонтская Газета подтверждаетъ это извѣстіе.

— По словамъ «Южн. Края», съ 1860-хъ годовъ въ Волынскую губернію, гонимые слишкомъ уже не легкою жизнью на родинѣ, начали эмигрировать чехи: селились они на земляхъ, приобретаемыхъ ими отъ помѣщиковъ (преимущественно польскихъ), образуя, такимъ образомъ, небольшія колоніи. Въ этотъ періодъ времени, т. е. въ теченіи 25 послѣднихъ лѣтъ, ихъ переселилось на Волынь немного менѣе 15 тысячъ человѣкъ, подъ колоніями которыхъ содержится 86,000 десятинъ земли. Основывая свои колоніи и живя совместно съ волынскими крестьянами, чехи, само собою разумѣется, мало по-малу сроднились съ ними и проникнулись началами ихъ жизни. Сблизившись съ туземнымъ русскимъ населеніемъ, они не могли не замѣтить того добродушія, чистосердечія и миролюбія, которыми дышетъ каждый русскій человѣкъ; они поняли свое заблужденіе, поняли всю лживость низкихъ агитаторовъ, старавшихся вселить въ нихъ ненависть ко всему русскому, и начали все болѣе и болѣе сблизяться и сродняться съ своими историческими друзьями-братьями—русскими. Результатомъ этого сблизенія было то, что въ серединѣ 80-хъ го-

довъ (1884) среди волынскихъ чеховъ начало замѣчаться желаніе, а потомъ съ 1886 года и стремленіе сдѣлаться братьями нашими не только по племени, но и по вѣрѣ; они поняли, наконецъ, всю важность и необходимость братскаго единенія между собой всѣхъ славянскихъ племенъ и уразумѣли то великое историческое значеніе, которое имѣютъ въ славянскомъ мірѣ русскій народъ и православная вѣра... Не смотря на всѣ козни и различныя инсинуаціи заграничныхъ недоброжелателей и враговъ Православной Церкви, чехи начали объединяться съ нами единой вѣрой. Присоединеніе къ православію волынскихъ чеховъ началось пять лѣтъ тому назадъ, а именно: въ концѣ 1884 г. въ Дубенскомъ и Острожскомъ уѣздахъ, а вслѣдъ затѣмъ (1885—6 гг.) началось присоединеніе чеховъ повсемѣстно на Волыни. Сначала чехи принимали православную вѣру отдѣльными, небольшими группами; въ послѣдніе же годы и въ особенности въ прошломъ 1888 году мы видимъ уже массовое движеніе ихъ подъ покровъ отечественной Церкви, во главѣ съ бывшимъ священникомъ ихъ И. Саско; такъ, напримѣръ, въ одинъ день празднованія 900-лѣтія крещенія Руси—15 іюля н. г., въ различныхъ мѣстахъ Волыни присоединилось къ православію до 650 чеховъ обоаго пола.

Въ настоящее время уже около $\frac{1}{4}$ всѣхъ волынскихъ чеховъ, что составляетъ болѣе 4¹/₂ тысячъ человекъ, исповѣдуютъ православную вѣру; всѣ же остальные чехи, за исключеніемъ 1—2 тыс. человекъ, объединились съ русскимъ населеніемъ подданствомъ русскому Царю, милостиво принявшему ихъ подъ свою державу.

Что чехи принимаютъ православіе единственно по своимъ убѣжденіямъ видно уже изъ того, что православные чехи строго слѣдуютъ правиламъ новой религіи и сообразно требованіямъ послѣдней измѣняютъ характеръ своей жизни. Мало того, многіе изъ волынскихъ чеховъ явились носителями и другой дорогой для каждаго искренняго славянина идеп—культурнаго единенія славянъ путемъ общаго литературнаго языка,—языка русскаго. Для достиженія этой цѣли въ послѣдніе годы со стороны волынскихъ чеховъ замѣчается желаніе вводить въ своихъ школахъ практическое изученіе русскаго языка; такія школы открыты уже во многихъ чешскихъ поселеніяхъ, такъ, напримѣръ, въ Высокомъ, Ольшанкѣ, Подцурковѣ, Крошиѣ и друг. При недавнемъ открытіи и освященіи Крошинской церковно-приходской школы, чехомъ Мали отъ лица всѣхъ собравшихся чеховъ былъ поднесенъ, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль прибывшему духовенству и др. началь-

ствующимъ лицамъ съ слѣдующими словами, которыя я считаю необходимымъ помѣстить здѣсь для тѣхъ заграничныхъ билетниковъ, которые силятся доказать, что волынскіе чехи принимаютъ де-православіе съ какими то корыстными цѣлями (?) и даже по принужденію (?!). Вотъ подлинныя слова г. Малл, одного изъ принявшихъ православіе и пользующагося среди чеховъ большимъ уваженіемъ: «прошу принять отъ насъ, Богомъ дарованный намъ, хлѣбъ соль и съ любовію извинить насъ, если мы согрѣшили: вѣдь мы родились въ старомъ нашемъ злополучномъ отечествѣ—Чехіи, находящейся въ римской неволѣ и нѣмецкомъ игѣ; но, слава Богу, здѣсь на св. Руси, мы нашли новое, лучшее отечество, исполнскій народъ русскій принялъ насъ какъ своихъ братьевъ; поэтому еще разъ повторяю нашу просьбу: примите насъ, какъ своихъ дѣтей на воспитаніе, а если кто изъ насъ по невѣдѣнію своему въ чемъ-либо согрѣшилъ, то простите его по-братски и по-христіанскы». Въ этомъ краткомъ привѣтствіи сказано все; этими немногими словами распускающіе нелѣпыя билеты о волынскихъ чехахъ всегдашніе враги славянства—разбиты на голову; здѣсь настолько все ясно само собой, что не требуется даже никакихъ комментариевъ.

— Вслѣдствіе особаго ходатайства епископа Алеутскаго и Аляксинскаго, въ Святѣйшемъ Синодѣ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи въ Санъ-Франциско духовной семинаріи и русской школы для православныхъ инородцевъ, состоящихъ теперь подъ властью Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

— По словамъ газеты «Обзоръ» сербскій митрополитъ Михайлъ въ видахъ улучшенія сербскихъ монастырей намѣренъ пригласить русскихъ иноковъ перейти въ сербскіе монастыри, изъ которыхъ напредняцкое правительство почти совсѣмъ разогнало сербскихъ иноковъ.

— На обсужденіе высшаго духовнаго вѣдомства поставленъ вопросъ объ изысканіи и разработкѣ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію дѣлопроизводства въ нашихъ духовныхъ консясторіяхъ, и изданіи для послѣднихъ новыхъ инструкцій по настоящему предмету.

— Съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода на югъ Россіи въ скоромъ времени отърывается, по свѣдѣніямъ «Гражданина», миссіонерская школа, цѣль которой будетъ состоять въ подготовкѣ лицъ опытныхъ въ борьбѣ съ штундизмомъ. Дѣятельность школы распространится на губерніи: Черниговскую, Кіевскую, Полтавскую,

Херсонскую и отчасти Подольскую, гдѣ въ послѣднее время тоже появилась штунда. Воспитанникамъ миссіонерской школы будутъ предоставлены права на занятіе должностей по духовному вѣдомству.

— «Гражданинъ» сообщаетъ, что въ учебный комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ въ настоящее время поступилъ на разсмотрѣніе вопросъ о предоставленіи большихъ правъ и полномочій преподавателямъ духовныхъ семинарій, посылаемымъ въ духовныя училища для присутствія въ качествѣ ассистентовъ-ревизоровъ на выпускныхъ экзаменахъ, дающихъ право на поступленіе въ семинарію. Вызванъ этотъ вопросъ замѣченнымъ въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ пониженіемъ средняго уровня успѣховъ среди воспитанниковъ низшихъ классовъ.

— Морскимъ министерствомъ въ близкомъ будущемъ будутъ сдѣланы значительныя измѣненія въ существующихъ штатахъ для духовныхъ лицъ, находящихся на службѣ по морскому вѣдомству. Новые штаты уже вырабатываются министерствомъ.

— Религіозныя общины въ Харьковской губерніи, по словамъ «Южн. Края», обозначаемаы обыкновенно не совсѣмъ точно общимъ именемъ раскола, не смотря на свою малочисленность (всего, по официальнымъ статистическимъ даннымъ, — 3,133 мужч. и 3,169 женщ.), представляютъ большое разнообразіе по своему вѣроученію и нравственному характеру. Раскольники-поповцы (622 мужчинъ и 611 женщ.), именующіе себя «старообрядцами», отдѣляются иногда отъ православныхъ едва замѣтной чертой; таковы поповцы въ Старобѣльскомъ уѣздѣ, гдѣ ихъ отношеніе къ православному населенію, служителямъ церкви и даже богослуженію и обрядамъ не враждебно. Безпоповцы, приѣмлющіе бракъ (1,535 мужч. и 1,554 женщ.), рѣшительно и упорно отрицающіе принадлежатій церковной іерархіи *jure divino* авторитетъ — суть раскольники въ строгомъ смыслѣ этого слова; ихъ отношеніе къ православному богослуженію враждебно, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ народъ куритъ табакъ (въ Купянскомъ уѣздѣ). Но враждебность со стороны послѣдователей этого толка проявляется преимущественно въ ихъ замѣнутости, церковь они не посѣщаютъ, собираясь на молитву въ своихъ часовняхъ и избахъ. Безпоповцы, не приѣмлющіе брака и не молящіе за Царя (908 м. и 922 ж.), представляютъ толкъ съ крайне ригористическимъ ученіемъ, имѣющимъ всѣ признаки ереси, съ рѣзкимъ уклоненіемъ отъ православія, церковныхъ догматовъ и таинствъ. Враждебность послѣдователей этого толка къ православію доходитъ до крайняго фанатизма, проявленіе ко-

торого нерѣдко вредно отражается на семейныхъ отношеніяхъ. Дѣти родителей и родители дѣтей, если таковыя принадлежатъ къ Православной Церкви, презираютъ, изъ одной посуды не ѣдятъ и не пьютъ; не принята у нихъ и молитва за Государя.

Секты шалопутовъ, скопцовъ и штундистовъ, ничего общаго съ расколомъ ни по происхожденію, ни по содержанію своего ученія не имѣющія, распространены по губерніи очень незначительно (68 м. и 81 ж.). Шалопуты и скопцы, въ противоположность раскольникамъ — безпоповцамъ, не выказываютъ къ православному населенію никакой непріязни, но ихъ лицемерное отношеніе къ православнымъ обрядамъ, посѣщеніе храмовъ и наружное выполненіе всѣхъ требованій церкви для отвода отъ себя подозрѣнія едва-ли не болѣе вредно открытой вражды. Это, повидимому, сознаетъ и православное населеніе, принимающее иногда мѣры для удаленія изъ своей среды послѣдователей этихъ сектъ. Такъ, жители хутора Ильинки, Кунянского уѣзда, не желая имѣть односельцами сектантовъ-шалопутовъ, представили въ отчетномъ году чрезъ миссіонера Сулима приговоръ съ ходатайствомъ о выселеніи ихъ въ другое мѣсто. Между тѣмъ къ раскольникамъ православное населеніе особенной вражды не выказываетъ, а въ Зміевскомъ уѣздѣ, въ с. Зарожномъ, расколучитель Андрей Монаковъ пользуется даже общимъ довѣріемъ.

Общее число раскольниковъ и сектантовъ возросло въ 1888 г. на 8,7%, но главная причина такого значительнаго прироста раскольническаго населенія лежитъ не въ распространеніи лжеученій среди православныхъ, а въ иммиграціи раскольниковъ изъ другихъ губерній. Такъ, изъ одного Валуйскаго уѣзда, Воронежской губ., переселилось въ отчетномъ году на хуторъ Демтярное, Изюмскаго уѣзда, 116 поповцевъ обоюбого пола. Этимъ переселеніемъ объясняется большое увеличеніе за истекшій годъ числа послѣдователей поповщины (мужчинъ болѣе чѣмъ на 39% и женщинъ болѣе 29%). Въ прочихъ сектахъ процентъ прироста несравненно менѣе, особенно въ сектахъ вредныхъ: число шалопутовъ и скопцовъ увеличилось всего на 2 муж. и 9 женщинъ.

Что касается территоріальнаго распредѣленія раскольническаго и сектантскаго населенія, то лишь въ трехъ уѣздахъ губерніи — Лебединскомъ, Валковскомъ и Ахтырскомъ — раскольниковъ не числится вовсе. Послѣдователи поповщинскаго толка (пріемлющіе священство австрійскаго поставленія) находятся главнымъ образомъ въ уѣздахъ Старобѣльскомъ (561) и Купянскомъ (428); приз-

нающіе бракъ безпоповцы — въ Зміевскомъ (1052), Купянскомъ (723) и Харьковскомъ (666); безпоповцы, не приѣмлющіе брака и не молящіеся за Царя, исключительно принадлежатъ Волчанскому уѣзду, гдѣ преимущественно сосредоточиваются въ с. Грачевѣ и хут. Щеляковкѣ—единственныхъ въ губерніи селеніяхъ, въ которыхъ православные составляютъ меньшую часть жителей. Самое большое число раскольниковъ падаетъ на Волчанскій уѣздъ (1,830), затѣмъ Купянскій (1,270) и Зміевскій (1,056). Сektанты, по свѣдѣніямъ Харьковской духовной консисторіи, числятся въ двухъ уѣздахъ—Купянскомъ (110) и Богодуховскомъ (31). Впрочемъ, нѣкоторые признаки сектантскаго движенія стали проявляться и въ другихъ мѣстахъ губерніи. Такъ, изъ донесенія настоятеля Харьковской Преображенской церкви оказывается, что въ приходѣ его появились, повидимому, штундисты, отвергающіе церковь, ея ученіе и обряды; въ слоб. Островерховкѣ, Харьковскаго уѣзда, по свѣдѣніямъ мѣстнаго священника, явились шалопуты. Вліяніе этихъ сектантовъ отражается не только на близъ-лежація селенія Артемовку и хуторъ Тимченковъ, но переходитъ даже предѣлы смежнаго Валковскаго уѣзда. Однимъ изъ благочинныхъ этого уѣзда было донесено о появленіи въ слоб. Снѣжковомъ Кутѣ родственной шалопутамъ секты скопцовъ. Хотя произведенное со стороны гражданской власти слѣдствіе и не обнаружило именно скопчества, но существованіе зачатковъ какой то секты подтвердилось.

Средствами борьбы съ расколомъ и сектантствомъ со стороны православнаго духовенства и миссіонеровъ служатъ единственно увѣщанія и собесѣдованія, а также школы, вліяніе которыхъ особенно замѣтно на подростящемъ поколѣніи. Собесѣдованія не имѣютъ такого успѣха, что объясняется главнымъ образомъ уклоненіемъ отъ нихъ раскольниковъ и сектантовъ. Вообще-же незначительность числа раскольниковъ въ Харьковской губерніи, ихъ разбросанность, взаимная вражда, принадлежность не къ коренному малороссійскому населенію, отдаленность отъ крупныхъ центровъ раскольническаго движенія и почитаемыхъ ими святыхъ—все это дѣлаетъ успѣшную борьбу съ расколомъ вполне возможной и подаетъ надежду на его искорененіе съ теченіемъ времени.

— 30 іюня телеграфъ принесъ скорбное извѣстіе о скоропостижной смерти бывшаго профессора кievскаго университета св. Владиміра, д-ра философскихъ наукъ Сильвестра Сильвестровича Гогоцкаго. С. С. Гогоцкій принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ и солиднѣйшихъ русскихъ ученыхъ.

Покойный родился въ 1813 г., на югѣ Россіи. Богато-одаренный отъ природы, замѣчательно энергическій, трудолюбивый, С. С. Гогоцкій, по окончаніи университетскаго образованія, въ 1830 г. слушалъ лекціи въ нѣсколькихъ иностранныхъ университетахъ, съ особенною тщательностью изучая новѣйшую германскую философію, блестящій періодъ которой закончился Гегелемъ. Въ 1840 годахъ С. С. Гогоцкій, будучи уже профес. философіи, напечаталъ въ специальныхъ и общихъ журналахъ нѣсколько капитальныхъ статей и очерковъ по философіи. Въ свое время вполне заслуженно обратила на себя вниманіе статья Гогоцкаго «о характерѣ философіи среднихъ вѣковъ», напечатанная въ «Современникѣ» 1849 г. и впоследствии переработанная въ отдѣльный очеркъ. После ряда статей и отдѣльныхъ трактатовъ по различнымъ отраслямъ философіи С. С. Гогоцкій, состоя ординарнымъ профессоромъ въ университетѣ св. Владиміра, съ начала 1850 годовъ, приступилъ къ самому капитальному своему труду, — составленію «философскаго лексикона». Этотъ обширный и отлично исполненный трудъ составилъ его автору почтенное имя не только въ Россіи, но и за границею. С. С. Гогоцкій посвятилъ ему около 20 лѣтъ лучшей поры своей жизни. «Философскій лексиконъ» состоитъ изъ 4-хъ объемистыхъ томовъ, печатавшихся въ теченіе 1854—1873 гг. въ С.-Петербургѣ и въ Кіевѣ. По «философскому лексикону» Гогоцкаго обучалось философіи нѣсколько поколѣній. Въ университетахъ, въ бывшемъ педагогическомъ институтѣ, въ историко-филологическихъ институтахъ, въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ по «лексикону» Гогоцкаго составлялись курсы и обзоры философскихъ ученій излагались, съ каедръ и въ запискахъ преподавателей, ученія отдѣльныхъ философовъ, философскихъ школъ и т. п. Словомъ, нѣсколько десятилѣтій «философскій лексиконъ» служилъ и, отчасти, до сихъ поръ продолжаетъ служить необходимымъ учебнымъ пособіемъ и лучшимъ источникомъ на русскомъ языкѣ по вопросамъ философіи, этики и т. п.

Въ концѣ 1870 годовъ С. С. Гогоцкій вышелъ въ отставку и скромно доживалъ свой вѣкъ въ г. Кіевѣ. До самой смерти онъ не переставалъ живо интересоваться философіею, искренно радуясь послѣднимъ успѣхамъ ея въ Россіи.

— «Моск. Вѣд.» говорятъ, что 13 іюня текущаго года, почти непримѣтно совершилось въ Петербургѣ скромное торжество, которымъ отпраздновано пятилѣтіе новой жизни одного изъ старѣйшихъ и полезнѣйшихъ учрежденій на Руси—церковно-приходской

школы. Въ этотъ день Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ, вѣдающій дѣла церковно-приходскихъ школъ, имѣлъ первое засѣданіе подѣ руководствомъ вновь назначеннаго предсѣдателя, присутствующаго въ Синодѣ преосвященнаго епископа Германа. По докладѣ текущихъ дѣлъ, предсѣдатель и члены Совѣта въ полномъ составѣ отправились въ Исаакіевскій соборъ, въ которомъ совершалась поздняя литургія. По окончаніи литургіи, преосвященный Германъ, въ сослуженіи четырехъ протоіереевъ и при участіи исаакіевскихъ пѣвчихъ, совершилъ благодарственное Господу Богу молебствіе, предѣ началомъ коего членъ Училищнаго Совѣта, кафедральный протоіерей Смирновъ, по благословенію владыки, объяснилъ оставшимся послѣ литургіи богомольцамъ причину и цѣль сего благодарственнаго молебствія, и народъ принялъ въ немъ живое и сердечное участіе. По совершеніи священнодѣйствія выражено и единодушно принято было членами Совѣта желаніе—каждый годъ въ этотъ день собираться и приносить Господу благодареніе и моленіе о благословеніи и помощи церковно-приходской школъ.

Эта школа знаменуетъ собою рѣшительный нравственный поворотъ нашего общества на историческій народно-церковный путь, единственно безопасный и вѣрный, издавна родной и милый русскому человѣку. Явилась церковная школа почти безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, лишь съ надеждой на помощь Божию и съ искреннимъ желаніемъ принести посильную пользу духовному развитію народа, жаждущаго свѣта и религіознаго утѣшенія.

Прошло всего пять лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ Державною волей за частною церковною школою признано значеніе учрежденія государственнаго, и вотъ что вышло,

Къ началу 1884 года отъ двухъ съ половиной десятковъ тысячъ открытыхъ духовенствомъ въ 60-хъ годахъ церковныхъ школъ и школокъ оставалось три тысячи съ небольшимъ школъ грамоты, преимущественно въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ.

		Церковно-прих. школы.	Школы грамоты.
Въ 188 ⁴ / ₅	учебн. году было	6.714	840
> 188 ⁵ / ₆	> > >	5.670	3.301
> 188 ⁶ / ₇	> > >	6.899	6.168
> 188 ⁷ / ₈	> > >	7.669	7.569

Одновременно съ этимъ росло и число учащихъся и увеличивались средства содержанія церковныхъ школъ.

	Учащихся.
Такъ въ 188 ⁴ / ₅ было	153.995
» 188 ⁵ / ₆ »	238.663
» 188 ⁶ / ₇ »	389.033
» 188 ⁷ / ₈ »	397.460

Въ первый годъ своего гражданскаго бытія церковная школа имѣла на свое содержаніе 55.500 р., отпущенныхъ изъ суммъ Государственнаго Казначейства. Но къ этой суммѣ духовенство, народъ и общество прибавили 500.000 руб.

Въ 1886 изъ суммъ Государственнаго Казначейства постановлено ежегодно отпускать въ пособіе церковнымъ школамъ по 120.000 р.,—что, вмѣстѣ съ 55.500 прежнихъ, составляетъ ежегодное пособіе казны во 175.500 р.

Въ 1887 году Государственный Совѣтъ, по ходатайству оберъ-прокурора Св. Синода, внесъ въ смѣту губернскаго земскаго сбора въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, по 10 т. р. въ пособіе церковнымъ школамъ помянутыхъ губерній и областей Сибири—всего 162.000 р. ежегодно. Такимъ образомъ въ настоящее время общая сумма ежегоднаго правительственнаго пособія церковнымъ школамъ составляетъ 337.500 руб., въ пять разъ болѣе бывшей въ 1884 году.

Общая средства на церковную школу въ 1887—88 году достигаютъ до 1.335.164 р.

Милліонъ дали духовенство, народъ, общество—вдвое противъ 1884 года. Это народная дань русско-православной идеѣ.

Церковная школа получила за это время всѣ права государственной начальной школы, начиная отъ производства экзаменовъ на льготу по воинской повинности въ экзаменаціонныхъ коммисіяхъ духовнаго вѣдомства и кончая Высочайше дарованнымъ правомъ духовнымъ семинаріямъ, училищамъ и епархіальнымъ жещскимъ училищамъ производить испытанія на званіе учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ, коимъ присвоены всѣ права и преимущества начальныхъ народныхъ учителей Министерства Народнаго Просвѣщенія. Выработаны и утверждены Святѣйшимъ Синодомъ программы для церковно-приходскихъ школъ, представляющія первый и весьма удачный опытъ общаго педагогическаго руководства для всѣхъ начальныхъ школъ Имперіи. Выработаны и распространены въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ учебныя синодальныя изданія Часослова, Октоиха, Псалтири. Обращено особое вниманіе на церковное пѣніе въ школахъ, и выработано и из-

дано Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ прекрасное руководство для этой цѣли. Для предоставленія школамъ и народу большаго удобства приобрѣтать означенныя и другія полезныя книги, учреждаются епархіальные книжные склады, отдѣленія коихъ открываются при тѣхъ приходскихъ церквахъ, вон пожелаютъ.

Церковная школа сама по себѣ есть только *одно* изъ могучихъ средствъ церковно-религіознаго просвѣщенія. Но благодаря ей возникновенію—улучшается церковное пѣніе и чтеніе въ храмахъ, составляющихъ для народа нашего высшую духовную школу. Чѣмъ благолѣпнѣе и вразумительнѣе церковное служеніе, чѣмъ болѣе подготовленъ народъ къ его пониманію, тѣмъ сильнѣй воздѣйствуетъ оно на душу молящихся.

Церковная школа вызываетъ къ жизни и церковную бібліотеку, и внѣ богослужебныя бесѣды, и народныя чтенія, подготовляетъ въ средѣ народа твердыхъ защитниковъ православія, служитъ зерномъ и зачаткомъ будущей широкой приходской жизни, дѣлаетъ ученье подвигомъ христіанскаго благочестія, предметомъ святымъ и божественнымъ... А чрезъ все это приходскій священникъ становится въ новыя учительскія отношенія къ прихожанамъ, становится дѣйствительно духовнымъ отцемъ и воспитателемъ подрастающихъ поколѣній, охранителемъ и оберегателемъ православія. У такого учительнаго пастыря не заведется штунда или шалопутство,—волки въ овечьей шкурѣ, если и придутъ, то не расхитятъ его стадо, послушное съ дѣтства знакомому голосу...

— 16 іюля, въ кафедральномъ Христа Спасителя Соборѣ въ Москвѣ совершенно владыкою митрополитомъ посвященіе іеромонаха Рафаила, сирійца родомъ, въ санъ архимандрита. Распоряженіемъ патріарха Антіохійскаго блаженнѣйшаго Герасима, отецъ архимандритъ Рафаиль назначенъ настоятелемъ Антіохійскаго патріаршаго подворья въ Москвѣ, которое почти два года оставалось безъ настоятеля (замѣстителемъ былъ іеромонахъ изъ Спасо-Андроніевскаго монастыря). Новопосвященный архимандритъ Рафаиль родился въ Дамаскѣ, въ Сиріи; получивъ воспитаніе въ Константинопольскомъ Халькійскомъ духовномъ училищѣ, онъ рукоположенъ былъ во іеродіакона и отправился на родину въ Дамаскъ, гдѣ два года былъ проповѣдникомъ при патріархатѣ. Затѣмъ по ходатайству блаженнѣйшаго патріарха Герасима предъ Всероссійскимъ Святѣйшимъ Синодомъ отецъ Рафаиль принятъ былъ въ Кіевскую духовную академію, но прошелъ только первый курсъ, такъ какъ патріархъ нашелъ удобнымъ пазначить его, не дожи-

даясь окончанія курса, настоятелемъ Антиохійскаго подворья въ Москвѣ. Исполняя волю патріарха, онъ принялъ въ Кіевѣ посвященіе во іеромонаха, которое совершено было, по благословенію высокопреосвященнѣйшаго митрополита Платона, ректоромъ Кіевской академіи епископомъ Сильвестромъ, и затѣмъ выбылъ въ Москву, куда вслѣдъ затѣмъ послѣдовала просьба патріарха ко владыкѣ митрополиту Іоанникію совершить посвященіе отца Рафаила во архимандрита.

Возведеніе отца Рафаила въ санъ архимандрита совершено было по чину, во время малаго выхода. Съ установленнымъ обрядомъ двумя поясными и земнымъ поклонами приблизился новопоставляемый во архимандрита къ архіерейскому возвышенію. Владыка митрополитъ, снявъ съ себя митру и возложивъ руки на главу іеромонаха Рафаила, прочелъ установленную молитву, послѣ коей отецъ Рафаиль облаченъ былъ въ знаки архимандритскаго сана: митру, архимандритскій крестъ и палицу, и затѣмъ былъ сослужающимъ при дальнѣйшемъ совершеніи владыкою митрополитомъ литургіи, вмѣстѣ съ кафедральнымъ протоіереемъ А. И. Соколовымъ и прочимъ мѣстнымъ духовенствомъ.

— Кіевскія газеты сообщаютъ, что одинъ изъ окончившихъ въ этомъ году Кіевское реальное училище, молодой человекъ, дворянинъ М. Алексѣевъ заявилъ духовному начальству о желаніи поступить сначала въ послѣдніе два класса семинаріи (ради древнихъ языковъ), а потомъ въ духовную академію, въ надеждѣ получить санъ священника. Юноша началъ уже приготовляться къ экзамену. Это уже второй случай поступленія изъ Кіевского реального училища въ духовную академію. Первымъ въ этомъ отношеніи былъ В. Ермаковъ, тоже изъ дворянъ, нынѣ о. Михайлъ, окончившій полный курсъ академіи съ ученой степенью кандидата богословскихъ наукъ и состоящій инспекторомъ Орловской духовной семинаріи.

— Кіевскимъ Епарх. Учл. Совѣтомъ, въ виду недостатка хорошо подготовленныхъ учителей церковно-приходскихъ со среднимъ образованіемъ, проектировано учредить въ каждомъ уѣздѣ по одной двухклассной церковно-учительской школѣ съ введеніемъ въ преподаваніе сокращенной дидактики и регентскаго курса, а также уроковъ пчеловодства, садоводства и огородничества. Въ эти школы поступаютъ лучшіе изъ учениковъ, окончившихъ курсъ ученія въ одноклассныхъ церк. школахъ и, прошедши двухгодичный курсъ, соответствующій второму классу церковной школы, остаются еще

на одинъ годъ для упражненій въ пѣніи, управленіи хоромъ, письмѣ и для практическаго знакомства съ методикою обученія. Средства для содержанія каждой церковно-учительской школы составляются изъ 200 р., отпускаемыхъ мѣстнымъ сельскимъ обществомъ, и 400 р., ежегоднаго пособія изъ суммы, отпускаемой на этотъ предметъ училищнымъ при Св. Синодѣ Совѣтомъ.

— Въ Каменцѣ-Подольскѣ, по мысли пресвященнаго Доната, епископа подольскаго и брацлавскаго, составилось общество, цѣль котораго заключается въ томъ, чтобы поднять въ средѣ мѣстныхъ жителей религіозное образованіе въ духѣ православія и русской народности, а также защитить православное ученіе отъ вреднаго вліянія на общество нѣкоторыхъ свѣтскихъ писателей вродѣ графа Л. Н. Толстого и др. Въ составъ общества вошли главнымъ образомъ преподаватели духовно-учебныхъ заведеній. Членами общества, въ присутствіи преосвященнаго, ведутся публичныя чтенія, по выработанной заранее совѣтомъ общества программѣ. Публика не только простая, но и интеллигентная относится съ глубокимъ интересомъ къ этимъ чтеніямъ и число желающихъ слушать ихъ такъ велико, что находящіяся въ распоряженіи общества довольно помѣстительныя залы оказываются тѣсными.

— Значительное развитіе сектантства въ Херсонской губерніи и вообще на югѣ Россіи, начиная съ Черниговской губерніи, вызвало мысль объ учрежденіи въ этой мѣстности миссіонерской школы, которую предполагается организовать въ Херсонѣ или Одессѣ. Въ настоящее время проектъ устройства такой школы уже поступилъ на разсмотрѣніе училищнаго совѣта при Св. Синодѣ. Весьма существенное отличіе этой школы отъ другихъ миссіонерскихъ школъ состоитъ въ томъ, что будущихъ воспитанниковъ ея предполагается приготовить также къ занятію учительскихъ мѣстъ въ церковно-приходскихъ школахъ, такъ что миссіонерская школа будетъ въ то же время и своего рода учительскою семинаріей.

— Бывшій начальникъ русской духовной миссіи въ Абиссиніи, архимандритъ Пансіи, назначенъ помощникомъ эконома Александро-Невской лавры. Назначеніе это утверждено высокопреосвященнымъ митрополитомъ Исидоромъ. О. Пансіи избранъ на эту должность, какъ извѣстный, опытный строитель Пантелеймоновскаго подворья въ Царьградѣ—огромнаго пяти-этажнаго страннопріимнаго для русскихъ паломниковъ дома.

— По словамъ «Новаго Времени», въ непродолжительномъ времени въ прибалтійскихъ губерніяхъ будутъ введены русскія нап-

менованія православныхъ приходоѡ. Духовное начальство Рижской епархіи обратило особенное вниманіе на такъ-называемыхъ «полувѣрцевъ», число которыхъ весьма значительно во всемъ Прибалтійскомъ краѣ и въ Эстляндіи особенно. Несомнѣнно принадлежа къ русскимъ православнымъ переселенцамъ и нося русскія имена, люди эти забыли родной языкъ и одинаково исполняютъ какъ православные, такъ и лютеранскіе обряды. Въ настоящее время значительное число полувѣрцевъ поручено опытнымъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ священникамъ.

— Состоявшимся недавно распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ воспрещено, по сообщенію «Рижск. Вѣстн.», устраивать въ Прибалтійскомъ краѣ лютеранскія миссіонерскія празднества, а также производить сборы для миссіонерскихъ цѣлей и отсылать собранныя при этомъ деньги за границу.

— Въ виду открывшагося въ Курляндской губер., въ Тальсенскомъ уѣздѣ, сектантскаго движенія направленаго противъ православной церкви, Св. Синодомъ, какъ передаетъ «Виленскій Вѣстникъ», во избѣжаніе усиленія появившейся ереси, подъ руководствомъ мѣстнаго вожака Зоммера, сдѣлано надлежащее распоряженіе о разслѣдованіи этого дѣла на мѣстѣ. Въ сектѣ, говорятъ, практикуется жертвоприношеніе. Мѣстный прокурорскій надзоръ обратилъ уже вниманіе на эти неистовства, и пророкъ секты Земмеръ арестованъ. Особенно сильное движеніе сектантовъ замѣчено въ Руменской волости вышеупомянутаго уѣзда.

— Изъ Або сообщаютъ, что тамъ настоятель мѣстнаго православнаго собора, отецъ Казанскій, совершаетъ богослуженіе на финскомъ и шведскомъ языкахъ для тѣхъ русскихъ, которые родились въ Финляндіи и совсѣмъ позабыли свой родной (русскій) языкъ. Для этихъ русскихъ Евангеліе также читается на шведскомъ и финскомъ языкахъ. Хороши русскіе!

— По примѣру петербургскихъ торговцевъ во многихъ городахъ Россіи теперь самими лавковладѣльцами подписываются постановленія о введеніи воскреснаго отдыха для служащихъ и подаются петиціи администраціи о современномъ запрещеніи воскресной торговли.

Въ Казани 180 торговцевъ подаютъ заявленіе мѣстному губернатору о желаніи закрывать магазины по праздникамъ; въ Астрахани ту же мысль поднимаютъ приказчики и находятъ сочувственный отзывъ со стороны хозяевъ.

Указывая на такіе факты по адресу московской городской думы,

та же газета замѣчаетъ, что они несомнѣнно свидѣтельствуютъ о справедливости положенія, что при разумномъ отношеніи къ своимъ собственнымъ интересамъ, торговцы должны придти къ заключенію, что имъ слѣдуетъ уступить желанію своихъ служащихъ. Необходимымъ условіемъ прочности всякихъ мѣръ, ограничивающихъ торговлю, является, однако, обязательность ихъ для всей торговли. Въ виду этого надобно ожидать удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса не отъ доброй воли, напримѣръ, московскаго купечества, до сихъ поръ, впрочемъ, еще не послѣдовавшаго примѣру купечества другихъ городовъ, а отъ городского управленія, которому упорядоченіе торговли предоставлено закономъ и на обязанности котораго лежитъ огражденіе интересовъ всего городского населенія.

— Въ Петербургъ съѣхались учителя и учительницы церковно-приходскихъ школъ Петербургской губерніи, чтобы пройти курсъ церковнаго пѣнія и ознакомиться въ самыхъ разнообразнѣйшихъ видахъ пѣснопѣній съ древнѣйшими православными русскими церковными напѣвами. Слушатели и слушательницы этихъ временныхъ курсовъ получаютъ бесплатно столъ и квартиру, первые въ мужскомъ духовномъ Александро-Невскомъ училищѣ, вторыя—въ женскомъ епархіальномъ. Занятія продолжаются съ 9 часовъ утра до 3 часовъ дня. Кромѣ занятій пѣніемъ, устроители курсовъ пользуются съѣздомъ учителей и учительницъ и для другихъ учебно-воспитательныхъ цѣлей. Между прочимъ, они совершаютъ теперь эскурсіи съ научною цѣлью въ различныя художественныя и научныя учрежденія столицы.

— 12-го іюня, въ городѣ Немировѣ, подольской губ., открылись курсы церковно-приходскихъ учителей. Всѣхъ слушателей въ настоящее время 43 человекъ. Занятія раздѣлены на теоретическія и практическія. Для послѣднихъ устроена образцовая школа съ 2-мя отдѣленіями, соответствующими первому и третьему году обученія въ церковно-приходскихъ школахъ. Теоретическія бесѣды происходятъ вечеромъ, въ формѣ катехизической, т. е. въ видѣ вопросовъ руководителя и отвѣтовъ учителей по методикѣ русскаго языка и арифметикѣ. Вечеромъ происходитъ разборъ уроковъ въ образцовой школѣ. Въ число предметовъ входитъ также преподаваніе пѣнія и гимнастики.

— Преосвященнымъ епископомъ Ставропольскимъ и Екатеринодарскимъ Владиміромъ присоединены въ православіе черезъ св. крещеніе 52 человекъ калмыковъ. Для означенной цѣли епископъ Владиміръ нарочито выѣзжалъ въ селеніе Яшалты (новогриторь-

евскаго уѣзда, ставроп. губ.), отстоящее отъ г. Ставрополя на разстояніи около 180 верстѣ, гдѣ и былъ произведенъ имъ обрядъ присоединенія въ православіе. Всѣ обращенные въ христіанство калмыки имѣютъ свою ставку на разстояніи двухъ—трехъ верстѣ отъ сел. Яшалты, гдѣ онѣ будутъ жить и образуютъ селеніе на правахъ, дарованныхъ крестьянамъ ставропольской губерніи. По обращеніи означенныхъ калмыковъ въ христіанство, у мѣстнаго священника, о. Штепенко явилась мысль создать въ этомъ селеніи школу, гдѣ-бы дѣти обращенныхъ въ христіанство калмыковъ, научившись грамотѣ, могли-бы окрѣпнуть въ православіи и проникнуться духомъ св. нашей церкви. Но такъ-какъ самое селеніе Яшалты представляетъ изъ себя бѣдный поселокъ въ 100 домовъ, то осуществить свою мысль на средства общества священникъ Штепенко не нашелъ возможнымъ, а потому онъ вступилъ въ переговоры съ проживающей здѣсь учительницей Ольгой Ефимовой, которая имѣетъ въ Яшалтахъ частную школу. Школа г-жи Ефимовой помѣщается въ ея собственной избѣ и состоитъ изъ 47-ми человѣкъ дѣтей. Большаго количества изба эта не можетъ вмѣстить, да, кромѣ того, она вовсе не приспособлена для училища и представляетъ изъ себя маленькую, сырую и холодную зимой комнату; вся-же обстановка этой школы заключается въ нѣсколькихъ простыхъ столахъ; а между тѣмъ, около десятка дѣтей калмыковъ пожелали уже учиться. Переговоривши съ г-жей Ефимовой, крестной матерью нѣсколькихъ обращенныхъ въ христіанство калмыковъ, священникъ Штепенко рѣшилъ обратиться къ епископу Владиміру съ просьбой—разрѣшить произвести по губерніи подписку на постройку въ селеніи Яшалты зданія для школы, такъ-какъ въ этомъ селеніи нѣтъ ни одного хотя нѣсколько подходящаго для школы помѣщенія, причемъ сборъ пожертвованій священникъ просилъ поручить г-жѣ Ефимовой. Епископъ Владиміръ благословилъ сборъ пожертвованій на означенный предметъ.

— Тяжелое время приходится переживать православію въ Новороссійскомъ краѣ: на него открыто возстаетъ не только сектантство и расколъ, но и магометанство. Такъ, недавно въ Ростовѣ на-Дону на собесѣдованіе о вѣрѣ мѣстнаго православнаго миссіонера явился мулла Ростовскій Магометъ-Загиръ-Бигѣевъ и горячо спорилъ съ нимъ, защищая коранъ.

— Но въ Закавказскомъ краѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, въ настоящемъ году стали учащаться случаи обращенія въ православіе и сектантовъ, и пновѣрцевъ. Такъ, на дняхъ, въ тифлисской гре-

ческой церкви, былъ совершенъ обрядъ крещенія надъ турчанкой съ шестью ея дѣтьми. Эта турчанка нѣсколько времени тому назадъ лишилась мужа и осталась съ многочисленною семьею безъ всякихъ средствъ къ существованію, и ее съ семьею поддерживала все время сообща тифлисская греческая колонія. Наконецъ, турчанка, желая отблагодарить своихъ благодѣтелей, рѣшила креститься съ дѣтьми въ православіе, дабы единствомъ религіи скрѣпить еще болѣе установившуюся уже нравственную связь съ ними.

— Недавно въ Одессѣ, — какъ сообщаетъ «Новорос. Телеграфъ», — инспекторъ типографій и т. п. заведеній С. И. Плаксинъ конфисковалъ въ типографіи Фесенко 5,000 брошюръ: «Три сказки» Льва Толстого: «Много ли человѣку земли нужно», «Зерно съ куриное яйцо», и «Какъ чертенокъ краюшку выкупалъ». На брошюрѣ хотя и напечатано «Дозволено цензурою, Одесса, 24 сентября 1888 года», но оказалось, что г. Фесенко разрѣшенія печатать ихъ не получилъ. Противъ г. Фесенко возбуждено уголовное преслѣдованіе по 1024 ст. улож. о нак. и дѣло передано судебному слѣдователю.

— Аристовская секта, по словамъ «Церк. Вѣстн.», выродилась изъ безпоповщинской секты еедосѣвцевъ, но будучи сходна съ нею въ основныхъ началахъ своего ученія, аристовщина имѣетъ свои особенности, которыя характеризуютъ ее, какъ особую отличную отъ еедосѣвщины, секту.

Аристовщина возникла въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Основателемъ ея былъ с.-петербургскій купецъ Василій Кузьминъ Аристовъ (р. 1763 г. у. 1819 г.). Сначала Аристовъ былъ ревностнымъ послѣдователемъ еедосѣвскаго толка. Его любовь къ чтенію и книгамъ, на приобрѣтеніе которыхъ онъ не щадилъ средствъ, обширная начитанность и строгость его жизни обращали на него взоры его единовѣрцевъ, которые любили его за его благочестивый образъ жизни и за его благотворительность, потому что онъ былъ очень богатый человѣкъ. Но при этомъ Аристовъ былъ человѣкъ очень самостоятельный, не любившій преклоняться предъ авторитетомъ и готовый даже ерптически отнестись къ ученію представителей той секты, къ которой онъ самъ принадлежалъ. Какъ страшный фанатикъ въ раскольническомъ духѣ, глубоко проникнутый началами раскола, онъ съ недовольствомъ смотрѣлъ на нѣкоторыя послабленія въ первоначальныхъ постановленіяхъ секты еедосѣвцевъ.

Въ 1800 году онъ подвергъ самому строгому обсужденію два вопроса еедосѣвскаго толка. Это вопросы — первый о бракѣ, второй

объ отношеніи еедосѣвцевъ ко властямъ. Аристовъ рѣшилъ эти вопросы не согласно съ ученіемъ еедосѣвцевъ. Извѣстно, что у еедосѣвцевъ брачная жизнь была терпима въ ихъ обществѣ; они не воспрещали быть въ брачномъ сожитіи даже и тѣмъ, которые до вступленія въ ихъ общество были обвиняемы въ ненавистной имъ Церкви православной. Аристовъ, возставши противъ этого еедосѣвскаго пункта ученія, зашелъ слишкомъ далеко, признавши заключеніе браковъ совершенно не нужнымъ и предоставивъ отношеніе мужчины къ женщинѣ на произволъ каждаго. Такое воззрѣніе на бракъ Аристовъ заимствовалъ изъ сочиненія Никиты Спицына, московскаго мѣщанина филипповскаго толка. Этотъ Спицынъ былъ страшнымъ врагомъ брачной жизни. Проповѣдуя «общеженство», онъ ужасно ненавидѣлъ бракъ и, въ пылу изувѣрства, дѣтей рожденныхъ отъ брачующихся называлъ щенятами, дьяволятами. По словамъ П. О. Любопытнаго, это былъ «непотребный учитель разврата и мерзости», «смердный отрывокъ древней цинической секты и выжимокъ безстыдныхъ николаитовъ». Самымъ ревностнымъ послѣдователемъ Спицына сдѣлался Аристовъ.

Коснувшись второго вопроса объ отношеніи еедосѣвцевъ къ властямъ, Аристовъ рѣшилъ его въ томъ смыслѣ, что всякое отношеніе къ свѣтской власти, какъ, по его мнѣнію, еретическую и служащую антихристу—не законно. Вслѣдствіе сего истинный христіанинъ, по мнѣнію Аристова, долженъ избѣгать распоряженій власти и не относиться къ ней ни въ какомъ случаѣ.

Самыми дѣятельными сотрудниками Аристова въ основаніи новой секты были петербургскіе купцы Василій Чепуринъ и Алексѣй Бумажниковъ, принадлежавшіе также къ еедосѣвскому толку. Когда Аристовъ, при помощи Чепурина и Бумажникова, началъ распространять новое ученіе, еедосѣвцы удалили ихъ изъ своего общества, обличали ихъ заблужденія и сочли еретиками. Наконецъ въ 1810 году Аристовъ и его приверженцы разорвали всякое общеніе съ еедосѣвцами и основали свою общину, извѣстную подъ именемъ *аристовщины*.

Аристовъ ревностно распространялъ свое ученіе до самой смерти въ 1819 г., оставивъ основанную имъ секту вполне обезпеченною для дальнѣйшаго существованія. Преимущественнымъ мѣстомъ распространенія аристовщины служатъ сѣверныя губерніи, особенно олонецкій и петрозаводскій уѣзды олонецкой губерніи.

Объ образѣ жизни и обрядности аристовцевъ нужно замѣтить, что не смотря на свободныя отношенія половъ, вслѣдствіе уничто-

женія брака, мужчины и женщины у нихъ держатъ себя другъ отъ друга далеко: они не ѣдятъ и не пьютъ вмѣстѣ. Каждый изъ аристовцевъ имѣетъ при себѣ створчатый мѣдный образокъ, предъ которымъ только и молится. Другихъ иконъ аристовцы не принимаютъ. Молятся они порознь и только изрѣдка собираются для общественныхъ молитвословій. Клятвы они не употребляютъ. Военская служба, какъ не свойственная христіанину, которому заповѣдана любовь къ врагамъ—у нихъ считается смертнымъ грѣхомъ. Аристовцы—одни единственные предстанутъ предъ страшнаго Судію, безъ суда и распроса пойдутъ въ вѣчныя блаженныя обители, слѣдовательно объ умершихъ въ ихъ сектѣ плакать—значитъ тоже, что не желать ближнему добра. А потому никакихъ моленій объ умершихъ у аристовцевъ не существуетъ.

— 1-го іюня сего 1889 года въ сл. Пожнѣ, Ахтырскаго уѣзда, Харьковской епархіи, съ довольно характерными особенностями было отпраздновано тридцатипятилѣтіе служенія священника о. Николая Яковлева.

О. Николай въ санѣ священника прослужилъ 35 лѣтъ въ одномъ и томъ-же приходѣ с. Пожнѣ и за это время свыкъся съ прихожанами, какъ съ своей родной семьей, заслуживъ отъ нихъ полное довѣріе, уваженіе и любовь. Въ благодарность Промыслу Божію, хранившему его въ теченіи этого времени въ здравіи и благополучіи, о. Николай пожелалъ ознаменовать этотъ день и пригласилъ окружающихъ собратьевъ священниковъ, дабы совмѣстно помолиться Господу Богу и возблагодарить Его за Его милости. Узнавъ объ этомъ, прихожане съ своей стороны пожелали также поблагодарить Бога за долговременную и полезную службу въ ихъ приходѣ любимаго пастыря и выразить послѣднему свою признательность. Еще наканунѣ торжества всѣ прихожане согласились праздновать день 1 іюня, быть въ этотъ день въ церкви и просить своего «батюшку», по отслуженіи Божественной литургіи, отслужить на площадѣ, близъ церкви, благодарный молебенъ.

На означенное торжество 1-го іюня явилось десять сосѣднихъ священниковъ. По отслуженіи Божественной литургіи, за которою былъ переполненъ храмъ молящимися прихожанами, присутствующіе іерей во главѣ съ о. Николаемъ крестнымъ ходомъ вышли изъ храма и остановились вблизи церкви, на площади, у стола, приготовленнаго для сего прихожанами. Глазамъ присутствующихъ здѣсь представилась пріятная картина. Вокругъ стола изъ живыхъ деревьевъ и разной зелени въ видѣ полукруга устроенъ былъ

прихожанами небольшой павильонъ, по среднѣ котораго на двухъ высокихъ деревянныхъ и, убранныхъ въ разнаго рода зелень и цвѣты, шестахъ красовался громаднаго размѣра, тоже изъ зелени и цвѣтовъ, круглый вензель съ надписью: «35-ти лѣтіе священника о. Николая Яковлева»; вся площадь была занята собравшимися прихожанами, которые стояли чинно и благоговѣнно; волостное и сельское начальство, при своихъ знакахъ, образовали цѣпь и тѣмъ предоставили удобство священнослужащимъ и сообщали еще болѣе красивый видъ картинѣ площади. По отслуженіи благодарнаго молебна, по чину, и по окропленіи св. водою всѣхъ прихожанъ, сельскимъ начальствомъ былъ впущенъ на площадь, окруженную цѣпью, среднихъ лѣтъ человекъ—прихожанинъ, который вѣжливо поклонился о. Николаю, развернулъ листъ бумаги, и громко, и выразительно прочиталъ ¹⁾:

«Многоуважаемый Батюшка нашъ!

Позвольте намъ, прихожанамъ вашимъ, въ торжественный день тридцати-пяти лѣтней службы вашей въ нашемъ приходѣ имѣть честь поздравить васъ и отъ имени всего прихода нашего выразить всю любовь и благодарность, какъ нашему молитвеннику и духовному отцу. До поступленія вашего въ нашъ приходъ у насъ существовало 3 языческихъ праздника, которые стараніями вашими уничтожены: 1) праздникъ купала, на который собиравшаяся молодежь производила разныя безчинства при пѣніи неприличныхъ пѣсенъ. А нынѣ молодежь умѣетъ пѣть Божественныя пѣсни. 2) Праздникъ кукушекъ, гдѣ собирались дѣвушки на складчину, устраивали не свойственный христіанамъ пиръ. Теперь-же собираютъ складчину и служатъ молебенъ Богу Всевышнему. 3) Раньше у насъ такъ поминали усопшихъ: вставши рано, до свѣта, наѣдались и напивались, думая кто посворѣе это сдѣлаетъ, тотъ больше принесетъ пользы умершимъ родителямъ. Теперь-же, благодаря вашему ученію, мы идемъ въ церковь для служенія панихидъ по усопшимъ и подаемъ на проскомидію. Мы видимъ васъ всегда первымъ нашимъ помощникомъ во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ, въ пожарахъ являетесь первымъ утѣшителемъ, въ болѣзни первымъ врачомъ. А потому беремъ во вниманіе понесенные вами труды для пользы нашихъ душъ въ знакъ нашей къ вамъ благодарности, имѣемъ честь поднести вамъ сей св. образъ Покрова Пресвятыя Богородицы, возлагая все упованіе на Господа, да сохранитъ васъ

¹⁾ Адресъ этотъ списанъ и во всемъ согласенъ съ подлинникомъ.

Господь со всею вашею паствою на многія лѣта». 1) Не успѣлъ прослезившійся о. Николай сказать въ отвѣтъ нѣсколько словъ, какъ снова подошли двѣ женщины прихожанки и поднесли ему хлѣбъ-соль съ словами: «батюшка, ты и намъ много сдѣлалъ добра, дай Богъ тебѣ еще долго, долго у насъ пожить! возьми отъ насъ, всѣхъ прихожанокъ въ знакъ нашей благодарности этотъ хлѣбъ». Потомъ мѣстными владѣльцами о. Николаю была поднесены тортъ и серебрянные нзящной работы ваза и стаканъ; затѣмъ, пожилая женщина, окруженная малолѣтними дѣтьми, поднесла на блюдѣ отъ имени малолѣтнихъ дѣтей двухъ замѣчательной бѣлизны птенцовъ (только лишь оперившіеся куры корольки), перевязанныхъ лентами и красиво усаженныхъ среди вѣнка изъ свѣжихъ листьевъ и цвѣтовъ; далѣе ученики церковно-приходской школы, которая находится въ домѣ же о. Николая и содержится на его средства, поднесли большой кружій изъ зелени вѣнокъ съ надписью по срединѣ: «отъ учениковъ церковно-приходской школы»; наконецъ, подошли шесть однообразно одѣтыхъ дѣвочекъ (это были ученицы мѣстнаго, частнаго пансіона), вѣжливо о. Николаю поклонились и хоромъ продекламировали составленные ими же стихи, гдѣ онѣ восхваляли о. Николая какъ хорошаго и добраго законоучителя и ласковаго отца.

Принявъ отъ всѣхъ выраженную признательность, о. Николай въ краткой рѣчи выразилъ всѣмъ прихожанамъ благодарность и пригласилъ ихъ въ свой садъ, гдѣ и предложилъ хлѣбъ-соль. Здѣсь тоже для каждаго посѣтителя выразились еще въ большей мѣрѣ эти добрыя и примѣрныя взаимныя отношенія пастыря съ пасомыми: здѣсь все было чинно и благоприлично, во всемъ прихожане проявляли радость, любовь, уваженіе и вниманіе къ своему пастырю. По окончаніи предложенной трапезы, любезно поблагодаривъ радушнаго хозяина, всѣ прихожане разошлись по своимъ домамъ.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

23 іюня 1889 года въ 3 часа по полудни, на 79 году своей жизни, въ сл. Ольшаной Харьковскаго уѣзда, скончался заштатный священникъ о. Стефанъ Гавриловичъ Стеллецкій.

1) На подлинномъ адресѣ за сѣмъ подписано: «уполномоченные отъ прихода: запасный унтеръ-офицеръ Стефанъ Хрестяшинъ и запасной рядовой Стефанъ Марининъ». Адресъ читалъ первый. Образъ былъ небольшой, въ серебрянной вышитоной ризѣ.

Покойный былъ сыномъ священника и родился въ 1811 году въ сл. Пань-Ивановкѣ Харьковскаго уѣзда. Оставшись рано сиротою, онъ только на 14 году своей жизни былъ опредѣленъ въ 1 классъ духовнаго училища, и лишь благодаря счастливой случайности окончилъ свое образование въ Харьковскомъ коллегіумѣ въ 1837 году.

По окончаніи курса ученія, о. Стефанъ рукоположенъ былъ во священника Преосвященнымъ Мелетіемъ къ Преображенской церкви села Ивановки, Ахтырскаго уѣзда, въ 1837 году 12 сент., а въ 1842 году Преосвященнымъ Иннокентіемъ перемѣщенъ былъ къ Васильевской церкви сл. Солдатскаго, Богодуховскаго уѣзда. Въ 1872 году, по разстроенному здоровью, онъ уволенъ былъ за штатъ.

О. Стефанъ обладалъ рѣдкими качествами души. Воспитанникъ старой семинарскаго школы, подъ вліяніемъ часто безвыходной и гнетущей нужды и бѣдности, онъ съ ранняго дѣтства развилъ въ себѣ черты глубокаго смиренія, терпѣнія и кротости, простиравшихся иногда до отрицанія собственныхъ правъ. Это была натура кроткая, покорная и благосердая. Спокойствіе, миръ и любовь, вотъ тѣ идеалы, которые покойный старался осуществить и въ своей семьѣ и среди посомыхъ.

Какъ человѣкъ кроткій, сострадательный и чуткій къ нуждамъ другихъ, о. Стефанъ безъ малѣйшаго промедленія спѣшилъ удовлетворить нужды своихъ посомыхъ не только духовныя, но по возможности и матеріальныя, и за это глубоко и искренно былъ любимъ всею своею паствою.

Скромный всегда и во всемъ, онъ слишкомъ далекъ былъ отъ исканія служебныхъ наградъ. За все время продолжительной службы своей онъ былъ награжденъ только набодренникомъ въ 1850 году и Синодальною скуфьею въ 1866 году; имѣлъ впрочемъ и наперсный бронзовый крестъ на Владимирской лентѣ въ память войны 1853—1856 годовъ. Лучшею же для себя наградою онъ считалъ назначеніе ему, по выходѣ на покой, пенсіи, безъ которой онъ, при своей крайней бѣдности, положительно не могъ существовать.

Смерть его, послѣ непродолжительной болѣзни, была для него вовсе не неожиданнымъ событіемъ, а желаннымъ успокоеніемъ отъ трудовъ жизни.

Незадолго до своей смерти о. Стефанъ сподобился спасительныхъ таинствъ Елеосвященія и Св. Причащенія, и умеръ исполненный глубокаго христіанскаго упованія.

По смерти его остались жена и три сына, изъ коихъ два состоятъ священниками и одинъ псаломщикомъ. Погребеніе его, при многочисленномъ стеченіи народа, 25 іюня, совершено было мѣстнымъ благочиннымъ въ сослуженіи трехъ священниковъ и одного діакона. При погребальномъ отпѣваніи о. Николай Житловъ почтилъ покойника сердечнымъ и назидательнымъ словомъ.

Миръ праху твоему, добрый и вѣрный служитель Господень!

Годъ III.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

Годъ III.

4 р.
за годъ
съ пересыл.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ
ЧТЕНІЯ ВЪ ХРИСТІАНСКОЙ СЕМЬѢ

2 р. 50 к.
за полгода
съ пересыл.

„ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ“

Адресъ редакціи: Москва, Кожевники, домъ Троицкой церкви.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

I. Литературный отдѣлъ. 1) *Церковь Христова въ ея прошломъ*. Очерки и разсказы изъ исторіи библейской, общей, русской церковной и гражданской. 2) *Церковь Христова въ ея настоящемъ*. Жизнеописанія служителей Христовой истины, воспоминанія о нихъ, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни. 3) *Христіанское Богослуженіе*. Исторія его и значеніе. 4) *Христіанское искусство*. Исторія его и современное состояніе. 5) *Церковная географія*. Путешествія, описанія святыхъ мѣстъ Востока и русскихъ святыхъ. 6) *Евангельская проповѣдь*. Подвиги проповѣдниковъ Евангелія на окраинахъ русской земли и за предѣлами оной. Описаніе быта, нравовъ и вѣрованій инородцевъ. 7) *Христіанская мысль*: вѣроученіе и правоученіе. Благодатныя явленія вѣры. *Естественное богословіе*. Духовно-правоучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. Духовныя размышленія, стихотворенія. 8) *Религіозно-нравственная ошибка* художественныхъ произведеній свѣтской литературы. 9) *Церковно-бытовая жизнь*: повѣсти, разсказы, дневники, записки, воспоминанія изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни. 10) *Извѣстія и замѣтки* о текущихъ явленіяхъ духовно-общественной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границей. 11) *Библиографія*. Новыя книги и журнальныя статьи съ критическими замѣчаніями на нихъ.

II. Иллюстраціи. 1) Изображенія Св. угодниковъ Божіихъ, виды Св. мѣстъ, обителей, храмовъ съ ихъ святынями, снимки съ иконъ и разныхъ предметовъ церковной утвари. 2) Портреты служителей христіанской истины, какъ прошлаго, такъ и настоящаго времени: преосвященныхъ архипастырей, пастырей церкви, подвижниковъ добродѣтели, дѣятелей христіанскаго просвѣщенія, миссіонеровъ и проч. Типы инородцевъ, среди которыхъ подвизаются наши миссіонеры. 3) Снимки съ картинъ знаменитыхъ мастеровъ христіанскаго искусства какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. 4) Картины изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

1) „Воскресные Листки“: исторія и объясненіе церковныхъ праздниковъ, жизнеописанія Святыхъ и описаніе чудотворныхъ иконъ, чтимыхъ Православной церковью.

2) НОТЫ ДЛЯ ЦЕРКОВНАГО ПѢНІЯ.

Редакторъ-издатель С. Уваровъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

въ 1889—90 подписномъ году (съ 1 августа 1889 г. по 1 августа 1890 г.).

Съ 1 августа 1889 года журналъ «ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА» вступаетъ въ третій годъ изданія. Оставаясь неизмѣнно-вѣрнымъ своей главной задачѣ—оказывать посильную помощь трудящимся въ школахъ пастырямъ и учителямъ въ ихъ великомъ и святомъ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія народа, журналъ по прежнему будетъ вмѣстѣ и органомъ, при посредствѣ котораго дѣятели на поприщѣ народнаго образованія могутъ обмѣниваться между собою взглядами на различные вопросы, относящіеся къ такой или иной постановкѣ школьнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ, а равно и выражать указываемыя школьною практикою и жизнью нужды, желанія и потребности школы и ея непосредственныхъ дѣятелей. Отдѣлъ для чтенія учащихся и въ новомъ подписномъ году будетъ печататься такъ, чтобы изъ него легко было затѣмъ составить особыя книжки для выдачи на руки ученикамъ школы.

Программа журнала остается прежняя.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода и постановленія Училищнаго при немъ Совѣта, а также нѣкоторыя распоряженія епархіальныхъ преосвященныхъ и училищныхъ совѣтовъ. Методическія и дидактическія статьи по предметамъ обученія, входящимъ въ учебный курсъ церковно-приходскихъ школъ. Мнѣнія духовной и свѣтской періодической печати о лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ церковно-приходскихъ и вообще въ народныхъ школахъ. Свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ въ епархіяхъ. Изъ школьнаго міра (хрюпка). Педагогическое обозрѣніе. Мелкія извѣстія и замѣтки, относящіеся къ школьному народному образованію. Рецензіи книгъ, посвященныхъ школьному народному образованію. Корреспонденціи. Небольшія статьи для чтенія въ школахъ и дома: а) Размышленія о предметахъ вѣры и нравственности православной; б) Примѣры благочестія въ разныхъ обстоятельствахъ жизни человѣческой; в) Повѣсти и рассказы религіозно-нравственнаго содержанія; г) Рассказы изъ отечественной и общей исторіи; д) Цитчи.

Журналъ будетъ выходить по прежнему *ежемесячными книжками отъ 4 до 5 и больше печатныхъ листовъ* съ 1 августа 1889 года по 1 августа 1890 года.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНИЮ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ТРИ РУБ. СЕР.

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ: 1) въ редакціи журн. «Церк.-приход. школа», при Кіевск. Епархіал. Училищ. Совѣтѣ; 2) въ редакціи журн. «Руковод. для сельскихъ пастырей» при Кіевск. духовн. семинаріи; 3) въ Южно-Русскомъ книжн. магазинѣ Динтера.

Въ С.-Петербурѣ: 1) въ Синодальной книжной лавкѣ; 2) въ книжномъ магазинѣ И. А. Тузова.

Въ Москвѣ: въ Учебномъ магазинѣ «Начальная Школа» Е. Н. Тихомировой.

Въ редакціи журнала можно также получать и оставшіеся отъ первыхъ двухъ подписныхъ годовъ экземпляры:

Годъ I (съ 1 августа 1887 года по 1 августа 1888 г.) цѣна ТРИ руб. съ перес.

Годъ II (съ 1 августа 1888 года по 1 августа 1889 г.) цѣна ТРИ руб. съ перес.